

ИСТОКИ

*Литературно-художественный
и публицистический журнал*

№29
2018 г.

**Презентация новых книг.
Фото Ларисы Захаровой**

ИСТОКИ

Литературно-художественный и публицистический журнал

Основан в 2005-м году

№29

2018

А.Г. Поздеев. Столбы

ББК 84
И 1- 29

«ИСТОКИ»

- литературно-художественный
и публицистический журнал
2018 год. 288 стр.

Основатель и главный редактор
Прохоров Сергей Тимофеевич,
член Союза писателей России,

ОБЩЕСТВЕННО-РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Сдобняков Валерий Викторович - секретарь Союза писателей России, председатель правления Нижегородской писательской организации, редактор литературно-художественного журнала «Вертикаль. XXI век» Нижний Новгород.

Ерёмин Николай Николаевич - член Союза российских писателей. Красноярск.

Корнилов Владимир Васильевич - член Союза писателей России. Братск.

Яшин Алексей Афанасьевич - член Союза писателей России, редактор литературного журнала «Приокские зори». Тула.

Прилуцкая Ольга Владимировна - член Союза писателей республики Крым, член-корреспондент Крымской литературной академии, редактор литературно-художественного журнала «Крым», историко-краеведческого и литературно-искусствоведческого журнала «Доля», главный редактор детского журнала «Долька». Симферополь.

О РОДИНЕ НЕГРОМКО ГОВОРЮ

94-й годовщине образования Нижнеингашского района был посвящён конкурс чтецов и буктрейлеров «Любимый уголок родной земли». Организованный отделом по делам молодёжи, культуре и спорту администрации района и библиотекой имени Н.С. Устиновича конкурс собрал в читальном зале любителей прозы и поэзии местных авторов, которыми богата ингашская земля.

По условиям конкурса чтецы выбирали для выступления произведения о природе, славной истории и людях нашего сибирского таёжного уголка. Чистые, искренние строки, проникнутые непоказной любовью к малой Родине, в исполнении ветеранов, педагогов, работников культуры, активных читателей разных возрастов, от восемнадцати лет и старше, звучали особенно прочувствованно, осознанно, в унисон

с авторским посылом.

Приглашённый в качестве почётного гостя протоиерей Георгий Князев, сам уроженец района и первый настоятель построенного и освящённого в 2003 году храма св. Архистратига Михаила в Нижнем Ингаше, тепло оценил духовно-нравственный уровень исполненных произведений и подчеркнул значимость искреннего чувства любви к малой родине, сопричастности с происходящими событиями и личной ответственности за тот уголок земли, где Господь сподобил человека родиться, созреть духовно и оставить добрый след в потомках, делах, творчестве. В благодарность за сотрудничество в деле духовно-нравственного воспитания священник преподнёс библиотеке икону св. Архистратига Михаила.

25 конкурсантов представили Павловку и Нижний Ингаш, Климентьево и Максаковку, Тины и Нижнюю Пойму, Касьяново и Верхний Ингаш. Читали прозу Николая Устиновича, стихи Сергея Прохорова и Екатерины Данковой, Марии Козловой и Людмилы Копаневой, Анны Трафимович, Татьяны Солодковой, Виктора Псарёва, Владимира Василенко и Леонида Головинского. Свои стихи также читали авторы Игорь Завадский, Раиса Шульга и Виктория Кивро.

Четверо участников конкурса буктрейлеров (коротких видеороликов о книгах наших земляков) попробовали себя в этой новой форме представления читателям произведений местных авторов.

Жюри отметило по достоинству каждое выступление и поблагодарило всех участников и организаторов конкурса. В соответствии с условиями конкурса, присудило первое и второе места, соответственно, нижеингашцам Виктории Кивро, прочитавшей своё поэтическое глубокое размышление «Разговор с тишиной», и Василию Михайловичу Мартынову, который выразительно исполнил ставшее гимном Нижнего Ингаша стихотворение Сергея Прохорова «Встаёт рассвет»;

третье место – Ирине Владимировне Гончаровой (на снимке) из Верхнего Ингаша за проникновенное, передающее авторскую интонацию прочтение рассказа Николая Устиновича «Цена жизни».

Авторами лучшего буктрейлера – «Родники» по книге Е.С. Данковой «Мне нишу предоставило село» – признаны Светлана Юрьевна Игнатьева и Тамара Александровна Муравьёва из Канифольного.

Лилия Енцова
Нижний Ингаш

Начали с Сергея Михалкова

В Центральной межпоселенческой библиотеке им. Н.С. Устиновича 1 марта 2018 года торжественно открыли включение Нижнеингашского района в фестиваль «Читающий край». В читальном зале библиотеки собрались представители разных поколений: ветераны труда, молодёжь, учащиеся.

В приветственном слове к участникам поэт, член Союза писателей России, редактор журнала «Истоки» Сергей Тимофеевич Прохоров подчеркнул великую пользу чтения.

- Книги просвещают душу, пробуждают в человеке лучшие стремления, острят его ум и смягчают сердце.

Что и продемонстрировали участники фестиваля на примере творчества Сергея Михалкова, отметив таким образом 105 лет со дня рождения выдающегося советского поэта.

С большим интересом говорили о его уникальном даре весело и доступно для детей говорить о серьёзных вещах. С удовольствием читали его басни, которые остаются злободневными, высмеивают, учат. Очень артистично прозвучала сказка «Ссора», в

исполнении учащихся.

ЦМБ им. Н.С.Устиновича

Поздравляем с победой!

Нашего земляка, поэта, прозаика, редактора двух литературных журналов «Истоки» и «Литкультпривет!» - Сергея Тимофеевича Прохорова знают не только в Нижнеингашском районе, Красноярском крае, но и во многих других уголках нашей страны. Издаваемые им журналы и книги читают в Белоруссии и на Украине, в Молдавии и Финляндии, в США и Казахстане, Германии... Творчеством поэта заинтересовался литератор из Лондона, председатель правления Международного союза литераторов и журналистов «АРИА» Сергей Хоршев-Ольховский, и предложил стихи Прохорова в несколько СМИ и на конкурс в альманахе «Литературная Канада», учрежденный литературно-творческим объединением «Кленовые листья» Торонто.

Итоги конкурса были подведены в начале 2018 года в Русском Доме Торонто. Наш Сергей Тимофеевич признан победителем в номинации «Поэзия»! Поэту из Нижнего Ингаша присвоено звание «Лауреат литературной премии «Лучший автор альманаха Литературная Канада – 2017».

Библиотека им. Н.С.Устиновича и почитатели его таланта поздравляют Сергея Тимофеевича Прохорова с этой творческой победой!

**Екатерина
ДАНКОВА**

Нижний Ингаш, Красноярский край

Екатерина Сергеевна Данкова - автор книг: «Мне нишу предоставило село» (сборник стихов и рассказов) и «Время разбрасывать камни» (роман). Готовит к изданию третью книгу.

РОДОВА

Предисловие

... Все последние годы жизни я время от времени возвращаюсь в своих мыслях к осознанию того, какой огромный путь прошла наша большая семья, ставшая за эти годы не просто семьёй, но тем, что в Сибири называется родова. Вместе с тем я всё больше осознаю, что надо писать об этом, чтобы знание об этом огромном пути не пропало, было известно всем нашим, идущим - поколение за поколением - по этой дороге.

Время идёт, вот уже осень 2016-го года, и все яснее становится, что надо начинать. Более того - давно уже пора было писать о семье, её корнях, но труд, который я задумала, настолько большой и ответственный, что всё время из-за боязни этой ответственности откладываю. И чем дольше откладываю, тем больше одолевает страх забыть то, что я усвоила и узнала о своей родове в моём далёком детстве и в течение всей жизни.

Сама себе даю наказы – не забыть про то, про другое, вспомнить что-то ещё и ещё. В памяти, как будто и вправду от этих наказов, всё ярче высвечиваются факты истории нашей семьи, и я стараюсь записывать эти воспоминания. Спросить и уточнить уже не у кого, все наши старшие ушли на тот свет. Поэтому сейчас можно опереться только на свою память, на услышанные ранее рассказы старших, которые, к счастью, ещё сохраняет моя память и память моих родных.

Но сначала о том, что такое родова. Это слово у нас в Сибири знают все, кого ни спроси, и все чётко представляют, что это такое, а вот в словарях его значение не раскрывается. Во всяком случае, всезнающий Интернет этого слова не знает вообще, не говоря уже о его смысле. Приходится объяснять, как уж получится, по смыслу, в котором это слово употребляется у нас в народе.

Родова – это большая семья с разветвлёнными линиями родства. При этом учитывается не только наличие, но и качество семейных корней. Например, говорят: «У них родова хорошая». Это значит, что в такой семье нет плохих людей, вся семья работающая и честная, люди сильные и здоровые. Значит, с такой семьёй можно родниться, из неё можно брать невесту или жениха. Или наоборот: если родова плохая, то с выходцами из неё лучше не связываться.

Поэтому понятие «родова» включает и генетику семьи, о которой стародавние люди теоретически не знали ничего, но в практическом плане использовали в своей жизни обязательно.

Вот и у нас не просто большая семья, у нас именно родова. Наверно, то, что на Западе называется кланом. Недаром нашу семью одно время пытались называть кланом, особенно, когда по телевизору прошёл сериал

про американский город Санта-Барбару. Но в отношении нашей семьи это словечко не прижилось. А если бы прижилось, это было бы плохо, как-то не по-русски.

Мы были и есть – РОДОВА. То есть род, созданный жизнью и делами нескольких поколений людей.

К такому пониманию приходишь не сразу. В детстве, юности, в годы зрелости, когда время заполнено становлением своей судьбы по всем направлениям, многими заботами, связанными с таким становлением, учёба ли это или рождение и воспитание детей, нет ни большого желания, ни времени вникать в суть семейной истории. Ну, семья и семья, у всех семьи.

Но когда приходит старость, начинаешь оглядываться на прожитое, и тогда во всей огромности встаёт необходимость осознания смысла существования и твоей семьи, и твоего личного жизненного пути – но, опять же, осуществляемого в рамках своего большого семейного сообщества, с учётом морали семьи, её требований, её достатка и помощи. Ведь, в общем-то, весь жизненный путь любого отдельного человека, каким бы он ни был, успешным или не очень, - связан с семьёй, с её устоями, с её историей.

А вся жизнь твоей огромной семьи, то есть родовой, твоего рода, включена в историю страны.

И вот именно тогда ясно осознаёшь, что это такое - твоя родова, твои родные и милые сердцу люди. Как много они значат, и как ты горячо желаешь, чтобы они так же много значили и для твоих детей, внуков, правнуков, для всех, кто будет идти дальше по нашему общему жизненному пути. Не в смысле профессии или места жительства, не в смысле богатства, нет. В смысле такого общего пути, на котором не теряется совесть, любовь к своей семье, уважение к основателям рода, высокая оценка всего того, что они сделали для тех, кто идёт за ними.

Получается, что хорошая родова – это гарантия жизни рода и его членов, это та дорога, по которой семья идёт в будущее.

Мои записи, которые я начала наконец-то делать этой осенью, именно об этом – о нашей родове.

Начало

... Однажды наступило время, это был 2005 год, когда мне часто стал сниться наш родной деревенский дом в селе Соколовка Нижнеингашского района, построенный в 1905 году. Этот дом возвёл мой дед Павел Яковлевич Тресковский – переселенец из Могилёвской губернии Белоруссии, которая тогда не была отдельным государством, а входила в состав огромной Российской империи.

Дом был построен разумно по отношению к частям света. Так, крыльцо и кухонное окно выходили на восток. Для меня, маленькой девочки, это

было абсолютно понятно: на востоке находится МТС, куда каждый день ходит на работу мой отец, Сергей Константинович Данков, директор Малиновской МТС, там же дороги, которые ведут к этой организации, там же гречишное поле.

И всему этому необходимо утреннее солнце.

Дальше солнце двигалось южнее, туда, куда угоняли стадо коров, и куда мой отец уезжал на какое-нибудь совещание в районный центр. А потом солнце перебиралось на запад, и на его заходящий, уставший свет шло коровье стадо, поднимавшее пыль на дороге и пахнущее молоком.

Во всем этом устройстве мироздания моих детских лет была невероятная гармония, которую создавало расположение родного дома относительно солнца, а в конечном счёте – само солнце.

Так вот, стал дом сниться всё чаще: зелёная трава на просторном дворе, над травой полощутся белые простыни, и качели, сделанные ещё дедом для своих детей, и сад с черёмухой, и огромное крыльцо – не из досок, а из здоровенных плах, на котором вечерами сидит вся семья. И два тополя, укрывшие наш дом сверху. И запах цветущей гречихи с ближнего поля, через которое шла тропинка в МТС...

Мать сказала:

- Ну, съезди, посмотри на дом, попрощайся с ним за всех нас.

Съездила, посмотрела, попрощалась. Дом наш был в тот год, хотя и заброшен, но ещё крепок, что неудивительно: перед самым отъездом на новую жизнь в Нижний Ингаш он был отремонтирован капитально, подданы два венца в его основании. Это было сделано летом 1957 года. А осенью 1958 года наша семья переехала в Нижний Ингаш.

Сейчас в доме нашем уже давно никто не живёт. Зарос дурниной чистый и аккуратный некогда двор, снесены постройки, затравянен некогда плодородный, ухоженный огород, ржавым мхом покрылась кора столетних тополей, посаженных ещё дедом. Дом, как человек с тяжёлой судьбой, загрузил и закрыл окна-ставни.

Жильцы после нас менялись один за другим, но никто не прижился. Наверно, выталкивал старый дом чужих людей, ждал хозяев – построивших его и любивших до последней досточки в заборе. Но жестокая родина-мать, как щенят, выкинула один за другим три поколения из их родного дома. А те, для кого это делалось, хозяевами, увы, не стали...

Все это, конечно, печально. Но из песни слова не выкинешь - дедовский дом, наше родовое гнездо, нами утерян навсегда. Хотя нашей вины в этом не было.

Чтобы понять, как это случилось, придётся обратиться к истории страны и нашего района, который начинался со строительства Московского тракта, нынешней федеральной трассы М-53. Эта большая дорога через всю страну строилась постепенно и по мере своего продвижения на восток «обрастала» поселениями, жители которых обслуживали тракт: занимались извозом, держали постоянные дворы, а потом пришла очередь и сельского хозяйства.

Во время реформ П.А. Столыпина в начале XX века в Сибирь приехали предки большинства нынешних нижеингашцев, в том числе и наш дед Павел Яковлевич Тресковский – с братьями, детьми и родственниками по линии жены Анны (по паспорту), Ганны в быту. Определили их на жительство в две деревни – Соколовку, где обосновался мой дед, и Покровку – деревеньку немного дальше Соколовки.

Соколовка – это село в тридцати километрах от Нижнего Ингаша, районного центра на самом востоке Красноярского края. По меркам того, переселенческого времени, – далекоовато от центров цивилизации, если таковыми считать железную дорогу и Московский тракт. По нынешним же меркам если судить, то Соколовка находится исключительно удачно с точки зрения экологии, чистого воздуха и чистой воды. Наступает время, когда это будет цениться всё больше, и вполне возможно, моя родина примет новых поселенцев, людей, которые захотят обитать в условиях естественной, природной жизни.

Соколовка расположена так: с одной стороны тайга, с другой поля, перемежающиеся околками (кусочками леса), а в конце этих полей – снова тайга.

Когда я пишу эти строки, издана моя первая книга стихов и рассказов «Мне нишу предоставило село». Так вот для её оформления мой хороший друг, писатель и издатель Сергей Прохоров нашел в Интернете фотографию, на которой дорожный указатель с надписью «Соколовка» и панорама села. Хорошо видно на этом снимке, что Соколовка расположена как будто между ладонями таёжного леса. И это на самом деле так. Мы жили и росли в весёлых и добрых ладонях леса, бывшего для нас родным и абсолютно безопасным, и в ладонях дедовской усадьбы – с её теплым домом, широким зелёным двором, с её тайнами, играми, качелями, собакой Жучкой. Со всеми прелестями нормальной, разумной, я бы даже сказала – интеллигентной деревенской жизни...

В исторических исследованиях написано, что переселенцы первое время жили в землянках, в шалашах и балаганах, то есть во временном жилье. Это наших предков не касается ни в коей мере. Дело в том, что Тресковские приехали из своей Белоруссии, где они жили в селе около Могилёва, целой кучей братьев, с чадами и домочадцами. Причём один из братьев сразу построил лавку и начал торговлю. Понятно, что имея средства и родственную рабочую силу, строились братья сразу, без никаких балаганов и землянок. Моя тётка Ольга Павловна Тресковская рассказывала, что и остальные переселенцы не жили во временном жилье, предварительно для них были построены бараки, вообще переселенцам хорошо помогало строиться государство, давало на это деньги.

И не только строиться. Государство выделяло переселенцам по двести рублей на семью, на которые в те времена можно было купить около 20 коров и завести стадо. Давали лес на вырубку, чтобы построить не только дома, но и хозяйственные постройки.

Братья Тресковские, жадные до жизни и до работы, возводили сразу

всё. Тот из братьев, который был торговцем, построил свой дом напротив дома нашего деда. А рядом с домом нашего деда поставил свою лавку. Потом в этом доме долгое время при советской власти был сельсовет.

Во дворе своего дома брат-торговец поставил избу вроде барака, это был склад товаров. Когда пришла советская власть, этот склад отдали под жильё. В низеньком домике жили наши хорошие знакомые: семья Барсуковых, а также квартировавшая у них Агафья Гавриловна Тараканова, бухгалтер из МТС, дочь первого председателя сельсовета Гавриила Тараканова, убитого колчаковцами. Попутно замечу: на месте, где расстреляли Тараканова, при въезде в Соколовку, долгое время стоял небольшой обелиск, около которого проводились пионерские мероприятия. Сейчас это место запахано.

... Время от времени мне придётся делать отступления от основной линии повествования. Хочется рассказать о многом, даже о том, что вроде бы не особенно важно, но представляет, по моему мнению, определённый интерес. Это своего рода мифы, легенды и разного рода придуманные уже много позднее истории.

Отступление первое: миф о купце Тресковском

Где-то в конце 90-х годов – самом начале XXI века, году так в 2001-м, моей дочери Любе передали из Соколовки сумку с какими-то документами, по-моему, там был паспорт и ещё что-то. Это были документы Николая Яковлевича Тресковского, соколовского сельского лавочника. Упакованные в кожаной сумке, они были найдены соколовцами при очистке старого высохшего колодца во дворе дома, где он жил.

Самое интересное, что эти же соколовцы потом говорили, что были найдены и золотые монеты, которые, естественно, тут же кто-то украл. Вполне возможно, это миф, но явная правда то, что когда пришла советская власть, купец решил убежать от неё, и это ему удалось, не то, что моему деду. Он уехал в уездный город Канск, купил там дом и вырастил детей. Их судьба сложилась благополучно.

Таков миф, и так мы считали много лет. А теперь подумаем: если обнаруженные документы принадлежали Николаю Тресковскому, лавочнику, то это означает, что или его убили, а документы бросили в высохший колодец, или лавочник свои документы спрятал, а приобрёл бумаги на чужую фамилию. В любом случае, судьба трагическая. Я думаю, что их убили, потому что в то время было непросто достать документы на другое имя, да ещё на всю семью.

А что же говорила об этом тётка Ольга, старшая на тот момент в нашей семье?

Она молчала. Она вообще о многом молчала, хотя явно многое знала.

Только спустя много лет я поняла причину её молчания – она защищала нас, детей, от этого трагического знания, потому что, как ни крути, их семью в то время преследовало и убивало не какое-то частное лицо, не бандитская шайка, а государство. И в такой ситуации лучше всего было молчать.

Но об этом немного позже...

В Канск же во время «раскулачки» перебралась семья сестры Ганны, бабушки Матруны, по её мужу их фамилия была Батяновские, по деревенскому прозвищу – Батяны. Так в Белоруссии называют аистов.

Мне было лет четырнадцать, когда мать разрешила съездить в Канск в гости к дальней родне. Хотя какая дальняя – получается, что бабушка Матруна была родной тёткой моей матери.

Жили Батяны в старом деревянном доме, он и сейчас жив-здоров, и когда мне случалось ездить в Канск, я всегда обращала внимание на него. Старый, вросший в землю, с постоянно закрытыми ставнями.

Хорошо помню, как с дочерью бабушки мы ходили в церковь. Это был 1960 год, и церковь ещё была в своем родном здании. Был Яблочный Спас, мы с тёткой Настей отстояли службу. А сама бабушка рассказывала мне по секрету, что её сын был в банде «Чёрная кошка», но ему удалось уйти от наказания. Спустя много-много лет, я узнала, как ликвидировали эту страшную банду, наводившую ужас на население страны. Членов «Чёрной кошки» тогдашние милиционеры просто-напросто поубивали. Конечно, жестоко. Но если бы их ловили и судили по закону, многим бандитам удалось бы уйти от правосудия: у них были деньги и наглость.

Этот Матрунин сын ходил тут же, что-то делал по хозяйству, звероватого вида, молчаливый и строгий. А дочь этого мужика всю жизнь была преподавателем в Канском педучилище.

Таким образом, именно Батяновские, а не Тресковские переселились в Канск. А след Николая Яковлевича Тресковского потерян, во всяком случае – нам неизвестна его судьба и судьба его семейства.

В нашем районе есть Тресковские и кроме нас. Это, безусловно, наша далёкая родня по деду Павлу Яковлевичу. Но как-то мы не привыкли общаться, выяснять, кто кому какая родня, искать далёкие ветви родства. Наверно, потому, что близкой родни рядом было много.

В Соколовке, как и во многих других переселенческих деревнях, дома ставили разные. Строили дома добротные, из леса большого диаметра, с шатровыми крышами, резными ставнями, с просторными хозяйственными дворами под сплошным навесом. Таких домов было мало.

Но строили и скромные избы, по силам и средствам.

У нашего деда дом был не пятистенный, то есть не на сибирский манер. Дом был построен по западному, то ли польскому, то ли литовскому

образцу. Особенности этой усадьбы таковы: окна выходят на улицу, сзади к дому примыкают постройки, расположенные вокруг двора. Получается замкнутое, защищённое пространство - для скотины, для детей, для огорода.

Для строительства дома наш дед удачно выбрал небольшое возвышение, и поэтому никогда не заливало весенними водами подполье и подвал во дворе, а крыльцо было высоким, с несколькими широкими ступенями. Дом был большой, но не огромный, как сейчас любят строить. Дед понимал, что, обогреваясь дровами, нельзя иметь чересчур большое жильё.

Дом был ровно такой, как надо. Всем хватало места, и было в нём тепло, хотя для поддержки русской печи зимами ставили печку-буржуйку, которая немедленно становилась центром жизни.

Да если ещё залезть на большую печь и сверху воспринимать тепло от неё и от буржуйки, и слушать разговоры, которые ведутся внизу, – вообще большая жизненная удача! С этим теплом связано вот что: сколько ни вспоминаю нашу соколовскую жизнь, не могу припомнить сильных морозов, какие порой мучают нас сейчас. А ведь были, были эти морозы, но в тёплом доме они не воспринимались большой неприятностью.

Наш дед Павел Яковлевич возвёл не только дом, но и помещения для скотины, амбар под зерно, баню, выкопал колодец, воздвиг огромный навес на здоровенных, в полтора обхвата столбах. На таких же столбах под навесом были поставлены качели для детей. Качались на них мои дядья и тётки, моя мать, досталось и нам с сестрой и братьями покачаться на старинных дедовских качелях. Размер качелей был солидный: например, на доску садилась моя мать с братом Серёжей на руках, мы с сестрой по бокам, и всем хватало места.

... Переселенцы сходились в одном: стремились жить зажиточно, вольно, для чего заводили много скота, обрабатывали много земли. Выращивали не только зерновые культуры, среди которых были просо и гречиха, выращивали картошку на корм для скота и для людей, репу, брюкву, капусту, редьку. Сейчас молодёжи даже трудно представить, что это такое – репа или брюква, но я хорошо помню вкус сладкой репки, которую мы летом съедали килограммами, и пареной брюквы, а также пареной в русской печи свёклы. Эти парёнки ели просто так, как конфеты, или делали из них начинку для пирогов.

Выращивали лён, чтобы делать одежду. Я помню полотенца, рушники, изготовленные из льна и вышитые чёрно-красным крестиком. Как долго они держались в нашем обиходе!

Выращивали коноплю. Это сейчас несчастное растение обгадили как сырьё для наркотика, а раньше оно было в большом почёте. Из конопли изготавливали пеньку, то есть грубое лубяное волокно, и эту пеньку Россия поставляла на Запад. Из пеньки делали канаты, верёвки, шпагат. Я хорошо помню, как мать однажды показала мне лесок около МТС и сказала, что здесь у их семьи было пенькомочище. То есть место, где был, видимо, ручей и запруда, в которой мочили пеньку и лён.

А еще конопля давала вкуснейшие семена, которые жарили зимой на печках-буржуйках и ели это лакомство, горячее, душистое, неизмеримо вкусное, гораздо вкуснее, чем подсолнечные семечки. Такое жареное семя конопли почему-то звали коноплём.

Из конопли делали и растительное масло. Зимой доставали из подвала квашеную капусту, крошили туда лук, поливали конопляным маслом – чуть-чуть зеленоватым, душистым, густым и пахучим, оно было куда лучше, чем нынешнее оливковое. К горячей рассыпчатой картошке, к салу, замороженному и хорошо просоленному с чесноком и тмином (мы, как все белорусы, без тмина не представляли никакой еды), этот деревенский деликатес подходил как нельзя лучше.

Держали много овец. В этом была жизненная необходимость: надо было шить зимнюю одежду, полушубки, тулупы. Я помню, что у нас были огромные тулупы, два или три, их не только носили во время дальних поездок на санях, но и использовали в качестве одеял. Милое дело – когда за окнами воеет метель, шоркает об стены дома снеговыми зарядами, залезть под этот тулуп, неистребимо пахнущий овцой, и счастливо угреться. Вроде, и в доме тепло, огромная печка посреди трёх комнат топится добросовестно, да еще буржуйка добавляет тепла изрядно, а под тулупом всё равно лучше.

Из овчины шили также мужские полушубки – простые и отрезные по талии и от талии же сборчатые, они назывались борчатки и считались богатой одеждой.

Овечью шерсть пряли и делали варежки, покрывала для кроватей. У нас было два таких покрывала из овечьей шерсти, ещё бабушкины. Не надо думать, что это были тупо однотонные серые изделия – шерсть красили, поэтому покрывала были настоящими произведениями искусства – в разноцветную полоску, причём цвета были подобраны исключительно гармонично. Бабушка Ганна дело свое знала. Один такой плед я помню, как сейчас: тёмно-вишнёвый фон с розовыми цветами. Второй плед был поскромнее, в коричневых оттенках с жёлтыми вкраплениями.

Эти покрывала звались постилки – от слова «постилать», «застилать».

Овцы давали не только шерсть и овчину, но и кормили своих хозяев. По мере надобности овец резали летом, когда уже никакое мясо в погребе-леднике не сохранялось, а наступало время покоса, заготовки дров, прополки многочисленных посадок. Людям, много работавшим физически, требовалось мясо, и его давали овцы.

Отступление второе: вечерний суп...

... Помню, как сейчас.

Наш огромный двор, весь в зелёной траве, которая не может разрастись сильно, потому что её постоянно топчет скотина и приминают детские ноги, но она по мере сил всё равно растёт и становится чем-то вроде газона.

К тому же двор время от времени подметается. Подметать двор – это наша с сестрой обязанность, и это такое большое удовольствие, когда видишь чисто выметенный, такой радостный, аккуратный двор, наше основное детское жизненное пространство.

Ближе к крыльцу стоит печка-буржуйка, на ней варится суп из свежей баранины. Овцу закололи только что. Кололи и снимали шкуру тут же невдалеке, под навесом. Нас, детей, не отгоняли, мы всё видели. Если бы это было сейчас, сколько визгу подняли бы в СМИ любители животных! Это, конечно, было жестоко, но люди должны были думать о своём пропитании, овец держали именно для этого, и мы, дети, понимали вполне здраво эту сторону жизни.

Но нас учили и хозяйскому отношению к домашней скотине. Сейчас мне дико смотреть, как современных детей специально приучают любить животных. А раньше детей не приучали, просто мы всегда знали: не сядет семья за стол, пока не накормлены животные, не подоена корова. Не представляю, чтобы мы ужинали, а в стайках кричали голодные свиньи и мычала недоенная корова!

... Так вот, дело к вечеру, все дома. Мать держит на руках маленького Серёжу, любимца семьи, родившегося после трёх девок – меня и моей сестры Шуры, а также самой старшей девочки Любы, родившейся на фронте и умершей в Читинском военном госпитале. Ножки моего брата закутаны в простынку с кружевами по низу. Он красивый и спокойный малыш с умными голубыми глазами.

Ещё немного – и ужин будет готов. Суп разольют в тарелки и будут есть, сидя на ступенях крыльца, на свежем воздухе, или за дощатым столом, который стоит здесь же, около печки. Возможно, придёт кто-то из соседей, и ему тоже нальют супа.

Мы все вместе, и наши старшие ещё совсем молодые, и запах от супа из свежей баранины ошеломительный. Стоит лето. Мне совсем немного лет, но я понимаю, что это и есть счастье.

Больше такого супа ни я, ни сестра не ели. Об этом мы недавно вспоминали. Хоть как вари, а такой вкусноты не добьёшься...

А мой брат Сергей недавно ушёл из жизни, едва отметив 65 лет. Ушёл, оплакиваемый семьёй, всеми, с кем работал, ходил на рыбалку, жил в соседстве. Каким был в детстве, таким и прожил жизнь, таким ушёл и на тот свет – красивым, умным, голубоглазым...

Переселенцы много работали. Новые сибиряки надеялись, что своим трудом заработают право на сытую, обеспеченную жизнь если не для себя, то уж для внуков – точно. Они не были мечтателями – такое будущее им гарантировала тогдашняя власть, на своей земле, в суровом, но таком отзывчивом на труд таёжном краю.

Новые люди Сибири прибывали сюда в основном из Белоруссии и

Украины, селились кучно, по национальному признаку. В результате родная моя Соколовка делилась на два конца – на «хохлов» и «капитульцев», в дни больших праздников сходящихся стенка на стенку. В остальное время жили мирно, было не до глупостей – всё время отнимала работа. Чуть подробнее о жизни в Соколовке – в моем романе «Время разбрасывать камни», где Соколовка изображена под названием Владимировка.

Почему наше село носит название Соколовка?

Есть официальная версия, что первым поселенцами здесь были политические ссыльные некие братья Соколовы. На мой взгляд, эта версия абсолютно неверна. Дело в том, что царская власть никогда не селила политических ссыльных на неосвоенной земле, да ещё посреди глухой тайги. Власть отвечала за жизнь и здоровье ссыльных. Яркий пример: главный революционер и основной враг царизма В.И. Ленин отбывал срок в селе Шушенском, где благодатный климат, где ему с женой было предоставлено самое комфортное по тем меркам жильё и выплачивались средства на жизнь.

В начале XX века отбывал ссылку и Иосиф Сталин, и где – в селе Курейка, на севере края. Ему тоже было предоставлено пособие, он мог спокойно жить, и даже, как недавно выяснилось, в ссылке у него был роман с юной сибирячкой, которая родила от Сталина сына, и у этого сына есть потомки.

Другая версия – село названо по имени государственного землемера, намечавшего место нового переселенческого села, нарезавшего земельные участки. Эта версия более правдива. Такое название новых сёл происходило в то время сплошь и рядом.

Когда мы жили в Соколовке, тётка Ольга, кладёз информации о прежней жизни, показывала первый дом в Соколовке, в этом доме жили люди по фамилии Ермаленок. Это и есть правда. Никакие Соколовы не могли быть и не были первыми в нашей деревне.

Кроме того, никогда в Соколовке я не слышала упоминаний о фамилии Соколовых, хотя, будучи весьма любопытным существом, шлялась по деревне, смотрела на усадьбы и дворы, разговаривала с людьми. Это невероятно, но я как будто уже тогда готовилась стать пишущим человеком, пусть даже в маленькой районной газете. Я не подсматривала – я, скорее, впитывала в себя эту жизнь, этих людей. Я любила Соколовку. Ту Соколовку, какой она была в моём детстве. И какой сейчас уже давно нет...

Отступление третье: о деревенских именах и прозвищах

Я и сейчас могу назвать всех жителей по своей улице в деревне. Если не по фамилии, то по деревенскому прозвищу, которые давались не очень оскорбительно. Так, наша родня первоначально звалась Трескуны,

потому что Тресковские, а потом - по фамилии моего отца - Данки. Были Комаришки (Комаровы), был председатель сельсовета Кольвинковский по прозвищу Касим, соответственно, его жена, директор школы, была Касимиha. Приличные, достойные люди во главе с суровым, молчаливым хозяином звались Козлы, хотя настоящая их фамилия была Ставер.

Юдовы звались Юдочками. И это было совершенно правильно, потому что глава семьи, Митя Юдов, был мужичком небольшого роста, чернявым, говорливым, приветливым, и жена, моя первая учительница Нина Алексеевна, чудесная, милая женщина, была ему под стать, только светловолосая.

Была семья Махнов, имевшая официальную фамилию Костюкевич. Но глава семьи именовался батькой Махно, а дети, соответственно, - Махнятами.

Иногда прозвища давались весьма неожиданные. Так, у моей подружки Тома Герасимёнок отца звали Васька Дитя'тка, а его жена звалась Дитя'тчиха. Хотя были вполне приличные люди. Но в далёком детстве любящая мать долго звала Ваську дитятком, вот и прицепилось. Кстати, это прозвище я использовала, когда писала рассказ «Про Ромео и Джульетту из сибирского села».

Был ещё мужик, которого звали Дергач. Я думала, что это было такое неприятное прозвище, но нет – это была фамилия. А так как он был заготовителем от государства, то есть требовал от каждого двора сдавать определённое количество продуктов, то его фамилия ему подходила как нельзя лучше.

ВМТС работал шофёр Николай Костюкевич, имевший буквально какое-то чукотское имя – Коля Кэлэмэнэ. Позже, когда я читала замечательные повести чукотского писателя Юрия Рытхэу, встречала похожие имена, например - Нэптунэ, и обязательно вспоминала своего земляка Колю, который, на свою беду, любил за каждым словом приговаривать – Ё кэлэмэнэ! И доприговаривался до прозвища.

Но вот что интересно. В каких-то больших мероприятиях, в традиционных ответках, обжинках и отсеках, во время празднования дней рождения друг друга принято было называть по имени-отчеству. Говорили: Татьяна Павловна, Ольга Павловна, Сергей Константинович, Тимофей Кириллович. Я потому и помню так въяве многих соколовцев, что их имена-отчества слиты воедино. Люди уважали друг друга и знали, когда употребить прозвище, а когда навеличить полностью. Это был общепринятый сельский этикет, который свято соблюдался.

Иногда это выглядело весьма юмористически. Хорошо помню, как праздновали рождение брата Сергея. Это было такое грандиозное мероприятие! Столы стояли в двух комнатах, были щедро накрыты, на всех столах стояли четверти - такие огромные бутылки - с самогонкой. Пусть мутноватая, но своя, хлебная, чистая. Когда в юности я попробовала виски, узнала знакомый запах – это был «аромат» родной соколовской самогонки.

... И вот в разгар торжества наша соседка заводит под уздцы коня, стоявшего на привязи около дома. На нём приехал кум – Пётр Яковлевич Тыченко - из Михайловки, соседней деревни.

- Нехай и коню будет праздник! – Кричит соседка.

А хохочущие гости восторгаются:

- Ну, Эмилия Максимовна, ну, учудила!

И никто не сказал: Багречиха, ну ты допилась!

Не положено было. Только Эмилия Максимовна!

Старшие Тресковские

... Какими они были, основатели родовой со стороны нашей матери Татьяны Павловны, урождённой Тресковской?

Я помню старинную фотографию, на которой в центре группы людей стоит мой дед Павел Яковлевич, осанистый, серьёзный, настоящий глава семьи и рода. Плотного телосложения, коренастый. Это от него у нас в родове широкая кость и серьёзность в мыслях. Это от него к нам перешло упорство в работе и жизни, неизменяемость идеалов и тяжёлый характер.

Когда я работала в районной газете, много ездила по району. В одной из поездок я попала в Соколовку, где должна была выполнить задание редакции – написать о местном ветеране труда. Поговорила, записала его рассказ, а потом разговорилась с его женой. Тётя Маруся Лукашенко была детской подругой моей матери и в разговоре упомянула, что помнит моего деда. А когда я спросила, какой он был, она сказала:

- А вот посмотри на своего брата Сергея Сергеевича, он вылитый твой дед.

Вот уже много лет я помню эти слова, и мне совсем нетрудно представить своего деда, который «вылитый» мой брат Сергей, ставший главой солидного ответвления от нашего общего семейного дерева. Лобастый, упрямый, всегда и на всё имеющий свою точку зрения, не принимающий возражений, хотя иногда неожиданно смягчающийся и тогда даже милый.

Таким, получается, был и наш дед.

Другое дело – бабушка Ганна. Родом из Ковелей, тоже соколовских переселенцев, она полностью была отражением их скромности, хороших, терпеливых, даже чересчур терпеливых ковелевских характеров. Если судить по фотографии, у бабушки Ганны красивое, буквально иконописное лицо, она рядом с дедом, как вербочка рядом с кедром.

С Тресковскими жила мать Павла Мария, полька по национальности, слабо знавшая русский язык. Вообще их фамилия в родном написании звучала – Трасковские, даже Тршасковские, но уже потом «для красоты», получила руссифицированное написание – Тресковские и, соответственно, деревенское прозвище Трескуны.

Тётка Ольга помнит, как польская бабушка рассказывала им сказки, путая русские, польские и белорусские слова, из-за чего дети бабушкины сказки понимали мало, но слушали с упоением эту непонятную речь.

А вот бабуку Матрёну, мать своей бабушки Ганны, то есть свою прабабуку, я помню, как это ни странно, довольно хорошо. Она со своей дочерью Настей, соответственно – родной сестрой бабушки Ганны, жила сравнительно далеко от нас, в одном из тех домов барачного типа, которые строились для переселенцев на первое время. Это была низкая изба, в комнате поменьше была печь и кухонный стол, в большой комнате на кровати сидела большая, очень полная, какая-то вся распухшая, очень старая, под сотню лет женщина. К этому времени давным-давно не было в живых её дочери Ганны, её зятя Павла, внука Ивана. Но она была уже так стара, что вряд ли её что-то волновало. Старая женщина улыбалась, невнятно отвечала на слова моей матери, которая принесла ей какие-то постряпушки и другую еду.

Это был единственный раз, когда мать брала меня к своей бабушке, моей прабабушке. У меня ещё тогда сложилось впечатление, что большой любви там нет ни у бабушки к внукам, ни у внуков к бабушке. Уже потом, много лет спустя, я поняла, в чём было дело. Скорее всего, в тяжкую для дочери Ганны годину её пожилая мать не смогла помочь этой семье. То ли у самих никаких сил и средств не было, то ли испугались кары государства, которая могла наступить за оказание помощи раскулаченным.

Как я теперь понимаю, отторжение пострадавшей от раскулачки семьи моего деда и бабки произошло по обеим названным причинам, хотя боязнь осуждения за связь с раскулаченными была на первом месте.

Могу подтвердить это тем, что уже когда мы, то есть семья Данковых, жили в Соколовке, когда шли пятидесятые годы, когда уже началась так называемая «оттепель», некоторые сельские дети обидно обзывали меня, свою же одноклассницу и отличницу, кулачкой.

Деревенский остракизм – вещь страшная.

... «Тихая вербочка» Ганна Никитична родила целый выводок Тресковских. Мой дед своих детей назвал именами царственными: Иван, Пётр, Николай – как российские цари, Ольга и Татьяна – как дочери последнего императора, одна только Елена выбилась из этого ряда. Ещё была Мария, которая умерла в детстве. Мария была названа как мать Николая Второго императрица Мария Федоровна.

Тётка Ольга говорила, что Мария все время сидела у окна, куда её садили в кресло, а потом умерла. Думаю, у девочки был ДЦП, потому что тётка Ольга говорила, что она такой родилась.

Кроме Ивана и, естественно, Марии, я знала их всех. Все, как один, были красивые люди. Все, как один, были люди умные и достойные, работающие и честные.

Их судьбы сложились по-разному.

Иван Павлович Тресковский

Невыносимо трагической оказалась судьба Ивана Тресковского, старшего сына Павла и Ганны. Он был единственным ребёнком, с которым супруги Тресковские приехали в сибирское село. Остальные родились уже в Соколовке. Если судить по имеющимся у меня данным, Иван был умным, образованным и толковым человеком, пользовавшимся таким же авторитетом в селе, как и его отец.

Недавно в районной газете «Победа» была опубликована подборка материалов из Нижнеингашского архива о деревне Соколовке 30-годов XX века. В частности, здесь была приведена выписка из протокола заседания сельсовета 1932 года о выборе сельсудьи. В этом протоколе говорится, что в число народных заседателей входит Тресковский Иван. Значит, в деревне он пользовался большим уважением.

И молодая его жена была ему под стать. Как следует из той же публикации, в марте 1930 года в списке жителей Соколовки, выбранных в сельский Совет, числится жена Ивана – Тресковская Пелагея Васильевна.

Интересная судьба у этого состава сельсовета. Выборы прошли в марте 1930 года, а уже в августе того же года состоялись перевыборы. Вот как говорится в протоколе по этому поводу: «РИК (райисполком) не утвердил прошедшие выборы, так как в сельсовет попали все зажиточные крестьяне, то есть верхушка села». По этой причине и были назначены перевыборы.

Но нам-то интересен тот факт, что сначала соколовцы избрали зажиточных, крепких хозяев, которые пользовались бесспорным уважением. И это было естественно, поскольку зажиточность не падала на людей с неба, она зарабатывалась невероятным трудом, большим прилежанием и сообразительностью в крестьянском труде. Но их переизбрали, выбрали батраков, середняков, бедняков и одного члена ВЛКСМ (комсомола).

И начала советская власть ждать-пожидать высоких результатов сельскохозяйственного производства от своих назначенцев! И ждала напрасно многие-многие годы...

В 1991 году я, будучи корреспондентом краевой газеты «Красноярские профсоюзы», поехала писать о проблемах Канского краеведческого музея, который в то время, в разгар перестройки, выселяли из здания бывшей церкви. И в музее увидела портрет с подписью: «Тресковский Иван Павлович, первый тракторист села Соколовка Нижнеингашского района. Репрессирован в 1933 году».

Я стояла, как громом поражённая. Не выдержала, заплакала, и это были не столько слезы скорби, сколько слёзы гнева. Оказывается, Иван Павлович, мой дядька, старший брат моей мамы, был первым соколовским трактористом, а совсем не та женщина, которую власти официально объявили таковой. А я про эту женщину писала, воспевала её, хотя в

Соколовке многие знали, что это неправда. Но молчали и соглашались с ложью.

Так у моего дядьки Ивана, умного, толкового, уважаемого, отняли не только жизнь, но и доброе имя, славу, приписав её «нужному человеку». Дело в том, что в то время в советской стране было движение по организации женских тракторных бригад, начало которому положила знаменитая в ту пору Паша Ангелина, организовавшая такую бригаду в 1933 году. Понятно, что партия потребовала появления таких «Паш» в каждом селе, и вот ради поддержки этого почина отняли звание первого тракториста у моего несчастного дядьки.

А в Соколовке появилась последовательница Паши Ангелиной, обвиняемая «первым трактористом» села. Эта женщина ни в чём не была виновата ни перед моим дядькой, ни перед своей совестью, её назначили первой, не спросив. Да и была она первой – но вот только первой женщиной-трактористкой, а не первым трактористом.

Такое было время, и такими становились люди. Потому что всем надо было выжить, и выжить хотели все.

Отступление следующее: первой сгорела церковь...

Людей меняла жизнь, и как тут их обвинишь в чём-то несправедном, в каких-то неприглядных поступках. Меняясь под натиском и гнетом жизни, под её непонятными требованиями, люди менялись не в лучшую сторону.

Меня всегда поражало, что в нашей деревне регулярно горели общественные здания, причём самые необходимые для человека. Так, первой сгорела церковь. Спустя годы, уже в 1956 году, на месте сгоревшей церкви построили школу. Одноэтажная, но очень красивая, какая-то домашняя, из светлого дерева, с небольшими уютными классами и огромными окнами. Строители, закончив возводить её, даже с парадного входа устроили небольшой сквер, насадили деревца акации и сделали клумбы. Пожалуйста, добро пожаловать!

Но «жаловали» ученики и учителя с заднего крыльца, не очень обустроенного. Такая была мода – нечего пакостить парадный вход!

А через десять лет после постройки школа сгорела.

Построили новую, двухэтажную, деревянную, а потом несколько поодаль – ещё более новую, кирпичную. Пока всё цело.

Клубу повезло меньше, чем школе – он горел дважды, теперь стоит отстроенный в третий раз. При этом, что интересно, частные дома горели настолько редко, что можно сказать – и вовсе не горели, потому что это же своё, собственное!

Соколовка, Соколовка, жестокая моя родина...

Иван Павлович Тресковский с семьёй оказался в краевом центре, когда стала реальной угрозой раскулачивания. С 1928 года, когда был объявлен курс на коллективизацию, семья моего деда покоя уже не знала...

Как видно из той же архивной публикации районной газеты, в марте 1932 года Иван ещё жил в деревне, но вскоре уехал с семьёй в Красноярск. Сам Иван устроился механиком на судоремонтный завод, семье дали комнату в бараке. Жизнь могла бы наладиться хотя бы уже потому, что руки у Ивана были золотые и характер трудолюбивый, но в 1933 году Иван был обвинён в троцкизме и репрессирован.

В нашей семье долго считалось, что Иван Тресковский был вместе с другими политзаключёнными отправлен на барже по Енисею на Север, умер во время этапирования и был выброшен, как и другие несчастные, в воды реки. Но уже много позже, в начале 2000-х годов, Валя, единственная дочь Ивана Тресковского, затребовала сведения о своём отце. Оказалось, что он был расстрелян сразу же после ареста в Красноярске, около стены железнодорожного депо.

До самых своих последних дней его дочь Валя свято хранила память об отце и страдала о его судьбе. В 1936 году Пелагея, её мать, вышла замуж за хорошего человека Бычкова, ставшего Вале отцом. У Пелагеи (мы её звали Полей, тётей Полей) и её мужа родился сын Владимир, который был очень образованным человеком, преподавал в Красноярском политехническом институте, недавно (в 2014 году) он умер от онкологии.

Мои отец и мать крепко роднились с Валей, по мужу Зыковой, и её семьёй. Валины дочери Надя и Ольга – красивые, толковые, умные, добившиеся в жизни прочного положения. Надя – педагог, работает в центре поддержки семьи в Красноярске, Ольга – детский врач, долгое время работает в краевой администрации специалистом по здравоохранению, у них взрослые дети.

Затем по старшинству в семье Тресковских шла Ольга Павловна, старшая из сестер. Это особая, трагическая женская судьба, о ней позже и отдельно, с огромной любовью и благодарностью.

Елена Павловна Тресковская

Елена Тресковская, третья по старшинству, после раскулачки в возрасте четырнадцати лет уехала на Дальний Восток. Это были годы, когда по призыву легендарной советской лётчицы Гризодубовой девушки ехали на Дальний Восток для освоения этих территорий. Тётка Ольга рассказывала, что долгое время от Лены не было никаких сообщений, и только после Отечественной войны (!) стали идти первые письма. Елена вышла замуж в семнадцать лет за начальника погранзаставы Славянка Ивана Фёдоровича Виноградова и прожила с ним долгую и счастливую семейную жизнь.

Славянка - это была застава и морской пункт пропуски.

Елена Павловна имела с мужем двух замечательных дочерей – Розу и Нину, ставших инженерами-строителями в городе Владивостоке.

Я всегда восхищалась тётёй Леной, её смелостью и жизненной стойкостью, быстротой, с которой она принимала решения, всегда оказывавшиеся удачными. Только подумать – она уехала из Соколовки в четырнадцать лет, по нынешним временам – будучи подростком. Но дело не только в возрасте. Лена уехала в никуда из семьи, которая была разрушена раскулачиванием. Когда уже не стало ни отца, ни матери, когда был отобран родной дом, а все заботы о семье легли на плечи девятнадцатилетней Ольги...

Но Елена не пропала. Она построила семью и свою судьбу, хотя никто не знает, какой ценой ей это досталось.

Этой женщине было присуще мастерство буквально во всём. Она шила модные женские платья, причём делала это так же легко, как легко ходила, разговаривала, смеялась. Помню, когда я была студенткой и добиралась из Красноярска домой в Ингаш с пересадками (по причине отсутствия мест в поездах), забежала к Виноградовым, а они тогда некоторое время жили в Иланске. И тётя Лена за полтора часа отгрохала мне потрясающее платье в подарок!

Она удивительно умела готовить. Именно она научила меня варить борщ без мяса, чем я потом поражала своих знакомых.

Тётя Лена была одной из первых в стране челночниц, точнее, перекупщиц, а ещё точнее – рыночниц. Живя во Владивостоке, большом портовом городе, она скупала у моряков, пришедших из загранки, самые разные товары, например, мохеровую пряжу, а потом перепродавала на городском рынке. Естественно, с хорошим наваром.

Красивая, статная, натуральная блондинка – такой была тётя Лена, на которую похожа её младшая дочь Нина. Из нас, четверых Данковых, на неё сильно похожа моя сестра Шура, а также Наташа и Ольга Тресковские, дочери Николая Павловича Тресковского. К этой же группе относится и наш красавец дядя Петя Тресковский. Насколько я понимаю, это линия бабушки-полячки Марии.

Немного отступив, замечу, что мою сестру Шуру в школе дразнили панночкой – за синие глаза, белокурые кудрявые волосы, изумительную фигуру, ноги с тонкой щиколоткой.

По линии Ковелей в нашей родове лица иконописные, простые, спокойные. Это лица моей матери Татьяны Павловны и её сестры Ольги Павловны, их брата Николая Павловича, я тоже похожа на свою мать. Но и дед Павел наложил свои черты на всех перечисленных, хотя больше всех на деда Павла похож мой брат Сергей. Наш младший брат Геннадий – это копия нашего отца Сергея Константиновича Данкова, от отца немного взято и мной.

Но вернёмся к Елене Павловне, тётё Лене.

Несколько лет назад в Нижний Ингаш приезжала дочь тётёи Лены Нина Смирнова (Виноградова в девичестве) с внуком Игорем. Была

замечательная встреча, после которой мы с ней и Натальей Тресковской съездили в гости к Вале Зыковой (Тресковской, дочери Ивана), которая жила в то время в великолепной квартире на Взлётке с дочерью Ольгой. Ольгу мы несколько испугали и насмешили, когда встали втроём на пороге и сказали:

- Здравствуйте, мы ваши тётки!

Посмеялись, пообнимались, посмотрели фотографии. Это была первая и, видимо, последняя встреча в таком составе нас, дочерей Елены, Татьяны, Николая Тресковских, двоюродных сестёр и прямых внучек Павла Яковлевича, основателя рода Тресковских в Сибири.

Время неумолимо и безжалостно, уже трудно даже шустрой и лёгкой на ногу Наталье поехать на Восток, не говоря уже обо мне, да и Нина вряд ли ещё когда-нибудь выберется в Сибирь...

А Валя Тресковская (Зыкова), единственная дочь Ивана Павловича Тресковского, недавно умерла.

Петр Павлович Тресковский

Пётр Тресковский – второй сын (после Ивана) Павла Тресковского. Боевой офицер Советской Армии, он прошёл со своей частью до Берлина, был штабным офицером.

Из наших Данковых второго поколения (если первым поколением считать мать и отца) я, наверное, одна помню его приезд к нам в Соколовку. Это был 1956 год, лето. Он привёз много подарков, среди которых самым используемым и полезным был патефон в синем футляре, вместе с несколькими пластинками. Это были в основном вальсы, а главным был вальс Штрауса «Ам шонен блауен Донау» («На прекрасном голубом Дунае»).

Отступление о немецкой пластинке

... Когда дядя Петя перевёл название, я сразу почувствовала очарование чужого языка и интерес к немецкому. И как будто в тот момент пришло понимание этого языка, его красоты и чёткости. Это было удивительно и непонятно, тем более что с самого раннего детства мы, дети, знали внушённый нам отцом-фронтовиком девиз: «Немцам мы отрубим жопу». Такой солдатский юмор, но мы его воспринимали, как правило жизни.

И тут – немецкий вальс, с загадочным и красивым названием. Именно оттуда ко мне пришел интерес к немецкому языку, следствием чего стало как будто врождённое знание его. И в школе, и в институте проблем с немецким у меня не было. А когда сдавала промежуточный госэкзамен по немецкому после второго года обучения на филфаке, достался для перевода кусок текста о современных художниках, и я перевела его с листа без подготовки и получила пятёрку.

Сейчас я думаю: какая иногда ерунда становится важным моментом

жизни! Какой-то патефон, какой-то немецкий вальс...

Но дядя Петя и сам по себе, без шикарного патефона, был нездешним и загадочным. В военной форме, подтянутый, кудрявый, красивый, неженатый, одаривший семью своих сестёр (с нами тогда жила тётка Ольга) и брата Николая абсолютно фантастическими и во многом ненужными европейскими вещами. Это были: губные гармоники, набор ложек, вилки и ножей из позолоченного металла. Как-то быстренько они все облезли, и их выкинули из обихода.

... Сама жизнь правит и дополняет мои строки. На днях моя двоюродная сестра Наталья Ушакова (Тресковская) рассказала, что её отец долгое время играл на этой немецкой губной гармошке.

Были и детские вещи, из которых мне достались клетчатые башмачки из мягкого сукна на застёжках-скобочках. А ещё он привез две пары туфель на каблуках.

О, эти туфли! Одна пара – из зелёной замши, на очень высоком каблуке, ремешок через подъём ступни. Другая пара – из чёрной кожи, а впереди фигурные вырезы. И тоже каблуки. Носить эту шикарную обувь ни нашей матери, ни тётке Ольге было негде, и обувь была заброшена на чердак. Каждое лето мы с сестрой снимали этот шик с чердака и, выламывая ноги, ходили в них по двору. И мечтали, мечтали о какой-то иной жизни, не соображая толком, откуда она возьмётся и когда прибудет в наше село.

Дядя Петя был человек-праздник. За то время, когда он гостил у нас тем летом, много девичьих голов вскружил мой красавец-дядька. Уже в начале 2000-х, на ингашском рынке, меня остановила пожилая женщина и спросила, знаю ли я что-нибудь о своем дядьке Петре. Я рассказала ей всё, что знала, о его жизни, семье, работе, а потом спросила, почему она интересуется им. Она страшно засмушалась, а потом сказала, что в молодости встречалась с ним, любила и помнила всю жизнь.

А самого его привязала к себе до конца жизни украинка Зоя с Днепропетровщины, где он и остался жить в городке Славгород Синельниковского района. Они родили двоих детей – Ангелину и Сашу. Дядя выучился, стал учителем физкультуры, и когда умирал уже пожилым человеком с огромным стажем работы в школе, его провожали ученики, искренне печалившиеся по своему учителю.

Его жена была преподавателем русского языка и литературы.

Долгое время, пока уже не наладилось мало-мальски снабжение фруктами в Сибири, дядя Петя и его жена отправляли нам каждое лето яблоки из своего сада. Фрукты доходили плохо, сгнивали наполовину, но было радостно вдыхать чудесный яблочный запах, который источали эти посылки.

Помню, когда получали и раскрывали эти волшебные, эти душистые фанерные ящички, присланные из далёкой украинской дали, нам, детям, доставались уцелевшие яблоки, а мать ела подгнившие и говорила, что

такие ей нравятся больше. Мы, дураки, верили. И только много позже, когда мы уже повзрослели, до нас дошло, почему она позволяла себе съесть только гнилое яблоко. Чтобы больше доставалось детям.

...

Отступление не только про яблоки...

Снова позволю себе небольшое отступление.

В настоящее время, когда пишутся эти строки, у России сложились исключительно тяжёлые отношения со многими молодыми странами, которые ранее входили в состав Российской империи и потом – Советского Союза. Именно они, никогда раньше даже не думавшие выйти из состава огромной страны, много лет жившие за счёт России, вдруг почувствовали себя обобранными. И кем? Россией.

Той Россией, которая в первую очередь уделяла внимание и средства братским республикам. Прибалтике – потому что она Европа, у них высокий уровень культуры, и этот уровень надо сохранять, поэтому им надо больше средств. Азиатским республикам – потому что их граждан надо было учить, выводить даже не из крепостного, а родового строя.

И что же получила Россия в ответ?

С огромной горечью мы видим, что именно она получила. Вполне возможно, что когда-то всё уляжется, и мы снова будем дружить. Но людям моего поколения никогда не забыть, что Россия долгие годы, как мать, фигурально выражаясь, «ела гнилые яблоки», чтобы малым республикам достались яблоки целые!..

Как негоже сейчас забывать об этом, и как же наказаны будут те, кто проклянут сейчас Россию.

И какое счастье, что, мы, дети, очень рано поняли, почему наша мать вдруг полюбила есть яблоки с гнильцой. И опять же, какое счастье, что в свои последние годы она имела возможность есть яблок вдоволь, причём яблоки хорошие, спелые, которые и она сама, и мы покупали ей постоянно...

Тётя Зоя сообщила о смерти дяди Петра, когда и наша мать была уже накануне своего последнего часа. Мы в тот день собрались, помянули дядю Петю и тётю Лену, незадолго до этого ушедшую из жизни.

Больше писем с Украины не было. Думаю, наши двоюродные брат и сестра, тем более их дети, не захотели поддерживать связи с сибирской роднёй. А теперь, наверно, об этом и вообще говорить не приходится.

Далее по старшинству идёт моя мать – Татьяна Павловна Данкова, урождённая Тресковская. Но о ней, как и о тётке Ольге и Николае Павловиче, самом младшем Тресковском – позже. Сначала - о времени раскулачивания, которое убило наших деда и бабушку, нарушило

спокойный ход жизни моей матери, её братьев и сестёр. Раскулачивание перевернуло и изменило их жизнь.

«Раскулачка»

Раскулачиванием в той далёкой теперь уже стране - Советском Союзе - называлась ликвидация хозяйств кулаков и высылка их в отдалённые, малопригодные для жизни районы, в середине 1930-х годов XX века. Раскулачивание, как говорится в современных справочниках и учебниках, применялось в ответ на сопротивление крестьянства против коллективизации. Кулаком советская власть могла объявить любого крестьянина, выступающего против коллективизации. Имущество кулака передавалось колхозу. Решение о раскулачивании имели право принимать местные советские и партийные руководители при участии бедняцкого «актива».

Лидеры местной бедноты были заинтересованы в увеличении числа раскулаченных, так как бедняки получали долю имущества высланных. Поэтому под раскулачивание часто попадали не только зажиточные крестьяне, но и середняки и даже бедняки, которых в этом случае называли «подкулачниками», то есть сторонниками кулаков.

Всего на спецпоселение было отправлено около двух миллионов человек. Среди этих неисчислимых масс народа был и наш дед Павел Яковлевич Тресковский.

Массы раскулаченных превращались в бесплатную рабочую силу, направляющуюся на стройки первых пятилеток. Поэтому государство было также заинтересовано в увеличении числа раскулаченных.

Ну что скажешь, буквально все были заинтересованы в «раскулачке»! Вот только самих раскулачиваемых, несчастных людей, трудолюбивых на свою беду, не спросили, хотят ли они участвовать в этом жестоком эксперименте власти!..

И каков же результат?

Вот опять из учебника: «Раскулачивание вызвало разорение наиболее продуктивных хозяйств, резкое падение сельскохозяйственного производства, гибель более 400 тысяч человек».

А теперь уже из жизни: раскулачивание отдалось таким эхом в провале всего сельскохозяйственного производства в стране, который не заделан ещё и поныне. Люди получили наглядный урок: если будешь работать, вытягивая из себя жилы, и какого-то достатка этим трудом добьёшься – тебе с этим достатком все равно не жить, все нажитое отберут, а самого убьют или сошлют.

Это во-первых.

Во-вторых, в те годы с сельского хозяйствования «сняли» самый активный, самый плодотворный «слой» хозяев. А ведь этот слой формируется годами и поколениями. Неудивительно, что со времен «раскулачки» истинного хозяина на русской земле не было...

Во всех сёлах нашего района раскулачивание началось в 1929-1930 годах, одновременно стали создаваться колхозы.

Нашего деда Павла Тресковского, у которого было большое хозяйство, уже и первый сын Иван женился, отошёл от отцовского дома на свою усадьбу, раскулачили в числе первых.

Долгие годы спустя, работая в районной газете, я пыталась выяснить у земляков-соколовцев, почему с ним так поступили. Ведь и хозяйство, и дом с постройками – всё было создано трудом большой семьи. Оказалось, что причин было две. Одна причина, о которой старики сказали, что «Яковлевича раскулачили за язык». В этом не было ничего удивительного – не мог разумный, самостоятельный хозяин, к мнению которого прислушивались в селе, приветствовать коллективизацию. Ну, и высказывал откровенно своё мнение...

Другая причина не носила идеологического оттенка. Просто большой дом Тресковских приглянулся председателю Совета, который сказал прямо:

- Ты мне, Трескун, отдай свой дом, а, так уж и быть, тебе отдам свою избу. Не хочешь добровольно – сделаем по-другому, но тогда ты потеряешь всё. Этим председателем был, избранный в 1928 году, некий Демьян Фираго, по социальному статусу бедняк. Это имя у меня на слуху с детских лет, потому что его с лютой ненавистью упоминали моя мать и тётка Ольга, этой ненависти не скрывавшие. Мой дед, естественно, не мог добровольно отдать то, что ему было дорого, что досталось великим трудом, и поплатился «раскулачкой». В 1931 году Павел Яковлевич Тресковский был арестован сотрудниками ОГПУ по заявлению председателя Соколовского сельсовета Фираго...

Трагическая судьба выпала моему деду. Но и сам Фираго закончил свой руководящий путь с позором, хотя и председательствовал около десяти лет. Вот результаты его труда – по той же бесценной газетной публикации.

В 1937 году Фираго отчитывался о результатах работы сельсовета за 1936 года. По отчёту ему задавались вопросы. Был такой вопрос: почему до сего времени не собрана задолженность 1936 года?

Ответ: задолженность осталась только за теми, которые ничего не имеют в своём хозяйстве.

Если учесть, что налоги уже не сдавались с земельных участков, потому что они к тому времени были реквизированы в колхозную собственность, а брались со скота, с домашней птицы, то вывод печальный: выдвигенцы дохозяйничались до того, что у какой-то части сельчан не было в хозяйствах вообще ничего!

Кроме задолженности...

Еще один интересный вопрос был задан председателю: почему у нас нет прироста лошадей? Ответ был дан ещё более интересный: потому что плохой за ними уход, и плохо мы их бережём.

А с чего они взяли, дорогие начальники тех баснословных лет, что новоявленные колхозники будут беречь кулацких лошадей, да ещё хорошо

ухаживать за ними?! Они же, эти кони, теперь стали общие, то есть неизвестно чьи! По большому счёту – ничьи!

Конец правления председателя Фираго был весьма плачевным: 26 февраля 1938 года он был снят с должности постановлением райисполкома за то, что «за время работы председатель т. Фираго развалил работу сельсовета».

Но что было от этого семье нашего деда, когда дом был отнят, а глава семьи сослан!..

Это ещё можно удивляться «благородству» негодяя Фираго, всё человеческое достоинство которого заключалось в его бедности, – всё-таки свою избёнку, сложенную из тонких брёвнышек, чуть ли не из кольев, и без всяких надворных построек, он взамен богатого дедова дома отдал оставшимся без отца детям сосланного и его жене! Этот домишко на дальней улице, прозванной в народе Собачьей слободой, и стал больше, чем на двадцать лет, пристанищем для семьи Тресковских.

Судьба старшего Тресковского, основателя нашего рода, сложилась так, как только и могла сложиться в то время и в тех условиях, то есть тяжело. Павел Яковлевич был сослан в Инту, посёлок в Коми, который расположен всего в пятидесяти километрах южнее Северного полярного круга. А ещё говорят, что дальше Сибири не сошлют! Ссылали всё-таки и дальше Сибири. Страна-то наша большая, много в ней мест, куда человека можно послать подальше...

Сейчас в Инту летают самолеты, и живут там около пятидесяти тысяч человек. А в то время, когда ссылали политических заключенных, это был небольшой посёлок, центр Интинского лагеря.

Наш дед оказался в Интинском лагере ещё в 1932 году. Он был, по нынешним меркам, далеко не старым человеком. Если Иван, старший сын, только-только женился и обзавёлся дочкой, то деду Павлу явно было около пятидесяти лет. Это был настолько достойный человек, настолько ответственный и самостоятельный, что начальник Интинского лагеря назначил его воспитателем своих малолетних детей.

Но даже такое «блатное» место отбывания наказания не спасло Павла Яковлевича от тяжёлой болезни, из-за которой он и был отпущен на родину, к семье. Остаётся только догадываться, что это была за болезнь. Возможно, онкология, возможно – туберкулёз. И, скорее всего это был туберкулёз, который из-за сильных переживаний, из-за позора, которым заканчивалась его трудовая, честнейшая жизнь, из-за тоски по семье, беспокойства за детей и жену, оставшихся без дома и средств к существованию, принял тяжёлую и быстротечную форму.

Наш дед Павел Яковлевич был отпущен, уже полуживой, к семье спустя сравнительно недолгое время пребывания в лагере. Он вернулся в Соколовку ранней весной 1934 года и сразу решил начать обустройство негодящей избёнки, в которой теперь жила его семья. Они с женой, взяв у кого-то лошадь, поехали в лес, чтобы вырубить бревна для постройки хоть каких-то сараев и стаяк – у лодыря Фираго, кроме избёнки и дощатого

дровяника, на усадьбе не было ничего.

Весенний лес у нас в Сибири коварен невероятно. Когда дед с бабушкой везли срубленные брёвна, лошадь вместе с санями попала в промоину под снегом. Вытаскивая повозку с грузом, они промокли до костей. Лес привезли, сгрузили, запланировали что-то построить. Но эта поездка для деда оказалась роковой: он слишком сильно застыл, слёг и в начале лета умер.

Я пишу – «в начале лета» - по следующим соображениям.

Мамина подруга детства тётя Маруся Лукашенко рассказывала, что к ним приходила моя мать за капустой. Деревенские люди знают, что такое квашеная капуста в начале лета – это практически несъедобное месиво, которое годится только на корм скотине. Скотине и отдают старую капусту. Но несчастной семье нечего было поставить на поминальный стол, и тётка Ольга, старшая сестра моей матери, послала её к хорошим знакомым за этой капустой.

Тетя Маруся рассказывала:

- Твоя мама пришла босиком, непричёсанная, а у неё были кудри, и они торчали во все стороны. Мои родители наложили ей миску капусты, и она ушла.

Здесь придётся сказать вот о чём.

Наша мама, Татьяна Павловна Данкова, в девичестве Тресковская, была человеком непростым. Как все Тресковские, упрямая, мнения своего она не меняла никогда и никогда никому «не заглядывала в задницу». Эти слова характеризуют её как нельзя лучше.

Случалось нам, детям, ругаться с ней, пытаться в чём-то переубедить, хотя это было и бесполезно. Но она, выросшая в сиротстве, нищете и обиде, не могла быть другой.

Мне тоже приходилось получать от матери за дело и без дела. Но когда я обижалась на неё, как-то сразу вспоминала рассказ тётки Маруси Лукашенко и представляла: вот идёт моя мама, ещё совсем маленькая девочка, босая и непричёсанная, за старой квашеной капустой, которую впору только свиньям и есть. А в домишке, из-за большой несправедливости ставшей для её семьи местом обитания вместо их родного гнезда, лежит в гробу отец.

И никакой надежды хоть на что-то хорошее жизнь ей не обещает!

Стоило мне представить мою маму этим несчастным ребёнком, как мои обиды моментально гасли, а сердце заполняла жалость к ней.

... Но беда не приходит одна. Так было и с семьёй Тресковских: вслед за мужем сразу ушла на тот свет и жена, Ганна Никитична. Она не отличалась крепким здоровьем, родила семерых детей одного за другим, да ещё делала всю тяжёлую сельскую работу наравне с мужем. Её жизненные силы были непоправимо подорваны гибелью сына, ссылкой и смертью мужа, утратой всего нажитого огромным трудом семьи. Сыграло свою роль и унижение, которому подверглась эта трудовая, дружная и честная семья.

Ольга Павловна Тресковская

И наступил момент, когда от всей большой семьи остались четверо детей, мал-мала меньше – Елена, Татьяна, Пётр и Николай. Самой старшей – тринадцать, младшему – три года. Остались они сиротами, в чужой избёнке, с позорным клеймом детей раскулаченных «врагов народа», без средств к существованию. Помочь им не мог никто...

Я уже рассказывала, как отнеслась к трагедии своей старшей дочери её мать, бабушка несчастных детей. Даже она, родная душа, побоялась если не помочь сиротам, то хотя бы пожалеть и приласкать! Что уж говорить о чужих людях, односельчанах, которые и сами в эти страшные, непредсказуемые времена поголовно жили в нищете и страхе...

Старшая, недавно вышедшая замуж сестра Ольга Павловна, впоследствии наша любимая тётка Ольга, просила разрешения своего мужа Николая Корсуна забрать детей и воспитывать их как своих, тем более что в молодой семье детей ещё не было. Надо знать тётку Ольгу, чтобы представить, как она, гордая, самостоятельная, красивая, знающая цену себе и своей семье, унижалась перед мужем, как она просила его хотя бы помогать детям куском хлеба!

Но Николай сказал как отрезал:

- Твои выbledки мне не нужны!

Многое сошлось в это время в судьбах нашей родни. И история страны, и менталитет людей того времени, и всеобщая, какая-то ужасающая нищета.

Ольга выходила замуж не просто за Николая Корсуна – она вошла в большую семью хохлов, которые все без исключения были крепкими, зажиточными хозяевами. Такой была и семья Ольгиного жениха. В Соколовке тех лет такое замужество считалось крупным везением. К тому же Ольга дружила с сестрой Николая – Домной Корсун, по-деревенски Домахой Корсункой. Но и Домаха не могла повлиять на брата, Николай собрался и уехал на Дальний Восток, который в то время только начинали осваивать, поэтому хорошо платили переселенцам в эти далекие от Сибири, но, видимо, очень завлекательные края.

Наша тётка оказалась тогда перед страшным выбором – или потерять любимого мужа, но не пустить в горчайшее сиротство своих сестёр и братьев, будучи при этом счастливой женой и, возможно, матерью своим родным детям.

Да что там сиротство – брошенных детей ждали бы голод и смерть.

Ольга Павловна выбрала свою родню. Воспитанная в крепких традициях семьи, она не смогла её предать, оставить малых своих братьев и сестёр на гибель...

Она устроилась на колхозную ферму дояркой, что давало не столько заработок в виде трудовой, сколько возможность красть для детей молоко. Тётка впоследствии мне рассказывала, что она каждый раз, уходя

на дойку, привязывала бутылку к поясу юбки и прикрывала её фартуком. Ольга Павловна была полноватой, и из-за этого бутылка с молоком, налитым во время дойки, не была видна.

Страшно представить, если бы эти невинные, в общем-то, кражи, совершаемые из-за голода, вскрылись! Ведь молоко воровала не просто доярка, а женщина из раскулаченной семьи. Ушла бы, как миленькая, наша тётка по этапу вслед за отцом и братом...

Но есть всё-таки некое равновесие в мире, когда подлость наказывается, а добро и самопожертвование в какой-то мере бывают награждены. Хоть от иного «вознаграждения» радости нет ни в малой мере.

Летом 1957 года, через двадцать с лишним лет, в Соколовку приехал погостить бывший муж Николай. Приехал не только в гости, но и чтобы попросить у Ольги прощения, сказать, что любит её до сих пор.

Мне было тогда одиннадцать лет, я забежала в дом попить воды, в доме в тот момент не должно было быть никого – все разошлись по своим делам. И вдруг я услышала, как в дальней комнате наша тётка с кем-то разговаривает. Она разговаривала с Николаем, который уговаривал её уехать с ним на Дальний Восток, говорил, что любит и помнит. Вот только он не рассчитал тогда, в те давние годы, когда бросил свою молодую, красивую и толковую жену наедине со страшной бедой, что придёт время – и у его покинутой жены и её братьев и сестёр сложится хорошая жизнь, в которой места ему уже не будет.

Но Николай приезжал к Ольге и ещё раз, уже последний, когда они были близки к семидесятилетнему возрасту. Мы тогда жили в Нижнем Ингаше, но и там он нашёл свою любимую, брошенную им некогда жену, и снова уговаривал её уехать с ним. К тому времени Николай Корсун уже овдовел. Но тётка Ольга и на этот раз отвергла его просьбы. Иная бы бабёнка согласилась на уговоры, уехала с бывшим мужем и отомстила бы за всё – нашла бы слова и действия! Но наша тётка была благородным человеком и на такое не пошла.

Ольга Павловна, наша дорогая тётушка, была особенным человеком. Мало того, что она проявила невероятное благородство, воспитав детей вместо отца и матери. Но она пользовалась большим уважением в селе и за другое. К ней приходили посоветоваться женщины, в годы войны она ворожила на картах о судьбах ушедших на фронт. Но самое невероятное – она кое-что знала о том, как управлять собой, своими снами, как унять зубную боль.

Недавно моя двоюродная сестра Наташа Тресковская (Ушакова) рассказала, что её тетка Ольга научила читать заговор, снимающий зубную боль. Наталья говорит, что много раз пользовалась этим заговором, и всегда помогало.

Была однажды такая ситуация, когда нашей семье пришлось переехать из Нижнего Ингаша в Решёты, потому что нашего отца перевели туда на работу. Я тогда перешла в десятый класс с изучением немецкого языка, а в Решётах была в ту пору одиннадцатилетка с английским. И меня отправили

в родную Соколовку, заканчивать среднюю школу и жить у любимой моей тётки Ольги.

Вот тогда-то и объяснила она мне, что сны могут предсказывать будущие события, а чтобы избежать самого плохого, надо в своём сне находить окна и выход, если оказываешься вдруг в помещении, особенно в тесном и тёмном. Я пользовалась её советом постоянно, научилась во снах искать свет, окна, выходы. Это и в самом деле оказалось возможным.

Не знаю, насколько этот совет имеет реальную основу, но что он даёт хорошую установку спящему, что если найдёшь выход во сне, то найдёшь и в реальности, и такой сон понуждает мыслить позитивно – это точно.

Ещё один урок я получила от тётки, но о нём, она сказала, не надо болтать. Жизнь моя явно не будет бесконечной, поэтому, наверно, можно рассказать. Дело в следующем. Если кто-то в беде и просит помочь советом, подсказать, как обернётся дело, надо встать около этого человека и чётко осознать первое же чувство, которое при этом испытываешь. Что поймал – то и правда, то и будет. Если ничего страшного, то появляется или чувство покоя, или смех, или полное равнодушие, такое, как будто человека рядом просто нет. Если же впереди человека ждёт что-то плохое, появится тяжёлое чувство, что-то вроде паники.

Я пользовалась этим несколько раз. Однажды в 1990 году ко мне пришла моя хорошая знакомая и рассказала, что дочь уехала поступать в институт в Москву, и нет за десять последних дней ни звонка, ни телеграммы, ни письма. Сама не пойму зачем, но я села рядом с ней – и ничего не почувствовала вообще, во мне как будто всё замерло. Я ей сказала: «Не беспокойся, все у неё в порядке». Назавтра с утра моя подруга прибежала ко мне на работу и сказала, что дочь прислала телеграмму, она поступила, да не куда-нибудь, а во ВГИК, а не сообщала ничего, потому что не хотела спугнуть удачу.

Ещё раз было: меня попросил один человек, немного знавший о такой моей способности, предугадать, как пройдёт операция. Мы сидели с ним на крыльчке рядом, и на меня вдруг напал смех, и единственное, что я могла сказать: «Тебе надо после операции как можно раньше выходить на работу». Он даже рассердился и сказал: «Я же тебя спрашиваю, как пройдёт операция», но меня словно заклинило, и я снова и снова повторяла, что ему нужно будет пораньше выйти на работу.

К счастью, у него всё прошло удачно, он жив-здоров до сих пор и даже, по-моему, ещё работает.

Мало кто знал о такой моей способности, а я сама даже стеснялась, до тех пор, пока не нашла в учебнике психологии такое понятие, как эмпатия, и всё стало ясно. Оказалось, что это такая способность личности к постижению внутреннего эмоционального и физического состояния другого человека посредством точной оценки этого состояния, направленности личности и рефлексии. Вот такое сложное определение из учебника, которое моя умница тётка Ольга освоила сама, а может, получила от своей бабушки.

Более того, в учебнике было написано, что эмпатия может быть

существенно развита. Так что никакого особого секрета здесь нет, всё исходит от особенностей психики человека, и тётка моя это знала из опыта своей жизни и опыта предков.

А я, краешком сознания прикоснувшись к этой способности, только под старость лет поняла, почему у меня так тяжело складываются отношения с некоторыми людьми, вплоть до полного отторжения: иного человека «прочитаешь» - и жить не хочется. А с другими отношения выстраиваются до глубочайшего понимания и нежности.

Такой и тётка моя была, непростая наша Ольга Павловна. Но стоит сказать, что никогда наша Ольга Павловна не занималась тем, что называется чёрной магией.

... Спусти двенадцать лет после того, как Ольга Павловна стала опекать своих братьев и сестёр, в Соколовку в 1946 году вернулась с войны её сестра Татьяна Павловна, наша мать, с мужем, нашим будущим отцом. К этому времени уже построила своё счастье на Дальнем Востоке Елена, успешно прошёл всю войну Пётр, стал симпатичным молодым парнем самый младший – Николай. Собственно, в маленькой избушке на Собачьей слободе на тот момент уже остались только двое – Ольга и Николай Тресковские. В этой избушке в августе 1946 года суждено было родиться и мне, автору этих воспоминаний.

Могла родиться и в другом месте – например, в воинском эшелоне, который шёл с Дальнего Востока после окончания войны с Японией, или в посёлке Нижний Ингаш. Дело в том, что наши родители – Данковы Сергей Константинович и Татьяна Павловна – были военнослужащими и к моменту моего рождения демобилизовались. Ехали, как было решено ими, в деревню Соколовку, родину моей матери. Эшелон на станции Ингашская не должен был останавливаться, но мой отец упросил машинистов, видимо, путём уплаты самой ходовой русской валюты всех времен и политических режимов – водки, и машинисты приостановили поезд на краткое время. Выгрузили багаж, это был деревянный сундук с пожитками молодой семьи, а потом мать прыгнула из вагона, будучи уже крепко на сносях.

В результате, пока отец нанял в Ингаше подводу, пока доехали до Соколовки по невысшим дорогам того времени, у моей матери начались схватки. Когда приехали в Соколовку, Николаю как самому молодому пришлось бежать за фельдшерницей, она же была и акушеркой, и утром 17 августа родилась крикливая, не особенно красивая девочка, но зато с большой головой и вечной улыбкой – уже семидесятилетний автор этих строк.

Вернёмся к Ольге Павловне, нашей тётке Ольге, которую мы так и звали – тётка, а наш отец считал её тёщей и всегда при людях величал её по имени-отчеству, и только дома звал Ольгой.

Судьба Ольге Павловне выпала такая, которой не позавидуешь. Но она так честно, так трудолюбиво и терпеливо жила, что остаётся в нашей памяти как живая, - олицетворением доброты и семейного тепла.

Я так любила, когда мы жили в деревне, проснуться раньше всех, чтобы услышать, как наша тётя Оля возится на кухне, ставит тесто, и вот уже пошли по всему дому вкусные запахи, от которых просыпаются все домашние. Тем более что отцу пора на работу, а нам, детям, в школу. И каждое утро нас ждали такие завтраки, которые помнятся и до сих пор!

Дело в том, что у тётки Ольги был редкостный кулинарный дар. Она готовила так, как будто продукты ей поставляли с царского двора – так она умела сделать всё вкусно. Даже простая жареная картошка у неё была вкуснее, чем жарила наша мать или мы сами, когда уже выросли и обзавелись семьями. Потому что эта картошка на старой сковородке была ещё и красивой! Да у тетки Ольги любая еда получалась такой - красивой, вкусной, аппетитной.

Мы иногда нет-нет да и вспомним, как она умела готовить. Вот недавно я разговаривала с моей невесткой Валентиной Данковой, женой (к сожалению, вдовой) моего брата Сергея, и она рассказала, как её поражало умение нашей тетки готовить. Хотя и её мать готовила неплохо, и сама Валя, как и все мы, умеет накрыть стол, но тёткин кулинарный талант поразил Валю сразу, как она вошла в нашу семью.

Мы и до сих пор удивляемся, откуда был такой дар. Но дар – он и есть дар, он ниоткуда, с небес напрямую! В нашей семье все любят поесть и поэтому умеют готовить. Но Ольга Павловна, наша дорогая тётка, была и осталась мастером кулинарии, которого не превзошёл никто. Кроме того, она знала рецепты русских, но в основном белорусских и польских блюд, названия которых сейчас звучат как загадка. Затирка, клёцки, мачанья, кендюх, полевка...

Господи, как это всё было вкусно!

Но вкуснее всего были домашние колбасы, примерно такие, которые сейчас в магазинах называются сырокопчёными. Наша тётка и мать делали такие колбасы без копчения, они их вялили на сквознячке, который летом постоянно посвистывал в чулане, где хранились продукты. За исключением тех, что сохранялись в подвале, который был выкопан под навесом и по весне набивался льдом.

Эти колбаски висели на шестке в чулане и издавали немислимый запах. И лучшим лакомством было для нас в те годы не мороженое, о котором мы знали только по книжкам и рассказам отца, не пряники из сельского магазина, а эти вкуснейшие, твёрденькие колбаски, благоухающие чесноком и тмином, с небольшими вкраплениями сальца, уже тоже подсохшего и слегка пожелтевшего!

Наверно, свой дар Ольга получила от бабки-полячки и матери, потому что в семье она была старшей, помогала им по кухне, по хозяйству, и буквально впитала в себя эти рецепты, эти запахи, эти дивные названия. Сейчас, когда я вижу по телевизору, как русских хозяек учат готовить какие-то диковинные блюда из кухни фантастических стран, я думаю: дураки мы, дураки, опять учимся у заграницы, когда своего добра не освоено и половины! А то, что освоено, уже почти забыто...

**Николай
ЕРЁМИН**

Красноярск

Николай Николаевич Ерёмин - член Союза российских писателей, автор нескольких десятков книг, коллективных сборников. Лауреат литературных премий. Его стихи переведены на иностранные языки...

В канун своего 75-летия награжден золотой медалью «ВАСИЛИЙ ШУКШИН», учрежденной в 2014 году Союзом писателей, журналом «Бийский вестник» и администрацией Алтайского края за большой вклад в изучение и популяризацию творческого наследия В.М. Шукшина, в многонациональную российскую культуру, литературу, искусство и сохранение русского языка.

Ах, годы окаянные!

*Стихи из юбилейной книги, изданной автором к своему
75-летию на стипендию Министерства культуры России,
которой Николай ЕРЁМИН был удостоен за свой талант и
поэтическое долголетие.*

ДОМ СУРИКОВА

Над домом Сурикова — снег
Кружится, падает, не тает,
И дух бессмертия витает
Из года в год, из века в век.

Бессмертие! Какой мираж...
Все в заблуждениях едины.
Но будет жить художник наш,
Пока живут его картины,

Пока — пленительный процесс —
Всех нас по дому неустанно
Ведёт красавица Татьяна,
Искусствовед и экстрасенс...

Всё проходит, всё проходит,
Страсть проходит, власть проходит,
И свобода перемен...
Остаётся — страх и плен.

Пел ты: “Солнце, ярче брызни!
Веселей глядите, черти!”
А теперь — боишься жизни,
А теперь — боишься смерти...

Всё проходит, всё проходит...
Каждый, что хотел, находит.
Всё проходит, даже страх.
Остаётся — тлен и прах...

Течёт река... И над водой
Туман клубится синеватый...
И я, как прежде, молодой,
Веду тебя, веду куда-то...
Там нет ни дома, ни семьи,
Ни сна, ни старости, ни детства...
Там над рекою соловьи
Поют — и никуда не деться
От обещаний жить вдвоём,
От страсти, вечной и мгновенной...
Туман... И мы с тобой идём
Вдвоём — одни во всей вселенной...

Выпадает смычок из руки скрипача,
Извиваются шторы — и гаснет свеча,
Блещет молния, и содрогается гром,
И в пучину дождя погружается дом...
Охи, ахи... И всё же, чуть-чуть погода,
Вновь играет скрипач под шуршанье дождя —
То пускается вплавь, то летит, невесом...
И кончается явь, начинается сон...

СОЧУВСТВИЕ

Ах, годы окаянные!
Жизнь пропитана на треть...
Повсюду рожи пьяные —
Не хочется смотреть.

Пьют всюду водку русскую,
На радость и беду...
И я всем-всем сочувствую —
И прочь от всех бегу...

Как с тобой мне смеялось и пелось!
Как мы жили, друг друга любя!
Обижать никого не хотелось —
Но я всё же обидел тебя...

Как с тобою мне плакалось рядом
Откровенно, светло и легко —
Под твоим всепрощающим взглядом,
Что теперь далеко-далеко...

ЛУГ

Май – и я впадаю в детство...
И, гуляя на лугу,
Нагуляться, наглядеться,
Надышаться не могу...
Боже! Сколько трав цветущих!
Сколько птиц, с небес поющих!
Сколько бабочек, стрекоз,
Лошадей, коров и коз...

Луг большой... Мой домик – с краю.
Просыпаюсь, засыпаю
И – во сне и наяву –
Точно майский жук живу...

* * *

Не болит голова от забот,
И лекарств никаких ей не надо...
А болит голова от щедрот
Звездопада, зимы, снегопада...

Хочешь быть одиноким? Изволь!
Неспроста расширяют владенья –
В полдень – сладкая тихая, боль,
В полночь – сказочные сновиденья...

А наутро – стоишь у ворот,
Светит солнце, и радость такая –
Не болит голова от забот,
И снежинки кружатся, сверкая..

ЗНАЧОК “ГТО”

Я в школе был отличником. И кроме
Призов, похвальных грамот и листов
Значок “Готов к Труду и Обороне”
Вручили мне. А я был не готов!

Но этот гимн, торжественные лица:
Директор школы, завуч, педсовет...
И до сих пор в столе значок хранится
Как символ незаслуженных побед.

ДЕВОЧКА И СКРИПКА

Эти люди — цены изменяли.
Эти люди — скрипку уценили.
Струны позолоченные сняли,
А колки, конечно, обронили...

Скрипка в полусумраке лежала
И разочарованно пылилась...
Девочка случайно забежала,
Разглядела скрипку, удивилась —

И свои незвонкие монеты
Этим пыльным людям отсчитала...
К мастерам ходила за советом,
Починила скрипку, приласкала.

И когда играть она училась,
Звуки ей легко-легко давались;
Скрипка вместе с девочка лучилась,
А плохие люди — забывались...

Меж нами — жизнь, сомнения и муки.
Ты на восход глядишь, я — на закат.
Друг друга отпускают наши руки,
И вот — никто ни в чём не виноват.
Заходит солнце, и луна восходит.
Бег времени, увы, необратим.
Но — в одиночестве и при народе —
Люблю тебя и знаю, что любим...
И перед тьмой вселенскою рыдая,
Вновь повторяю на закате дня:
Забудь меня, забудь меня... Родная!
Любимая! Не забывай меня!

МЧАЛСЯ ПОЕЗД

Мчался поезд, туманом окутан,
Грохоча меж вокзальных огней...
И таинственно пахло мазутом,
И в душе становилось теплей...

Мчалось детство — за датой дата,
Поезда продолжали греметь.
И хотелось уехать куда-то
И, руками взмахнув, улететь...

Поэзия кончается в душе,
Костром дымит, под ветром догорая...
Я не могу теперь сказать уже:
«Любимая моя и дорогая», —
Хотя люблю тебя и дорожу
Тобой одной
 не меньше, чем когда-то...
Дымит костёр, я на ветру дрожу...
.....
- Не надо! Ты ни в чём не виновата.

АЛЬБОМ

Альбом со снимками листая,
Гляжу печально сквозь года...
Вот ты — такая молодая!
Вот — енисейская вода...

Вот — теплоход, и дальше — пристань,
Вот — стайка местной детворы,
Вот — сходят с палубы туристы...
Вот — деревенские дворы...

Вот — голубей взлетевших стая...
Вот — на скамье сидит семья...
Альбом со снимками листаю —
А где же я? А где же я?

Ах, одиночество осеннее...
Мне грустно — старцу и ребёнку —
Читать, как ласков был Есенин
К собаке или жеребёнку...

Я понимаю это чувство -
К зверью протянутые руки,
Когда в душе и в мире пусто,
А нет ни друга, ни подруги...

Ах, и меня с крутой дорожки,
Где ни конца и ни начала,
Урчание домашней кошки
Не раз в реальность возвращало...

Я к ней ладонью прикасался
И гладил по дрожащей шее,
И в одиночестве казался
Себе и ей чуть-чуть нужнее...

И в утомительной печали
Жил, не скрывая от людей,
Как заживали отпечатки
Кошачьих ласковых когтей...

Как сладок мёд! Как зелен виноград!
И в обществе соседки и соседа —
Как весело — то в лад, то не впадет
Звучит непринуждённая беседа...

Откуда столько чувств и столько слов?
Я — рад. Он — рад. Она — безумно рада....
Как хорошо, что вот, в конце концов,
Нам друг от друга ничего не надо!

НОВЫЕ СТИХИ

В ночном окне, за облаками,
Звезда мерцает при луне...
Таинственные, как во сне,
В камине разогрелись камни...
И музыка звучит меж нами...
И пламя тянется ко мне...

РЕМИНИСЦЕНЦИИ

Бессонница и сон...
Морские небеса...
И чаек голоса...
И чары Черубины...

И неспроста – в стихах –
В душе и вне – гроза...
Признания в любви -
Как сны, необъяснимы...

И неспроста, О, жизнь! -
Верны твоим мечтам
Волошин, Гумилёв,
Гриневский, Мандельштам...

УРОК ЛОГИКИ

Все бананы содержат витамин С,
То есть витамин
Счастья...
Все обезьяны
Любят есть бананы...
Значит, они счастливые...
Если человек
Произошёл от обезьяны,
Значит, он должен любить бананы...
Почему вокруг меня все такие счастливые?
Лишь один я
Несчастлив?
Да потому, что я
Произошёл не от обезьян,
А от инопланетян!
И зря вы мне предлагаете
Ваш банан!

ПРОГРЕСС

Какой прогресс:
Мы скорость
Возлюбили!
Нас в край чудес
Везут автомобили...
Христос воскрес!
А мы
Ещё не жили...
Среди забот,
Где страх и боль обид,
Нам умереть когда-то предстоит...
В мечтах, увы, о райской красоте...

А, если повезёт, -
То на Кресте...

Я знаю,
Что и там, и тут
Стихи меня переживут...
Поскольку ныне
Бог и Бес
К ним проявляют интерес...
Мол,
Что в них - так или не так?
А это явно добрый знак!

Подснежник
Вышел из-под снега,
Весенним солнышком храним...
Какая трепетная нега!
Глядь,
Медуница - вслед за ним...
Чтобы любовью в свете дня
Себя наполнить
И меня!

Мне ничего никто не обещал...
Да я ни у кого
И не просил...
Что из того?
У всех, кто обнищал,
Ни счастья нет, ни денег нет, ни сил...
Зато в груди моей
Живёт свобода –
По милости земли и небосвода...

Всё чаще вижу я цветные сны –
Под маской майской ветреной весны.
Где ты и я – Медея и Парис –
Над морем – к кипарису кипарис –
Всё выше – где лазурный небосвод
И горизонт грядущих несвобод...

То радость ниоткуда, то печаль –
Вдруг прилетят,
Чтобы коснуться сердца...
А вот и ты ужалила... Как жаль! –

Не разглядев во мне единовеца...
И, усомнившись,
Улетела прочь –
Из сердца - срочно - в сумрачную ночь...

Не случайно и недаром
Я во храме стал солистом...
Да... А друг мой – антикваром...
А подруга – букинистом...
Не случайно мы втроём,
Что-то общее цenia,
Песни старые поём
У камина, у огня...
А в огне – и стыд, и срам –
Саламандры пляшут нам...

Красноярск. 2018

Журнал «Истоки» сердечно поздравляет члена общественно-редакционно совета и своего самого активного автора с юбилейной датой - 75-лeтием.

Здоровья и новых талантливых строк тебе, дорогой наш Николай Николаевич!

Владислав

КУРАШ

Украина

Кураш Владислав Игоревич (9 июля 1974, Украина) – современный украинский писатель. Потомок древнего литовского княжеского рода Кураш, берущего свои корни из династии Ягеллонов, родоначальником которой был Великий Князь Литовский и Король Польский Владислав II Ягайло. Первый украинский русскоязычный писатель минималист.

В своих произведениях использовал богатый жизненный опыт и впечатления. Регулярно публикуется с 2007 года - во множестве журналов, газет и альманахов России, США, Израйля, Германии, Чехии. Участник и победитель десятков международных литературных конкурсов. О нём писали в газетах и журналах Украины, Белоруссии и Израйля. В 2013 году вышел сборник рассказов «Дети судьбы».

НА ПЕРЕДОВОЙ

«Вчера в Москве на Триумфальной площади около 500 активистов движения “Порядок и Прогресс” сожгли и растоптали несколько тысяч экземпляров новой книги известного русского писателя Эдуарда Т. “Проклятие свободы”. По заявлению представителя движения, недовольство активистов вызвало то, что в книге Эдуарда Т. содержатся высказывания, порочащие честь и достоинство всенародно избранного президента, а также выпады против демократии и суверенитета государства. Акция сожжения книг Эдуарда Т. прошла под лозунгами “Хватит печатать ложь и порнографию!”...»

Александр Б. «Известия».

Первым делом нужно было на вокзал, узнать расписание поездов и купить билет. Эдик сунул руки в карманы, в одном из которых лежали деньги, в другом – пачка сигарет и зажигалка, прощальный подарок друганов. Под мышкой был небольшой полиэтиленовый пакет со спортивным костюмом, футболкой, парой носков и сменным бельём. Не выпуская пакета из-под мышки, он прикурил и посмотрел на часы. Близился полдень. Нужно было поторапливаться на вокзал, чтобы не пропустить свой поезд.

Лучше потом погуляю, подумал Эдик. А то ещё, чего доброго, придётся ночевать на вокзале.

Быстрым шагом он двинулся вниз по Полтавскому Шляху, в направлении вокзала. С непривычки ему показалось, что он не идёт, а будто плывёт. После замкнутого пространства ему было как-то не по себе. Точно в замедленном кино, мимо прошла женщина. Она даже не взглянула на Эдика. За ней – мужчина в деловом костюме и с кейсом. За мужчиной – детвора с портфелями и школьными сумками. Все они двигались свободно и непринуждённо.

Солнце было уже почти в зените. По бирюзовому небу высоко-высоко скользили бархатистые облака. Начиналась полуденная жара. В тени нависавших над пешеходной аллеей густых крон деревьев было свежо и прохладно.

Эдик чувствовал некоторое неудобство и скованность.

Было такое ощущение, словно его зажали в железные тиски. Скованность незаметно росла. Бескрайний простор давил на него невидимым тяжким грузом, подкашивая колени, заставляя пригибаться к земле. Из всех сил он пытался сопротивляться этому, но, увы, тщетно. Он двигался, точно робот, как-то ломано и кособоко. Прохожие начали обращать на него внимание и понимающе отводили взгляды в сторону. Первые шаги давались с огромным трудом.

Бесконечный поток автомобилей, запрудивших Полтавский Шлях, заметно оживлял убогий урбанистический пейзаж города. До вокзала было рукой подать. Его островерхие своды, возвышавшиеся над близлежавшими постройками, служили для Эдика ориентиром.

За всю дорогу он ни разу не обернулся назад, ни разу не взглянул на Холодную гору. Он торопился побыстрее убраться отсюда, скорее купить билет и уехать домой.

И, тем не менее, на душе скребли кошки. Было как-то грустно и одиноко. Словно недоставало чего-то. Ко всеобщему ощущению дискомфорта примешивалось чувство оторванности и покинутости, навеявая тоску и ностальгию. Наряду с трепетным ожиданием чего-то радикально нового, однозначно лучшего, появился панический страх перед неизвестностью, перед невероятно огромным, сильно изменившимся за эти годы миром.

Эдику стало нехорошо. Он сел на лавочку и закурил. Голова раскалывалась на куски. Мысли о семье, о жене, о дочке путались с мыслями о друганах, о Генке, о Толяне, о Кохе. Грусть расставания и желание повидаться с ними не уступали жгучему желанию поскорее вернуться домой. Эдик посмотрел на часы.

У них сейчас обед, уставившись на циферблат, подумал он. В его воображении ожили лица друзей, и он заулыбался. А потом он подумал о жене и о дочке и понял, что ближе и роднее у него никого нет. И, докурив сигарету, снова заторопился на вокзал.

За железнодорожным мостом он свернул на Красноармейскую и вышел на привокзальную площадь. Там было оченьлюдно. На некоторое время с непривычки Эдик растерялся, увлечённо наблюдая за оживлённым движением на площади, и даже не заметил, куда подевались скованность, неудобство и дурные мысли. Он быстро осваивался в новой среде.

В кассах было целое столпотворение. Близились майские праздники. Студенты и командировочные разезжались по домам.

- Один плацкарт до Москвы на сегодня,- пригнувшись, сказал Эдик в крохотное окошко кассы, когда подошла его очередь.

- Сто пятьдесят семь рублей,- раздалось из окошка.

Эдик порылся в кармане и достал деньги.

- Сегодня, в двадцать один пятьдесят пять, московский поезд, третья платформа, двенадцатый вагон, сорок седьмое место,- снова раздалось из окошка.

Эдик забрал билет и отошёл в сторону. До отправления оставалось восемь часов.

Завтра утром буду дома, радовался Эдик, проверяя билет. От бывлой грусти и ностальгии не осталось и следа. Он ещё раз достал из кармана деньги и пересчитал их. Было пятьсот рублей с копейками. Всё, что заработал за эти годы.

Не густо, но на дорогу хватит, главное, до Москвы добраться, подумал Эдик и пошёл прогуливаться по вокзалу. На ступеньках подземного перехода сидели бродяги. Их было трое.

-Здорово, мужики, - поприветствовал бродяг Эдик, присаживаясь рядом на ступеньках.

- Здорово, коли не шутишь, - ответил самый ближний к нему, с рыжей скомканной шевелюрой и красным одутловатым лицом.

- Чем промышляете? - Попытался завязать разговор Эдик.

- А тебе какое дело? - Недружелюбно огрызнулся рыжий.

- Да так, просто интересуюсь, - сказал Эдик.

- А чем Бог пошлёт, тем и промышляем, - сказал второй, с воспалёнными слезящимися глазами.

- Весёлая тут у вас житуха, - изучая собеседников, заметил Эдик.

Он достал из кармана пачку сигарет и предложил сигареты бродягам. Бродяги взяли по сигарете и закурили. Эдик закурил тоже.

- Всяко бывает, - выдохнув густой клуб дыма, сказал третий. - Бывает, что и дубинкой по хребту получишь, а бывает, что и свои же все карманы обчистят.

- И среди своих крыс хватает, - согласился с ним рыжий. - А ты чем промышляешь? - Обратился он к Эдику.

- Ничем, домой возвращаюсь, - ответил Эдик.

- Откуда? - спросил тот, что с воспалёнными глазами.

Эдик призадумался.

- Издалека, мужики, ох, как издалека.

- А ты, я вижу, калач тёртый, - придвинулся к нему рыжий. - С тобой можно и о серьёзных делах потолковать.

- Нет, мужики, - решительно заявил Эдик. - Ни о каких делах я больше не толкую. Хватит с меня и того, что было.

- Как знаешь, - ухмыльнулся рыжий. - И без тебя справимся.

В глубине подземного перехода появился ещё один бродяга. Болезненно раскачиваясь из стороны в сторону, он шёл по подземному переходу и заглядывал во все мусорные урны. В руке у него был пластиковый пакет с бутылками. Что-то знакомое мелькнуло в его внешности, но что, сложно было разобрать в полумраке подземного перехода.

- А вот и ваш коллега, - улыбнулся Эдик, заметив бродягу.

- Да нет – это не коллега, а конкурент, - злобно рявкнул рыжий и бросился в переход.

Тот, в переходе, не успел и опомниться. Рыжий с ходу засадил ему в ухо, первым же ударом опрокинув на спину. С дребезгом зазвенели разбитые бутылки. Накинувшись на него, не позволяя подняться, рыжий принялся осыпать его градом бешеных ударов. Катаясь в осколках битого стекла, несчастный бродяга лишь закрывался руками и глухо стонал под ударами рыжего.

В мгновение ока Эдик оказался возле рыжего и дал ему со всей силы ногой под зад. От неожиданности рыжий взвизгнул и, точно мяч, подскочил на месте. Побагровев от ярости, он двинулся с кулаками на Эдика. Удар в зубы откинул его назад и заставил скрючиться. Когда рыжий распрямился, в его руке был нож. Безумно скалясь окровавленным ртом, готовясь к броску, он смачно сплюнул кровью на пол.

В тот же миг в переходе раздался истошный вопль.

- Помогите, милиция, убивают, - орала перепуганная насмерть уборщица.

Рыжий сразу смекнул, в чём дело, и тут же исчез. Эдик подхватил валявшегося бродягу и потянул его к выходу. Бродяга был в полуобморочном состоянии. Когда они поднялись наверх, бродяга начал приходить в себя.

- Что со мной? - Произнёс он, ошалело глядя по сторонам.

- Оклемался? - Обрадовался Эдик и пару раз шлёпнул его ладонью по щекам. - Что-то мне твоя рожа знакома. Где-то я тебя уже видел. - Напрягая память, произнёс он.

Бродяга сосредоточил свой взгляд на Эдике. От неожиданности у того глаза чуть не полезли на лоб.

- Не может быть,- воскликнул бродяга. - Эдик, ты?

- Я, - недоумевая, подтвердил Эдик.

- Не узнаёшь?

- Не узнаю. Постой, - напряжённо вглядываясь в собеседника, по слогам произнёс Эдик. - Саня? Тебя в таком наряде и при желании фиг узнаешь. Ну, ты и вырядился. Как тебя-то сюда занесло? Снова внедряешься? Вживаешься в образ? Очередное журналистское расследование? - Лепетал Эдик.- Ты так сильно изменился. Вылитый бродяга. Поздравляю. Ты всегда был мастером перевоплощений.

- Да уж, перевоплотился, дальше некуда, - горько вздохнул Саня, ощупывая разбитое лицо.

- Досталось же тебе,- посочувствовал Эдик. - Если бы не я, он тебя убил бы.

- Ничего, и не такое бывало, - отмахнулся Саня.

- Да, ты прав. На войне и не такое бывало, - согласился с ним Эдик.

- У них же тут весь город на территории поделен. Попробуй только на чужую сунуться, - объяснял Саня.

- Ну, и не совался бы сюда, если здесь чужая территория.

- Жрать захочешь и не туда сунешься.

- Это уж точно, - рассудил Эдик.

Глядя на Саню, у него начало закрадываться какое-то смутное подозрение.

- Послушай, а у тебя десятки в долг не будет? Я тебе отдам. Вот те хрест, отдам, - перекрестился Саня, делая как можно жалостливее лицо.

Эдик машинально сунул руку в карман и тут же остановился.

- Постой. Ты есть хочешь? Так пойдём в какое-нибудь кафе. Вместе пообедаем. Я заплачу.

- Иди ты, знаешь куда, со своим кафе. Я десятку у тебя в долг прошу, - истерично взорвался Саня. - Не видишь, человек погибает. - Саня показал трясущиеся руки. - Похмелиться мне надо. Если не похмелюсь, сгорю.

И тут Эдик всё понял.

- Теперь вижу, - нерадостно произнёс он, глядя на Санины руки и опухшее перекошенное лицо. - Ну, показывай, где тут у вас похмеляются.

Они зашли в ближайший гастроном, Эдик взял сто граммов водки и несколько тошнотиков. Саня жадно опрокинул стопарь и стал уплетать тошнотики.

- А теперь рассказывай, как ты докатился до такой жизни, - не дожидаясь, когда Саня доест, начал допрос Эдик.

- А что тут рассказывать, - ничуть не смутившись, ответил

Саня. - Всё очень просто и, как всегда, банально. Ленка наставила мне рога, и я забухал. Да так забухал, что остановиться не мог. Сначала меня из редакции поперли, а потом и Ленка выставила. А как я здесь оказался, даже не знаю. Так закружило меня, Эдик, что и сам уже этому не рад. Да только ничего не поделаешь. Пропал я, Эдик. Как есть пропал. Запутался и выхода не вижу. Нет, Эдик, выхода. Никому я не нужен. Остаётся лишь бомжевать.

- Выход всегда есть, Саня.

- И, к тому же, без этой гадости я уже не могу. Алкашом я стал, Эдик, понимаешь, алкашом.

- Получается, ты смирился?

Саня угрюмо покачал головой.

- Легко же ты сдался.

- Нелегко, Эдик, нелегко.

- И нет желания снова стать человеком?

- Нет сил, Эдик. Устал я, раскис и расклеился. Только благодаря этой гадости я всё ещё держусь. Если бы не эта гадость, давно бы уже сгинул. Давай ещё дёрнем. Умоляю. Выручай. Душа горит. Похмелиться надо.

- Всё, хватит похмеляться, - грубо отрезал Эдик. - Для начала тебе нужно хорошенько поесть. А потом, подумаем, что с тобой делать.

Как Саня ни упирался, но Эдику удалось затянуть его в вокзальное кафе и заставить плотно пообедать. Только в кафе Эдик заметил, как от Сани нестерпимо воняет.

- Теперь ты рассказывай, как тебя сюда занесло, - сидя в кафе за столиком, без особого аппетита ковыряя вилкой гарнир, спросил Саня.

- Домой возвращаюсь, - ответил Эдик. Он чуть не подавился котлетой, когда Саня задал ему этот вопрос.

- Откуда?

- С курорта, - еле ворочая одеревеневшим языком, сказал Эдик, и это не укрылось от Саниного пытливого профессионального взора.

Он про себя ухмыльнулся.

- В Крыму отдыхал? - с незаметной издёвкой, еле сдерживая улыбку, спросил Саня.

- Да, в тех краях, - с набитым ртом, утупившись в тарелку, промычал Эдик.

Саня не мог больше сдерживать улыбку.

- Понятно, - скаля гнилые зубы, сказал он. - Выходит, не одного

меня жизнь крутанула на свой лад.

- Но я не поставил на себе крест и не сложил руки. И ни на минуту не терял человеческого достоинства и уважения к себе. В отличие от тебя, Саня, - защищаясь, с обидой и укоризной выпалил Эдик. - Бабы не стоят того, что бы из-за них так опускаться.

- Раньше я точно так же рассуждал. Пока Ленка не наставила мне рога. Оказывается, стоят. Любовь – ужасная сила. Как созидаящая, так и разрушающая. Сам видишь. Сколько лет прошло, каждый день думаю о ней и ничего поделаться с собой не могу. И опустил из-за неё, суки.

- А в себе причины искать не пытался? Сам сколько раз Ленке изменял. Это не в счёт? За это себя ты не казнишь?

- Никогда не прощу ей измены. И всё равно люблю её, суку. Ну, скажи, зачем она это сделала? Только жизнь мне всю поломала. А, может, она хотела отомстить?

- Не исключено.

- Если так, то ей это удалось.

- Теперь всё ясно, - немного поразмыслив, рассудил Эдик. - Хватит по помойкам бомжевать. Поехали домой. Пора снова становиться человеком.

- Нет у меня больше дома. Бомж я.

- Ничего, новый построишь. Руки, слава Богу, не из ж... выросли. А пока поживёшь у меня. Место, я думаю, найдётся.

- Это невозможно. Вынужден отклонить твоё предложение.

- Это не предложение, а приказ.

- Мы не на передовой.

- Каждый день, как на передовой, - рявкнул Эдик, решительно надвигаясь на Саню.

После недолгих препирательств они направились в парикмахерскую. Там Саню побрили и подстригли под бокс. Затем они зашли в туалет. Саня скинул с себя свои вонючие лохмотья, кое-как обмылся с мылом в рукомойнике, после чего надел чистую футболку и новый спортивный костюм Эдика.

- Приятно посмотреть. Отлично выглядишь, - удовлетворённо произнёс Эдик, окинув взглядом Саню с ног до головы. - Осталось только шкраги твои раздолбанные поменять.

- И откуда ты такой взялся на мою голову, деловой и доставучий? Сказал Саня, с любопытством разглядывая себя в зеркало.

- С курорта, я, кажется, уже говорил.

- Ага, я по твоим рукам сразу понял, на каком курорте ты отдыхал.

- Что ж. За ошибки нужно платить. Впрочем, сполна заплачено. Только не о таком будущем мы с тобой в госпитале мечтали.

- Это уж точно.

- Хватит дурака валять. Пора за голову браться.

- Поздно.

- Никогда не бывает поздно. Всё от тебя самого зависит.

- Не хочу я уже ничего. Оставь меня в покое.

- Не оставлю. Я, кажется, твой должник. Или ты забыл, как с осколком в плече вытаскивал меня из-под обстрела?

Саня машинально потянулся рукой к плечу.

- Такое не забудешь, - сказал он, потирая плечо.

- Где твои ордена?

- Не спрашивай, - Саня прикусил губу, и его голос дрогнул.

- Ты хоть знаешь, какой завтра день?

- Какой?

- Девятое мая, День Победы, - с насмешкой сказал Эдик.

- День Победы? - Совсем растерявшись, неподдельно удивился

Саня. - Это Великий праздник.

- Это и твой праздник. Ты ведь герой войны.

- Да какой я герой? Убийца я, а не герой. И ты такой же герой, как и я.

- Я убивал, потому что хотел выжить.

- Все мы хотели выжить.

- Другого выхода не было.

- Ты смерти боишься?

- Конечно, боюсь. В этом нет ничего ненормального.

- Знаешь, а я вот порой думаю, лучше бы я там погиб, чем вот такая вот жизнь теперь.

- Глупости говоришь. Благодарю Бога за то, что остался жив, и думай о том, как снова стать человеком.

- Я в церкви тысячу лет уже не был. Сколько раз попрошайничал под храмами, а ни разу не зашёл. Не верю я больше в Бога. Предал Он меня.

- Если бы Он тебя предал, гнил бы ты уже давно в сырой земле и кормил бы червей. Предал ты себя сам и Его предал. Потому в ничтожество и превратился. Но Бог милостив и великодушен. Он всех любит и прощает. Он и тебя любит.

- Почему же Он тогда меня до сих пор из этого дерьма не вытащил?

- Потому что ты этого не хочешь.

- Не хочу, - в сердцах оскалился Саня. - Сдохнуть хочу где-

нибудь под забором. Чтобы не мучиться больше.

Он не выдержал и зарыдал. По щекам покатались огромные, как горошины, слёзы.

- Сдохнуть проще всего. Да, жизнь нелёгкая штука.

- Паскудство сплошное.

- Но ведь живут же некоторые.

- Живут. И жизни радуются. И имеют всё.

- А мы чем хуже? Почему мы жить так не можем?

- Рождённый ползать никогда летать не сможет.

- Брехня всё это. Мы сможем. Иначе грош нам цена тогда.

- Скажи, ну чего ты ко мне прицепился, как репей?

- Я помочь тебе хочу.

- Чем ты мне можешь помочь? Ты такой же бедолага, как и я. Ты сам в помощи нуждаешься.

- Мир не без добрых людей. Кто-нибудь поможет и мне.

Саня истерично расхохотался.

- Не смейся. Кому ты такой, на хрен, нужен? Каждый только о себе думает и о своей выгоде.

- Ничего, Санёк. Как-нибудь прорвёмся. И не из таких передрыг выбирались. Теперь нас двое. Вдвоём всёж-таки сподручнее будет. Приедем домой, поосмотримся, пройдемся по старым знакомым, повидаемся с однополчанами, может, кто чего и подскажет. Для начала любая работа сойдёт. Главное, чтобы копейка в кармане была. А там, глядишь, и по профилю что-нибудь подыщем.

- Вообще-то я журналист, если ты забыл. И умею только писать, и ничего больше не умею. К тому же я алкаш. Я без бухла не могу. Кто меня такого на работу возьмёт? Ещё и без прописки. Ленка меня, я уверен, давно уже выписала.

- Я тебя у себя припишу. И от пьянки вылечу, в два счёта, по-армейски, раз и навсегда, без докторов и экстрасенсов. Может, тебе и не понравится, но бухать больше не захочешь. Это я тебе гарантирую. Ты мне потом ещё спасибо скажешь. Так что не спеши себя хоронить. Нам с тобой и сорока нет. Вся жизнь впереди. Кто знает, а вдруг, ещё и с Ленкой у тебя наладится. А нет, так ничего страшного, плюнь на неё, другую бабу себе найдёшь. Главное, поверь в себя. И добьёшься всего, чего захочешь. Я в тебя, например, верю.

- А может, ты и прав. У меня эта бомжарня вот уже где, - Саня, словно ножом, резанул себя большим пальцем по горлу. - Если ты меня отсюда не выгацишь, я точно здесь сдохну. Или от бухла угорю, или прибьют где-нибудь ни за что.

- Вытащу. Даже если ты будешь против, я не оставлю тебя здесь. Иначе я себе этого потом никогда не прощу. Не хочу брать ещё один грех на душу.

Спустя несколько часов они прохаживались по перрону в ожидании поезда. Саня сжимал в кармане свой билет. Время от времени он окидывал себя взглядом и не верил своим глазам. Он всё ещё не мог привыкнуть к новой чистой одежде, удобной лёгкой обуви и отсутствию неприятного запаха, который преследовал его все эти годы.

Когда он смотрел на своё отражение в витражах, ему казалось, что он видит совершенно чужого, незнакомого ему человека. Он не узнавал себя, настолько сильно он свыкся и сжился со своим прежним обликом. С непривычки он испытывал некоторый дискомфорт, отчего чувствовал себя неуверенно и боязливо. В голове был настоящий бардак. И тем не менее, он всё сильней и сильней утверждался в мысли, что поступил верно и сделал правильный выбор. Он с отвращением теперь уже вспоминал о своей никчёмной бродяжьей жизни и больше не хотел возвращаться в тёмный душный подвал с крысами и тараканами.

Внезапно пробудившееся честолюбие будоражило его и пьянило. Боязнь и неуверенность вдруг сменились приливом необузданных свежих сил. Дискомфорт исчез. Он ощутил в себе огромный заряд энергии. Появилось желание действовать и доказать всем, на что он способен.

Эдик вдруг вспомнил, что забыл позвонить жене и предупредить её о своём возвращении. Он достал из кармана последние медяки и направился к таксофону.

- Говорите, я слушаю, - раздался в трубке знакомый мужской голос.

От неожиданности Эдик растерялся.

- Вам кого? - В ответ на молчание с раздражением рявкнул мужской голос на другом конце провода.

Эдик совсем растерялся.

- Я набираю... - Эдик назвал свой телефонный номер.

- Вы правильно набрали, - подтвердил мужской голос в трубке.

- Кто вам нужен?

- А Людмила дома? - Не соображая, что делает, произнёс Эдик.

- Минуточку.

Вслушиваясь в тишину, прижавшись ухом к трубке, Эдик покрылся испариной и стал весь мокрый. По вискам заструился

пот.

- Она уже спит, - снова раздался в трубке тот же мужской голос. - Что ей передать? Кто звонил?

- Скажите, что звонили с работы. Я завтра перезвоню, - с трудом выговорил Эдик и положил трубку.

Некоторое время он стоял молча, переваривая произошедшее. Было такое ощущение, что его оплевали и окатили помоями из помойного ведра. Ярость и обида выворачивали нутро.

- Дрянь, - с гневом выдавил он из себя ругательство и со всей силы двинул кулаком по таксофону.

Тот гулко вздрогнул, задребезжав стёклами, привлекая внимание. У Эдика появилось ужасное желание выпиться. В этот момент началась посадка на поезд.

- Пойдём, нам пора, - заторопился Саня.

- Я остаюсь. Я никуда не еду, - решительно отрезал Эдик.

Затем достал из кармана свой билет, скомкал его, швырнул в урну и направился прочь. Молниеносно Саня выхватил из урны скомканный билет и преградил Эдику дорогу.

- Уйди, - угрожающе зарычал Эдик, напирая на Саню.

- Не уйду. Мы возвращаемся домой.

- Нет у меня больше дома.

- Новый построишь. Руки, слава Богу, не из ж... выросли.

- Я остаюсь, - яростно хрипел Эдик.

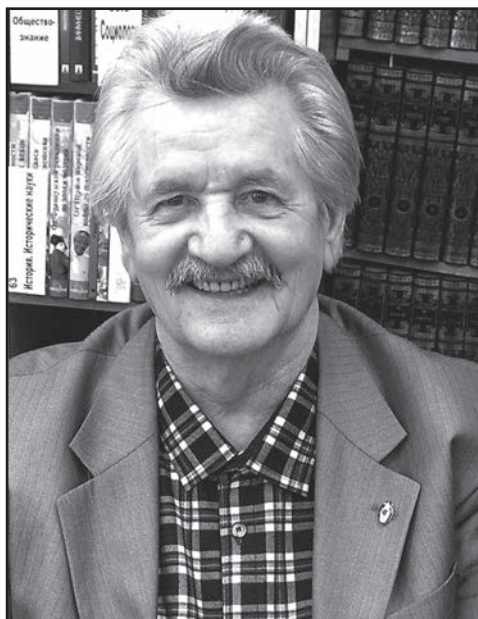
- Ты едешь со мной, - не уступал Саня.

- Не командуй. Мы не на передовой.

- Теперь каждый день, как на передовой. Если я тебя здесь оставлю, то потом никогда себе этого не прощу. Не хочу брать ещё один грех на душу...

Сергей
ПРОХОРОВ

Нижний Ингаш, Красноярский край

Сергей Прохоров - член Союза писателей России, член Международной Федерации русскоязычных писателей, член-корреспондент Крымской литературной академии, автор 19 книг стихов и прозы, кавалер ордена «Культурное наследие»

Арифметика любви

ЖИЗНЬ

Жизнь прозрачна, как постель:
Вот подушки, одеяла,
Простыню любовь измяла
Вместе с телом до костей.

Жизнь беспечна, как дитя -
За порог с разбегу в лужу.
И неважно, как я сдюжу,
Мир в награду обретя.

Жизнь загадочно страшна,
Как непознанная тайна.
Мне дана она случайно
И отчаянно одна.

ЧУ-ЧЕ-ЛО

- Чу! – кривлю своё чело,
Глядя утром в зеркало,
-Что это за чу-че-ло
Сверлит меня зенками?
- Здравствуйте!
- Hello!
- Guten tag!..
Видно что-то тут не так.
Причесал космы.
Образ – Ну и ну!
Хоть сейчас в Космос
Или на Луну.

ЧТО МНЕ ДО ИНОМАРОК?

Всяк мерит по себе:
По кошельку, уму...
А я велосипед
На зависть никому
Купил и колешу
Не много и не мало,
И, радуясь, спешу
Встречь прочих «иномарок»?

В ОЖИДАНИЕ ВЕСНЫ

Хожу едва,
Ночами не засну.
Ещё январь,
А я всё жду весну
В своем саду
Судьбины непростой:
Сирени дух,
Черёмухи настой.
Не то что блажь,
И что уже старик,
Но мне б тепла
Весеннего на миг.
Ещё одной
И радостной весны,
Где дух родной
От запахов земных
Любой недуг
Смахнет вдруг, как рукой.
В моём саду
Весеннею рекой.

Снова вы сна
По утрам не доспите –
Снова Весна,
Солнце ярче в зените,

Снова пора
Взрыва родов природных,
Снова гора
Дум и дел огородных,
Снова скворцов
В полдень не переслушать.
Рви за кольцо —
Распахни свою душу.

Текла себе река, текла -
Глубины, мели...
Тепла.
Так ждали мы тепла,
Мозги немели.
Вода взорвалась, как огонь
Сквозь лёд фонтаном.
Я по воде босой ногой
Вожу фатально.

АРИФМЕТИКА ДУШИ

Проще надо в жизни жить
И, не кичась,
Просто две судьбы сложить
И не вычесть.
Толку-то от дележа —
Киснут рожи.
Лучше уж детей рожать,
Судьбы множить.
Арифметика проста,
Если очень -
Две души —
уста в уста,
Очи в очи.

РУБАХА ВОЙНЫ

Как будто из вины,
Из чьей-то боли, страха
Я вырос из войны,
Она мне, как рубаха,
Уже который год
(А их трудней всё мерить),
Теснит меня и жжёт,
Чтоб в память о ней верить.
Рубаху ту не снять,
Не постирать, не выжать,
Рубаха та меня
Хранила, чтобы выжить,
В голодные года,
В дни лжи людской и скверны.
Она со мной всегда
Как кровь струит по венам.
И до сих пор хранит,
Прочь отгоняя беды,
И согревает в дни
Незыблемой Победы

АНТИДИАГНОЗ

Доктора, доктора,
Я вам верил,
и вы мне поверьте.
Я измерил вчера
Расстоянье
от жизни до смерти.
Там ещё о-ё-ё! –
Непроторенных
стёжек-дорожек,
И всё это моё,
Для моих
ещё гнущихся ножек.

А диагноз вы свой
Для меня
себе в апус засуньте.
Я ещё о-ё-ёй!
Вы поверьте мне
и трижды сплюньте.

ЛЕТО НА ДАЧЕ

Заря на траве пасётся
Розовой овечкой,
На каждой крыше по солнцу,
По котику на крылечке.

Жмурится небо в кадке
Нежною бирюзою,
Рядом лоснятся грядки
Утреннюю росую.

Добрая в этом примета
Ясного дня и удачи -
Это к вам в гости лето
Заглянуло на дачу.

КАК ЗЁРНА В СТУПКЕ

Ничего не отрицаю,
что творится,
А спокойно созерцаю
вещи, лица,
И поступки,
как приступки
на крылечке,
И толку,
как зёрна в ступке,
я словечки.
Всё толку,

толку, толку –
Поспеваю,
Вековечную муку
просеваю.
Лики, личики
и радости, и беды...
Будут блинчики
сердечному обеду.

СУДЬБА СОЛОМИНКА

Не силой и не ломиком -
На это не гожусь,
Хватаюсь за соломинку,
Всё за неё держусь.

Хотя порой зело мне как
Туда, где в кровь борьба...
Держи меня, соломинка –
Авоськина судьба.

В себе самом упрочиться,
Чтобы себя понять –
А что ещё мне хочется
С утра, к исходу дня?

Такого, чтоб без роздыха
Зараз и до пьяна -
Глоток родного воздуха
От края и до дна.

Ну, и ладно, и будет.
Что пожил, то пожил.
По ночам меня будит
Грохот вен, топот жил.

Содрогаются тело
От неммысленных дум,
Где я в саване белом
Всё куда-то бреду,

И не ведаю страха,
И не чувствую боль,
Словно горсточка праха,
Хранимый тобой.

СВЕРКНЁТ СРЕДИ ЗВЁЗД МНЕ ЧУДО

Захочется вдруг
Внезапно
За солнечный круг,
Где завтра
За тысячи лет
От ныне,
Где нас уже нет
В помине...
За тысячи вёрст
Отсюда,
Сверкнёт среди звёзд
Мне чудо.

ПЛЮС—МИНУС

Азы арифметики
знает любой,
Азы у любви -
с отрочества.
Один плюс один —
возможна любовь
А минус один—
одинокество

Апрель-май 2018 г.

**Сергей
НОСОВ**

Санкт-Петербург

Носов Сергей Николаевич. Историк, филолог, литературный критик, эссеист и поэт. Доктор филологических наук и кандидат исторических наук. С 1982 по 2013 годы являлся ведущим сотрудником Пушкинского Дома (Института Русской Литературы) Российской Академии Наук. Автор большого числа работ по истории русской литературы и мысли и в том числе нескольких известных книг о русских выдающихся писателях и мыслителях, оставивших свой заметный след в истории русской культуры.

Плавники этой осени рыбы

Плавники этой осени рыбы
и плывёт она в синих задумчивых лужах.
На хвосте у неё облака,
и их ветер качает туда и сюда
по холодному небу,
с которого падают звёзды ночами
и сгорают,
как искры большого костра на ветру.

Может, когда-то и станет
так одиноко, как раньше,
мёртвые листья вернуться
на ветки, и лужи
вновь превратятся
в ничтожные капли на стёклах,
и повсюду вокруг на траве,
маятник будет качаться в прихожей
и скорбно отсчитывать время,
то, что мне попросту не с кем
будет делить пополам.

И снова бил барабан,
и люди шли на войну,
и кто-то писал стихи
про то, как они идут.
Им кто-то махал рукой,
и кто-то их будет ждать,
да только к себе домой
они не вернуться опять.

Ты стал слоном -
уже имеешь бивни
и носорогом будешь,
подожди,
рог уже есть,
а, может, это хобот.
Живёшь в лесу

и это хорошо.
А я вот плаваю
ведь я всего лишь рыба -
имею только хвост,
живу на дне.

В лесу очень много весёлых
зелёных деревьев,
а в небе пустых облаков
из белого птичьего пуха,
и в море больших пучеглазых
бессмысленных рыб,
и в жизни весёлого детского смеха,
который всегда налипает на стёкла
сияющих окон счастливых домов.

Живу один, как клочок травы на камне,
а рядом ждёт проезжая дорога,
по ней везут снопами сено с сенокоса,
меня не замечая никогда,
но я и рад.
Пусть ветер шевелит
мне волосы седые, как травинки,
и ночью птицы томные поют,
которым дела нет до сенокоса
и до косцов
с их косами стальными,
и до их мокрых загорелых спин.

Всё хорошо у нас:
просто из ничего
облако над головой
стало добрее к нам,
садится опять на плечо,
ветер, как старший друг,
волосы гладит вновь,
но я ему не сказал,
что тебя люблю,
что завтра опять дарю
с поля тебе цветы,
они так легко растут -

можно их просто рвать
и приносить на окно,
за которым
ты ждёшь меня.

Я тебя буду любить
так же, как льётся вода,
так же, как волны бегут.
Ты будешь плыть
в той любви
так, как плывут облака,
и на одном из них
нам бог нарисует судьбу.

Окно открывается просто
в невидимый мир.
В нём вместо деревьев
умершие души
стоят молчаливо,
тропинка меж ними
привычно ведёт в никуда.
Там высится крест одинокий,
стоящий безмолвно
так много непрожитых лет,
и ворон сидит на нём,
словно волшебник,
всегда
и помнит всех тех,
кто к кресту приходил
ниоткуда
и что-то шептал
всю безумную долгую ночь.

Чудо становится ближе -
его придвигают к тебе
своими руками
знакомые гномы
в красивых
больших колпаках,
на которых всегда
колокольчик звенит
нежным звоном.
Башмаки этих гномов
тихонько скрипят

по паркету,
и шарфы у них
длинные и голубые,
и глаза
как у вдруг прилетевших
откуда-то с юга
испуганных птиц.

Кто здесь был
и зачем приходил -
перевернута чашка
вверх дном,
полотенце
лежит на полу,
отодвинута штора
с окна,
и само окно
полуоткрыто.
Может, выпрыгнул -
нет и следов,
ведь не призрак,
хотя дверь закрыта
и никто её
не открывал.

И пластилиновые судьбы
на тесёмках
качаются, как фантики
на ёлке,
и бродит между ними
чёрный кот.
Он очень мудрый
и давно всё знает,
кому какая участь
на земле,
и для кого
какие чудеса
на этот год
обещаны на свете.

Для нас и море
станет лишь прудом
у дома,
и опрокинутым ведром
пустого воздуха
нам будет небо,
и сад окажется
подстилкой у порога,
и жизнь
пускай идёт, как кошка
на мягких лапах
по своей тропинке,
неведомо куда
и почему.

И кто же виноват,
что мы не души
бесплотные
в придуманном раю,
похожем
на бессмысленную сказку,
где жизнь из мрамора
а слёзы из стекла,
и места нет
для ласки и объятий,
и для земного
нежного тепла.

И мне небо теперь
вместо шляпы
и день мне, как плащ
на плечах,
и ботинки теперь у меня
из старых слежавшихся мыслей,
в них
так славно идти
по проспекту души
одному.
И шуршат под ногами
знакомые чувства,
как листья,

будто их
уронили деревья
на серый асфальт.

В этом странном
заброшенном доме
никто не живёт:
заколочены окна,
но дверь приоткрыта,
и ночью в нём кто-то
так тяжело вздыхает и ходит
по комнатам тёмным,
а с утра у порога
всегда появляется старый
оборванный нищий
и униженно просит чудес,
так, как дети убогие
просят конфеты у доброго бога,
совершенно не зная,
что бог не хозяин конфет

На земле тот же ветер шумит по полям,
гнёт траву, то же солнце горит,
как лампада над миром,
стало меньше
одной всего каплей на свете,
такой маленькой
лёгкой, прозрачной, простой,
что её не заметил никто,
и никто не запомнит.

Есть страны, где все города из картона,
бумажные реки текут в них в моря из стекла,
в тех странах живут оловянные люди
и даже не помнят уже о том сказочном мире,
где мы с тобой утром проснулись,
оставшись в нём вновь совершенно одни.

Оксана

ШЕВЧЕНКО

Канск, Красноярский край

Шевченко Оксана Сергеевна родилась 8 марта 1970 года в Канске. Закончила 10 классов в школе №20. После школы сразу пошла работать. Стихи пишет с 2007 года. Выпустила 4 сборника: «Попытка номер бесконечность», «Мой рок», «Откровение души», «На стыке времён». Печаталась в сборнике канских поэтов: «Мой край, моя Сибирь», «АЛОЭ» «Параллели века», «От колыбели до любви», в газете «Канские ведомости», «Сегодняшняя газета», «Литературный Красноярск», «Красноярская газета», в литературной газете «Эдельвейс». Есть публикации в альманахе «Истоки», «Новый Енисейский литератор», «Поэзия на Енисее», «Литература Сибири», «Енисей», в московском «Журнале ПОэтов». Является дипломантом конкурса «Стихотворение года» в альманахе «Новый Енисейский литератор».

НЕПРОСТИТЕЛЬНАЯ ГЛУПОСТЬ

Спящий город раздражало пробудившееся утро,
В небе солнышко вставало, обещая летний зной,
У домов – провалы окон украшались перламутром,
А на улицах, вальяжно, колобродил выходной.

После будничной недели отдыхать в своих постелях
Будут люди до обеда, забывая о делах,
А ребята молодые, что ещё не протрезвели,
Уезжают ближе к речке загорать на берегах.

Много пива вместе с водкой выпускают на арену
Неосознанную смелость, неоправданный кураж,
Но полуденное солнце мозг уваривает в пену
И бездумцев заставляет реку брать на абордаж.

Пьяным – море по колено, значит речка не опасна,
Переплыть её – раз плюнуть, как пройти по мостовой,
Непростительная глупость.
Жизнь была такой прекрасной,
Но сомкнулись с плеском волны над уставшей головой.

Горе смотрит равнодушно, как горячими слезами
Умываются родные над потерянной судьбой,
Как потратить дар вселенной, выбирают люди сами -
Поклоняться тёмным силам или быть самим собой.

НЕ ПОМОЖЕТ

Осень вновь заблестала в округах янтарным нарядом,
Под мелодию грёз засыпает родная земля,
Лето, с жизнью прощаясь, глядит малахитовым взглядом,
Как меняют мурамы на золото леса и поля.

Как за грош продают драгоценное чудо природы,
Уповая на то, что узнают, где райский приют,
И вдохнут полной грудью обещанный воздух свободы,
Но с деревьев срывают ветра иллюзорный салют.

А рябина горит, наслаждаясь муаровой страстью,
И в объятия Мары спешит запоздалый рассвет,
Захмелевшая осень своей упивается властью,
Забывая, что вскорости вытянет волчий билет,

И уйдёт – обнажаясь, в незримое царство покоя,
Омывая дождями печальными истую суть,
Не поможет остаться в миру ей богатство мирское,
Всё, что нажито было, придётся вселенной вернуть.

НЕВИДИМЫЙ МИР

Во дворе резвятся птицы.
Только здесь, в другой стране,
Тихо шепчутся страницы,
Открывая двери мне
В неизведанные дали,
Где в невидимых мирах
Правью спрятаны скрижали
О забытых временах.
Там и аленький цветочек,
Малахитова гора,
Указующий клубочек,
Говорящие ветра.
Кот Баюн, весьма учёный,
Цепь на дубе сторожит,
Колобок, в печи печёный,
По лесной тропе бежит.
Буква к букве, слово к слову,
Миг – прочитана глава,
И духовная обнова
Обозначила права.
Увлекая, молчаливо
Этот мир к себе зовёт,
Ненавязчиво, но живо
В сказках образность живёт.
В книгах бережно хранится
Вот уже который век,
И шуршат, шуршат страницы
В тишине библиотек.

СИЛА СЛОВА

А вы видели, люди, как душа умирает?
Как обидное слово рвёт её на куски?
И с неисстойкой страстью в огонь геенны бросает,
В ядовитые смолы разъярённой тоски.

Как мучительно больно режет скальпелем вены -
Единения с верой в справедливость и честь,
Плещет в сердце азотом и хохочет до пены,
Наблюдая, как зреет в тихом омуте месть.

А вы знаете, люди, как картечь обвинений
Пробивает навывлет плоть незримого Я?
И бередятся раны под напором сомнений
О разумности жизни на полях бытия.

Как такое случилось, что под лопасти слова
Вы бросаете судьбы, словно косточки львам?
Как, скажите на милость, почему снова, снова
Наполняете злобой чувств живительных храм?

Право жить, наслаждаясь, продаёте безбожью
За пустые бумажки, за глоток суеты.
Люди, люди, проснитесь, вы опутаны ложью,
Вы ослепли, оглохли, вы забыли мечты.

Вы забыли о главной своей жизненной цели -
Вспомнить чудо любви, стать подобным Творцу,
Торить путь во вселенной. Но, увы, обмелели
Ваши души в поклонстве золотому Тельцу.

БЕРЕГИТЕ

Берегите женщины мужчин,
Тех, кто остаётся рядом с вами,
Несмотря на сеточки морщин
Под когда-то ясными глазами.

Берегите, им и так пришлось
Пережить немало испытаний -
Горький яд невыплаканных слёз
От обид и разочарований,

Окунуться в адскую месть
Женских чар, капризов и желаний,
Не теряя мужескую честь,
Выбраться из омута страданий.

Проходя по лаве бытия,
Вспомните той нежности начало,
Где рождались дети, дом, семья,
И любовь, что вас тогда венчала.

Берегите женщины мужей,
Вам дана неведомая сила,
Наслаждаясь слабостью своей,
Сохранить очаг для счастья с милым.

Но живём мы всё же не в раю,
Вас скажу, мужчины, это важно -
Берегите женщину свою,
Берегите ту, что так отважно

Груз тяжёлый - дети, дом, семья -
Тянет, даже если неохота,
Бьётся с паутами бытия,
Успевая бегать на работу.

День за днём усталость всё сильней,
Но в тисках заботы о порядке,
Ждёт, когда вы вспомните о ней,
В гонке за иллюзией достатка.

Вам, мужчины, жаловаться грех
На её ворчание и слёзы,
Чаще говорите ей при всех,
Что она нежней и краше розы.

Что нужна как воздух, как вода,
Что одна желанна и любима,
Балуйте цветами иногда,
Это всё ей так необходимо.

Не желайте чуждую весну,
Что зовёт вас вправо или влево,
Берегите вы свою жену,
Нет на свете лучшей королевы.

СЛУЧАЙ

Горит единственный фонарь, звездой сияет,
А пьяный дядька Пономарь столб обнимает,

И не видать ему пути - в глазах двоится,
Куда же бедному пойти опохмелиться?
А по дворам гуляет ночь, смеётся стерва,
Не хочет сирому помочь и треплет нервы,
Слабеют ноги, и уже земля рядом,
Вдруг видит: дева в неглиже милует взглядом.
Зовёт с собою в темноту: «Иди скорее,
Познаешь райскую мечту, а я согрею,
Болезни разом излечу, рецепты знаю».
И Пономарь кричит: «Лечу, лечу родная!».
Но сил своих не рассчитал, упал, забылся,
Девичий образ замерцал и растворился,
И только утром дикий страх стреножил тело -
Зияла пропасть в двух шагах и сожалела.

МИР ВДОХНОВЕНИЯ

Пологий бережок, уютная палатка,
Поодаль костерок танцует менуэт,
Со звёздами луна играет в переглядки,
Пока спокойно спит малиновый рассвет.

Но убегают сны с рекой по перекатам,
Крадётся в тишине туманная волна,
Нескошенной травы целебным ароматом
И силами земли душа моя пьяна.

Здесь время не спешит, а сердце отдыхает
От праздной суеты и мелочных страстей,
Энергией любви природа наполняет
Уставшие тела забывчивых детей.

Здесь чувствуется: жизнь не пробегает мимо,
Законы бытия разумны и чисты,
Палатка, костерок, и рядышком незримо
Присутствуют всегда надежды и мечты.

Здесь можно быть собой - обычным человеком -
И бегать босиком по розовым лугам,
Как хочется навек остаться в мире этом,
Вселенные творить и верить чудесам.

**Владимир
ЛЯДЕВ**

Ростовская область

Лядев Владимир Алексеевич. По образованию педагог, более четверти века возглавлял Маньковскую среднюю школу Чертковского района Ростовской области.

Почётный работник общего образования РФ. Подъесаул. Атаман станичного казачьего общества.

Публикации в журналах: «Истоки» (Нижний Ингаши), «Альбион» (Великобритания), «Библиополе» (Москва), «Московский Парнас» (Москва), «Волго Дон»(г.Волго-Донск), «Донская сотня» (Шахты), в местной прессе.

Автор книги «Судьбы людские», соавтор книги «Маньково сердцу милый край». Победитель Четвёртого (2016 г.) Международного литературного конкурса «О казаках замолвим слово».

Член Академии Российской литературы. Член Союза писателей Дона.

И тогда Дон оцепенел от ужаса...

(К столетию Верхне – Донского восстания)

Не знаю, есть ли такая привычка - просыпаться за несколько минут до звонка будильника - у вас, а у меня она присутствует. Причём не помню, когда она во мне укоренилась. Но чётко помню, что, будучи ещё студентом, ставил в «общаге» огромный механический будильник в таз для стирки белья, чтобы проснуться в нужное время наверняка. Но всё равно просыпал. А просыпался только потому, что друзья-студенты (а нас в комнате было семеро) поливали меня водой из графина и отпускали совсем уж недружественные высказывания в мой адрес по поводу этого грохота, который будил их в столь ранний час. Так вот, эта привычка пришла не сразу, а с годами. Основой её считаю службу в Советской Армии. И вот что интересно: время утреннего подъёма может меняться, а «внутренние часы» всё равно его предугадывают. Вот и сегодня сработал внутренний «щелчок», и мои глаза уже открыты. Дотягиваюсь до будильника и выключаю его, не хочу, чтобы он разбудил моих домочадцев. По старой, привитой десятилетиями привычке, бегу к колодцу, на ходу прокручивая в ещё не совсем прояснившейся от сна голове все эти мысли...

Ведро холодной воды, опрокинутой на себя любимого, мгновенно сбрасывает остатки сна, и я готов выполнять «любые поставленные задачи». А задача у меня в этот июльский и только-только зарождающийся день одна: в составе нашей казачьей дружины выехать в станицу Вёшенскую для обеспечения дежурства во время мероприятий, связанных с Общероссийским совещанием комиссии по вопросам казачества при Президенте России и соревнованием молодёжных казачьих обществ Урала, Кубани, Дона, Калмыкии, Волгоградской и Астраханской областей.

Чтобы не разбудить жену, стараюсь не шуметь на кухне, ставлю чайник на газовую плитку, достаю термос, готовлю бутерброды. Пока чайник не закипел, облачаюсь в «парадку». Командир дружины, он же юртовой атаман подьесаул Попов Геннадий Георгиевич заранее предупредил, чтобы все были в белых рубашках и парадных брюках с лампасами. Пять минут - и термос с кофе уже готов, и я с готовым «тормозком», жуя на ходу бутерброд, быстрым шагом иду в центр, где меня всегда подбирал микроавтобус с дружинниками, едущими из райцентра.

Путь мой пролегает возле красавца Троицко-Покровского храма, куполов которого только-только коснулись лучи восходящего солнца. «Успеваю!» - Думаю я, но на всякий случай прибавляю шаг...

Салон автобуса встретил меня гомоном горящих одновременно казаков, лёгким запахом ещё не выветрившегося бензина. «Очевидно, только что заправились», - мелькнула мысль. Громко здороваюсь: «Здорово ли ночевали, братья - казаки?!». Дружный ответ: «Слава Богу!», - не заставил себя долго ждать. И вот уже пора осваиваться в новой обстановке. Хотя она для меня до мелочей привычна в таких поездках. На передних сиденьях «Газельки» обычные завсегдатаи - картёжники: юртовой атаман Попов Геннадий Георгиевич, старейшина юрта Юрасов Александр Павлович, Лозовский атаман Коновалов Владимир и Сетраковский - Абакумов Александр - которые яростно режутся в карты. Остальные либо болтают

о своём насущном, либо поддерживают играющих в «дурака», либо мирно подрёмывают – встали-то рано!

Общая тема разговора возникла лишь однажды. Это когда от Алексеево – Лозовского перекрёстка на трассе М-4 «Дон» повернули в сторону Миллерово. «А что это, братцы, в Вёшки через Миллерово едем? Там и дорога поуже и расстояние больше, чем через Казанку!», - сыпалось со всех сторон. Успокоил всех командир дружины Попов: «Да, мы понимаем, что так ближе, но нам ещё на Павловском перекрёстке забрать наших казаков - дружинников надо. Они там нас уже ждут». Успокоились казаки и до самого «танка», что стоит памятником о Великой Отечественной войне на пересечении Вёшенской и Боковской трассы, все занимались тем, чем занимаются в дальних поездках пассажиры автобусов.

(На фото казачья дружина Чертковского района).

Общий интерес и общий разговор захватил всех только тогда, когда выскочили на границу Боковского и Шолоховского районов. Здесь, на стыке двух муниципальных образований, у самой трассы «Миллерово–Вёшенская» стоит памятник - статуя конного казака, зорко всматривающегося в донскую степь и будто боящегося пропустить что-то главное и важное.

«А что, братцы? Кто скажет, в честь какого такого события установлен сей памятник? И почему казак на коне смотрит именно туда, откуда мы едем – в сторону Миллерово?», - задаю казакам каверзный вопрос. «Ну, Алексеевич, ты даёшь! Да это вёшенцы установили его в память о восстании у нас на Верхнем Дону», - тут же среагировал на вопрос сотник Громаков Владимир. Да оно и понятно, «Гром» окончил исторический факультет Ростовского пединститута. Ему ли не знать. «Ну, а почему он смотрит всё-таки на юг, в сторону Миллерово?», - не унимаюсь я и замечаю, что картина в салоне микроавтобуса меняется на глазах. Картёжники побросали карты, кто подрёмывал, и те с интересом уже смотрят на меня: «Да, а почему? Расскажи.»

«Да тут, братья, чтобы яснее стало, одной фразой за восстание не обойдёшься, придётся начать издалека», - держу паузу. «Да мы особенно никуда и не торопимся, послушаем. А то ведь многое, вроде бы, знаем, живём здесь, «Тихий Дон» Шолохова у каждого настольная книга, да и сериальные телеверсии не раз просмотрели. У себя в Сетраках даже Круг провели по подготовке к 100-летней годовщине восстания. Договорились

поклонный крест и мемориальную доску погибшим казакам обновить. Всё, казалось, обговорено, всё знаем, а тут, видишь ли, ещё остаются неясности. Так расскажи, Алексеевич, чего мы не знаем?», - зашумели мои попутчики-однодумцы. «Ну, коли так, слушайте. Когда сам до этих вещей докапывался в Интернете, по музеям, в разговорах с очевидцами, самому интересно было», - говорю, усаживаясь поудобнее на сиденье.

- В начале перенесёмся с вами в события 1917 года. Тогда ни Интернета, ни мобильной связи, ни телевидения и прочих благ нашей современной цивилизации, ясное дело, и в помине не было. Поэтому факт общеизвестный, что сведения о революции в России в хутора и станицы Верхнего Дона принесли казаки-фронтовики, бросившие фронт, и по одиночке, а то и целыми сотнями и взводами добравшиеся домой. У всех имелись шашки, большинство было с винтовками, иногда с пулемётами. Известие о свержении монарха стало потрясением для казаков Области Войска Донского. Они не представляли себе Россию без царя. Образованная часть казаков относилась к этим событиям с тревогой. Беднейшая часть казачества откровенно радовалась, а революционно настроенная их часть была в восторге.

Атаман Области Войска Донского А.М. Каледин был в отчаянии от нежелания казаков, которым надоела действительная служба и четыре года германской войны, встать на защиту границ Всевеликого Войска Донского от революционных частей. Типичное явление Гражданской войны – её невероятный динамизм. Только начало «устаканиваться» Советское правительство в Москве и в Питере, а уже мчатся на юг поезда с солдатами. И там, где останавливался паровоз и солдаты сходили с поезда, там мгновенно, за считанные дни возникал фронт. Тоже очень подвижный и текучий. Причём коммунистов-то было и не так много – около 10 тысяч. И отбить их и не пустить за пределы Области Войска Донского нетрудно, если бы не раскол самих казаков. Войсковое правительство распалось в начале 1918 года на глаза: одни были за Советы, другие - против.

В итоге «тихой сапой» хутора и станицы Верхнего Дона оказываются под властью Советов.

Атаман Каледин сумел собрать в добровольческие партизанские отряды по защите Дона только 250 офицеров, юнкеров и гимназистов под командованием легендарного есаула, получившего чин казачьего полковника за две недели до гибели, - Василия Чернецова. Одно имя «Чернец» вызывало в красноармейском стане суеверный ужас. Ещё бы, команду полуторасотней безусых мальчишек из гимназий, студентов – семинаристов, учащихся атаманского технического училища и кадетских корпусов Новочеркаска, 27-летний обладатель именного оружия и Георгиевский кавалер за целую армию сдерживал 10-тысячную красную гвардию и по сути дела в течение трёх месяцев до его коварного убийства Подтёлковым, защищал Дон. До января 1918 года это были единственные силы атамана Каледина и Донского правительства. Да в то лихое время у донского казачества было прошлое – старики плакали, совестили вернувшихся с фронта сыновей, умоляли защитить Тихий Дон и веру православную; было будущее – внуки этих стариков хватали винтовки выше их ростом и бежали в отряд к Чернецову. А настоящее - казаки-фронтовики - сидели по домам. Да, остались лихие чубы, парусили широкие шаровары с лампасами, а

настоящего казачества не было.

*Командир донского казачьего
партизанского отряда полковник
Чернецов Василий Михайлович.*

Узнав об убийстве Чернецова, Каледин на заседании Донского правительства сказал буквально следующее: «Положение наше безнадежно. Население не только нас не поддерживает, но настроено к нам враждебно. Сил у нас нет, и сопротивление бесполезно. Я не хочу лишних жертв, лишнего кровопролития.

Предлагаю сложить свои полномочия и передать власть в другие руки. Свои полномочия войскового Атамана я с себя слагаю».

Его стали уговаривать. «Кончайте болтать! - Крикнул Каледин - От болтовни Россия погибла!».

Он вышел в соседнюю комнату, снял Георгиевский крест, лёг на кушетку и выстрелил себе в сердце.

- Да, братья – казаки», - охватив взглядом, односумов, притихших и жадно слушающих, продолжаю:

- Самоубийство атамана - лишнее доказательство того, что Господь всегда противится тем, кто наложил на себя руки. Как бы плохо ни было, какая бы безнадежность ни рвала душу, нам не дано знать грядущего. Атаман Каледин не дожил буквально трёх месяцев до такого взлёта Белого движения, о котором и мечтать не мог.

Дело в том, что ещё при жизни Каледин пригласил к себе на Дон всех членов Временного правительства и Предпарламента. Так же в Область Войска Донского из обеих столиц и центральной части России устремляется множество тех, кто недоволен большевиками. От юнкеров, студентов и гимназистов до кадета Милокова и генералов Л.Ф.Корнилова и А.И. Деникина. Здесь, на Дону, Лавр Фёдорович Корнилов объявляет набор в так называемую Добровольческую Армию. В январе 1918 года в ней было около трёх тысяч человек, и это количество набралось с невероятным трудом. Добровольцам не хватало денег, оружия, шинелей, даже сапог.

А казаки к «добровольцам» относились в лучшем случае равнодушно: «В дела «москалей» мы не вмешиваемся». Сам Каледин сочувствует добровольцам, но для него главное - не пустить Советы в Область Войска Донского.

После самоубийства атамана Каледина добровольцы под предводительством Л.Ф. Корнилова вышли на Кубань 23-го февраля 1918 года по новому стилю. По слухам, там влияние большевиков меньше. Надеялись поднять на борьбу добровольцев из кубанского казачества и кавказцев. Это был так называемый «Ледовый поход», начало которого (23 февраля) некоторые историки трактуют как настоящий день рождения Армии.

На Дону же 16 мая 1918 года собравшийся в Новочеркасске Круг

Спасения Дона избирает генерала Краснова П.Н. войсковым Атаманом. А Всевеликое Войско Донское объявляется отдельным государством. При этом оно на своей территории возобновило действие российских законов, принятых до февраля 1917 года. Была восстановлена традиционная казачья дисциплина. Уже к зиме 1918 года в Донской армии Атамана Краснова было 1282 офицера, 31300 штыков и сабель, 780 орудий и 270 пулемётов и ещё две тысячи Молодой армии - казаков в возрасте 19-20 лет.

Казачи заявили, что продолжать начатую «москалями» войну с Германией не будут, и заключили с немцами, которые оккупировали к тому времени Украину, мир. Немцы же в ответ снабжали щедро казаков вооружением, причём с русских же оружейных складов, которые им достались на Украине.

Донская армия, как я уже говорил, с добровольцами не пошла. А в августе 1918 года двинулась на Воронеж и Царицын, полностью освободив от красных Верхний Дон и отрезав азербайджанскую нефть от центральной России.

Но нужно искренне признать, что психология рядового казачества, оказавшегося в гражданской войне, была понятна. Дойдя до родной станицы, казак говорил: «Дальше не пойдём. Вмешиваться в жизнь иногородних нет желания. Свой же курень защищать буду». Тем паче служивым казакам жалование задерживалось по полгода и выдавалось не полностью. Трофеи расхищались, обмундирования не хватало. В конце концов 18 ноября 1918 года одна из сотен 1-го Верхне -Донского полка самовольно снялась с позиций и пошла в тыл, в станицу Вёшенскую, где потребовала от своего командования выдать им новое обмундирование. В этом им было отказано. Тогда казаки самовольно покинули станицу с лозунгами: «Хватит вшей кормить! Долой золотые погоны! По домам!». «Мы отказываемся защищать Дон, если придётся, будем защищать свою станицу», - говорили другие. Затем возмутились Мигулинский, Вёшенский и Казанский полки, которые перестали повиноваться начальникам и вступили в переговоры с противником. Большевики обещали казакам, если они прекратят вооружённую борьбу и разойдутся по домам, - мир и полную

неприкосновенность Войска Донского. Уставшие от изнурительных военных действий казаки поверили уговорам и вернулись в свои хутора и станицы. Но большевики вскоре нарушили договор. В результате продвижения Красной Армии в образовавшийся прорыв весь казачий фронт спешно отошёл на линию Донца, а Верхне - Донской округ оказался за фронтом большевиков, т.е. в их тылу. Вот с этого момента и начинается страшная страница в истории казачества, которую мы называем геноцидом.

На картине сцена массовой казни казаков во время красного террора на Дону).

За беседой не заметили, как проскочили мост через Дон у самой станицы, и при повороте направо за окнами «Газельки» замелькали знакомые строения корпусов Вёшенского санатория.

«Ой, Алексеевич, уже подъезжаем. Сейчас, очевидно, будет общее построение, а затем развод по местам несения службы. Жаль, не договорили. Так что на обратном пути ждём продолжения истории», - произносит подъяесаул Попов.

А вот и площадь в центре Вёшек с её величавым храмом и набережной с памятником Григорию Мелихову и Аксинье. Автобус пристраивается к уже стоящему и ранее нас прибывшему автотранспорту, и мы шумной толпой вываливаемся наружу. На небе ни облачка, и поэтому от палящего солнца довольно жарко. И даже Дон, находящийся от площади буквально в нескольких шагах, не приносит прохлады.

Позвонив кому-то по мобильнику, атаман ушёл, приказав нам быть у автобуса и никуда не расходиться. Пока мы осматривались и здоровались со знакомыми казаками из других юртов, появился Попов, последовала команда общего построения на плацу, что напротив храма. Развод казачьих дружин по местам несения службы прошёл оперативно быстро и чётко.

Кто-то отбывал в усиление по охране правопорядка в центре станицы, где в здании администрации будет проходить совещание Комиссии при Президенте РФ по вопросам казачества. Кто-то попал следить за порядком в спортивном городке, где соревновалась по прикладным казачьим видам спорта казачья молодёжь, почитай со всей России. А нашу казачью дружину Стравковского юрта направили в оцепление территории, на которой должна происходить реконструкция событий Великой Отечественной войны, которые происходили на Дону в 1942 году.

Ехать нужно было до станицы Еланской. Здесь, в песках с редкими зарослями лозы и краснотала, была построена бутафорская станица, предназначенная для съёмок режиссёром Урсуляком телевизионного многосерийного художественного фильма «Тихий Дон» по одноимённому роману М.Шолохова. Это место было выбрано в голых песках и вдали от самой станицы Вёшенской сознательно. Дело в том, что по ходу этого «спектакля», называемого реконструкцией, «фашисты» должны наступать не только силами пехоты, но и при поддержке настоящей бронетехники времён Великой Отечественной войны. А затем Красная Армия и конные казаки, должны были отбить занятый немцами хутор. Соль в том, что всё это действие должно сопровождаться стрельбой из самого настоящего оружия. Плюс к тому - выстрелы орудий и взрывы снарядов и мин. И если стрельба из стрелкового оружия велась холостыми патронами, то имитацию взрывов обеспечивали взрывпакеты, которыми была просто напичкана вся охраняемая нами территория полигона. Конечно, взрывпакеты были заложены сапёрами заранее в те места, где при их подрыве не пострадают люди. Но и людей - то на это зрелище собрались тысячи. И эти тысячи прут туда, где, как им кажется, лучше будет видна панорама «боя». Вот чтобы не напоролись на взрывпакет, или не дай Бог гражданское любопытное лицо не возникло вдруг в эпицентре «боевых» событий, нас и поставили в оцепление по периметру зоны проводимой «реконструкции». Рассыпались мы по этой песчаной пустыне с чахлыми кустиками лозы так, чтобы был между группами визуальный контакт. Расставили нас на посты задолго до полудня, а само действие началось где-то в часа три дня. Бедные казаки! Кругом раскалённый песок и ни глотка воды. Укрыться бы в тени, да кустики лозы и краснотала сами сбросили лишнюю листву, чтобы меньше испарять жидкости и самовыжить. Эти лозы местные жители называют «рассадками». Это по той причине, что когда пески уже засыпали станицу, чтобы остановить их, казаки выходили семьями на общественные работы и высаживали на песках лозы, позже и сосняк. Другая древесная растительность на раскалённых песках не приживалась.

Вот в этих «рассадках» и несли дежурство мои друзья, пытаюсь скрыться от палящего солнца в реденькой тени на протяжении пяти часов.

Мне же несказанно повезло. Командир дружины подьесаул Попов, очевидно делая упреждение на мой возраст, поручает мне пост на КПП. Через него по окончании совещания должны проследовать на «реконструкцию» высокопоставленные чины из Москвы, Губернатор Ростовской области Голубев Василий Юрьевич и наш Атаман Всевеликого войска Донского казачий генерал Гончаров Виктор Георгиевич. КПП – это практически

ворота в «бутафорский городок-станцию» со стороны дороги Вёшки –Еланская. Сам же городок заполнен, пока не началась «реконструкция», «действующими лицами»: кто-то их них в форме советского солдата, а кто-то в немецкой. На память фотографирую ребят и фотографируюсь сам: то возле немецкой пушки, то с девчонками-санитарками в ловко сидящих на них гимнастёрках, с сумками и красными крестами через плечо, то с пехотинцем вермахта в «мышиного» цвета мундире и кованых коротких сапогах.

Параллельно дороге выстроились фургоны с лошадьми. Возле лошадей копошатся казаки в шароварах с лампасами и шашками на боку. Конница! Одна из фигур конников показалась мне очень знакомой. Не павловский ли это атаман подьесаул Серёжа Дегтярёв? Подхожу ближе. Он! Обнимаемся. «Здорово ли был, Серёжа?! «Слава Богу!» – с улыбкой вторит мне Сергей. «А каким образом ты здесь?». «Да вот, был приказ участником конного перехода Волгоград - Севастополь в честь 70-летия Победы, прибыть на реконструкцию военных событий на Дону летом-осенью 1942 года. Нам поставлена задача конной сотней атаковать «неприятеля» и выбить его из этого хутора» - Сергей кивает в сторону «бутафорского городка» и КПП.

Едва успеваю сделать снимок «на память», как вдоль дороги доносится через рупор: «По коням!». Сотня в конном строю отбывает на разминку лошадей с последующей генеральной репетицией «казачьей лавы» с обнажёнными клинками.

(На снимке фрагмент «реконструкции» боя казачьей сотни с немецкими захватчиками).

Вскоре на КПП прибыл казачий полковник, первый Атаман возрождённого в 2000 году Верхне-Донского Округа Карташов Юрий Ильич. Юрий Ильич, умница, уважаемый на верхнем Дону казак. Является Членом Союза Писателей России, он автор многих публикаций на казачью тематику, и мы с ним дружим. У Ильича связи с казаками России и за рубежом. Его книги можно найти и в издательстве «Альбион» (Великобритания), где большая диаспора донских казаков, покинувших Родину в Гражданскую войну.

С появлением Карташова обстановка в «городке» и на КПП стала меняться: подвезли цистерну с питьевой водой, появились бордюры временного ограждения. «Начальство» всё ещё задерживалось, на небе ни облачка, а солнце раскалило, кажется, всё вокруг добела....

Не буду задерживать внимание читателей на событиях самой «реконструкции», а по её завершении на выступлениях Губернатора Ростовской области Голубева Василия Юрьевича и казачьего генерала

Атамана Всевеликого войска Донского Гончарова Виктора Григорьевича, на награждении участников конного перехода Волгоград – Севастополь, в честь воссоединения Крыма с Россией. Всё это, конечно, заслуживает отдельного разговора, но он уже будет явно не по теме событий, излагаемых на этих страницах. Но скажу, что прибыв в станицу и доложив о выполнении порученного задания, мои станичники выглядели уже не так браво, как утром. Сказалось многочасовое пребывание на солнцепёке, отсутствие питьевой воды и общая усталость. «Ничего, братья-казаки, - подбадривает всех подъесаул Володя Коновалов. - Бывало и похуже! Я вот вспоминаю 100-летие со дня рождения М.А. Шолохова, тогда в Вёшки на этот юбилей наш Президент В.В. Путин приезжал. Тогда гнуса было - просто тучи. Над станицей смог стоял от этой твари. Дышать невозможно было – лёгкие забивал. И хотя говорили, что его к приезду Президента гнусравили авиацией, но мы этого не ощутили. Мне тогда достался пост в кустах со стороны Дона держать. Еле живой остался, все глаза мне эта мошка выела тогда. И как Президент это выдержал?».

Дорога домой всегда в радость. И вновь гомон всех казаков, говорящих одновременно, заполняет салон «Газельки». «А что, братцы, где обедать будем?» - Звучит голос юртового старейшины Юрасова Александра Павловича. «Как где? Отсюда поедем через Казанку, так там, в Солондрах у криницы и откушаем, - вставляю в разговор и я своё слово. «Мудрое решение ехать отсюда через Казанку, Мешково и Верхняки. А там Журавка и наша родная М4», - раздаются со всех сторон одобрительные возгласы. «А что ж, фуражку пускать по кругу будем?» - Не унимается Коновалов. «Ну, так это святое дело!», - в один голос вторит ожившая публика. Фуражка, пущенная по салону, мгновенно наполняется купюрами. «А вот и магазин. Тормози! Я мигом!», - Коновалов исчезает в дверях продуктового микромаркета.

Пока его нет, у казачков приостыл пыл, и тогда все обратили внимание на поникшую фигуру Бондаренко Жени, сидящего на заднем сиденье и уткнувшегося носом в собственную грудь. «Женя, что с тобой? Тебе плохо?», - спрашивает сетраковский атаман Саша Абакумов. Женя поднимает глаза, наполненные болью: «Что-то хреново мне, казаки.»... Пауза растерянности, потом наперебой заговорили все сразу, высказывая возможные причины и версии такого состояния.

Мне же приходит мысль, что по такой жаре может резко упасть кровяное давление. Лезу в пакет, где у меня всегда с собой наручный тонометр и разного рода таблетки. (Да, приходится «медицину» всегда иметь при себе. Что поделаешь, шестьдесят восемь лет - не восемнадцать! И хотя в мае прошёл аттестацию и сдал нормативы строевой и физической подготовки, но гипертонию одолеть не удаётся.) «А ну-ка, Женя, давай померяем твоё давление», - с этими словами напяливаю ему на запястье томограф. «Ну, вот, понятно, что ты такой квёлый. Удивительно, что ты ещё при сознании. Верхний предел - ниже сотни. Это надо же так парня на солнцепёке держать!». Вспоминаю, что с утра в дорогу наливал в термос кофе. Открыв его, наполняю стаканчик напитком. Он ожигает мне пальцы. Вот это да! Или термос хорошо держит температуру, или за «бортом» она была такая же.

- А ну-ка, казак, попей-ка кофейку. Давление, глядишь-ка, и поднимется. Обжигаясь и дуя на поверхность жидкости, вахмистр прихлёбывает кофе.

А в автобус вваливается с огромным пластиковым пакетом, в котором звякает стекло, Коновалов. Поехали! Мелькают вновь за окном знакомые современные «курени» станицы Вёшенской, санаторные корпуса и перекрёсток с круговым движением, от которого мы берём курс на Казанку. Поглядываю на вахмистра Бондаренко, который уже оживился и вместе со всеми комментирует мелькающие за окнами «Газели» пейзажи сосняка, степи, покрытой выгоревшим ковылём, да километровыми столбами, отмечающими расстояние до станицы Казанской.

Так в разговорах, незаметно по времени, оказались у подъёма дороги, где, сделав поворот направо, подъехали к криничке. Бог ты мой! Да кто же на Верхнем Дону не знает Солонцовский родник! Я уже не говорю о местных жителях, которые облагородили его, поставили по обе стороны родника навесы от жары и дождя над столами и лавками для путников и любителей отдохнуть и испить благодатной водицы. А она воистину тут знатная! Не портится, сколько бы ни стояла. Проезжающие по шляху Казанка-Вёшки-Волгоград: будь то автомобилисты-частники, водители-«дальнебойщики» или паломники, едущие на «двухэтажных» автобусах в Серафимовический монастырь, - все, без исключения, останавливаются тут, чтобы утолить жажду, наполнить любую имеющуюся ёмкость и взять водичку с собой в дорогу. Наш Атаман Попов возил образцы этой воды на анализ в Ростов. Куда он возил её там, не ведаю, но, по его утверждению, там были восхищены составом этой водицы. Вот и сейчас, не успели мы сойти с автобуса и расположиться под навесом на обед, Попов уже собирает все свободные пластиковые ёмкости и наполняет их. Сколько помню, он всегда не упустит момент привести в посёлок литров 20-30 Солонцовской водицы. Да, в Чертково питьевая вода годится в употребление только в кипячёном виде.

Пока казаки занимаются сервировкой стола, для чего в общую кучу на его середину вываливается содержимое всех «тормозков», любуюсь родником. Сам ключ мощный, вода из него, образуя водоворот, сразу же идёт могучим ручьём в речушку Песковатку, она, оправдывая название своими песчаными берегами, несёт свои воды в Дон, до которого от родника буквально несколько километров. Сама Песковатка не глубокая, но со стремительным течением и песчаным дном, которое великолепно просматривается сквозь воду чистую, как слезинка. Так и хочется освежиться! Но даже в такую жару вода в Песковатке как в горной реке - долго не выдержишь. Сам же я люблю на Дону порыбачить и отдохнуть не на песчаной косе на хуторе Стоговском, где летом отдыхающих пруд пруди, а приезжать сюда, за Казанскую. Именно в это место, где Песковатка впадает в Дон. От мыслей о этом благодатном уголке Верхнедонского района меня отрывают голоса: «Алексеевич, ну, где же ты там? Мы уже стол накрыли!»...

Повеселевшие от обеда (считай целый день на ногах и практически ничего не ели) и слегка размолвшие от чарочки-другой, братья казаки занимают насиженные места в автобусе. Вскоре уже видна вдалеке и станица, а справа от дороги - красивая, с любовью и изяществом построенная казанцами часовенка. Подъесаул Кравцов Сергей Дмитриевич, сам из родовых казаков хутора Верхняковского, офицер запаса, увидев часовенку, озадачивает всех вопросом: «А знаете, почему казанские казаки поставили её именно на этом месте?». Ясное дело, истории этой никто не знает, и

Дмитриевич тут же нам её поведал. Оказывается, в этом месте казаки-разбойники убили в древние ещё времена монахов-паломников. Хотели ограбить, да что за богатство может быть у странствующего монаха? Только души людские безвинно загубили. И вот на месте убийства на бывшем шляху, а теперь автотрассе, стали весьма часто, по непонятным причинам и прямо на ровном месте происходить разного рода аварии, катастрофы, и все со смертельным исходом. До той поры, пока не покаялись и не построили на месте убийства эту часовню и не освятили её. С тех пор, по поверью, аварии и прочие напасти на этом участке дороги прекратились - такое поверие в Казанке ходит.

Пока слушали эту легенду-быль, подъехали к развилке Шумилинка-Мешково. А далее поворот налево, там мост через Дон и прямая дорога до самой трассы М4 «Москва-Ростов». Увидев название «Шумилинка», вахмистр Юра Мычка вдруг напомнил: «Слушайте, братцы. Алексеевич нам так и не рассказал до конца о Верхне-Донском восстании. А оно, мне помнится, полыхнуло в Шумилинке. Ведь сколько раз мы были гостями в этой станице на ежегодных мероприятиях, посвящённых этому событию, и в музее станицы Казанской, где собраны все данные о его начале».

- О, да! Давай, Алексеевич, продолжай. А то мы здорово отвлеклись за день от этой темы, что чуть не запамятовали наш утренний разговор.

Немного подумав и поймав нить прерванного предыдущего разговора, начинаю: «Так что, братцы, наш Верхне-Донской округ дважды побывал во время Гражданской войны под большевиками. Первый раз при Атамане Краснове в тот период, когда Дон защищал с горсткой безусых казачат есаул Чернецов. Второй раз в декабре 1918 года, когда большевики, нарушив обещанное казакам перемирие, вероломно вторглись в Округ».

Ещё в первое своё пришествие на Верхний Дон, большевизм уже тогда показал свой «звериный оскал». По воспоминаниям уцелевших во время «красного террора» старожилов, складывалась такая картина: «Во время квартирования в станицах и хуторах красные солдаты держали себя нагло, немало причиняли неприятностей и притеснений, лучшие комнаты занимали солдатскими подсумками, котелками, консервными банками и прочим барахлом. А хозяев, независимо от количества членов семьи, сгоняли в одну комнату-стряпуху и приказывали «не пищать» и «не беспокоить красных солдат, защитников всемирного пролетариата». Всем известно, что в доме каждого казака – икона и лампада прежде всего. Ведь казак - Христов воин. И вот ленинские солдатики, наевшись до отвала казачьего хлеба и развалившись на полу, брали винтовки и начинали заниматься стрельбой по иконам и лампадам... Лопались стёкла окон, со звоном падали иконы, пороховой дым и хохот красных солдат наполнял прежде чистую и светлую горницу казака».

«Да, братья» - вмешивается в разговор до сих пор молчавший «Гром» - сотник Громаков Владимир, который до работы в казачьей дружине преподавал историю в третьей казачьей школе посёлка: «Прости, что прервал тебя, Алексеевич, но добавлю такой ещё факт, до какого маразма в борьбе с православием доходили большевики. Они осенью 1918 года в городе Козлове (ныне Мичуринск) открыли памятник ... Иуде. Тому самому, который продал Христа за 30 серебряных монет. Под звуки «Интернационала» на открытии Лев Троцкий говорил, что «мы сегодня

открываем первый в мире памятник человеку, понявшему, что христианство - лжерелигия» . Правда простоял тот памятник всего одну ночь, утром его нашли вдребезги разбитым».

«Да, интересную тему затронули, казаки, «царапнула» она меня здорово», - подаёт голос Жёна Бондаренко, давно забывший о своей гипертонии. Вахмистр Бондаренко у нас - второе лицо после отца Димитрия, духовника нашего юрта. Всегда, когда нет возможности отцу Димитрию присутствовать на совещаниях дружины или казачьем круге, Жёне доверено читать молитву и благословлять начало работы. «Так вот, - добавляет он к уже сказанному: «Вы же помните, царствующий род Романовых называли «помазанниками Божьими». А всё дело в том, что ещё Пётр I упразднил институт Патриаршества на Руси, замкнув функцию церкви на себя. И по отречении Николая II от престола, 28 октября 1917 года было принято решение о восстановлении патриаршества. Уже в ноябре в Успенском соборе Кремля состоялась интронизация нового патриарха -митрополита Московского Тихона (Белавина). Так вот, патриарх Тихон на начало гонений ответил посланием от 19 января 1918 года, известном как «анафема» Советской власти. А ещё, забегая вперёд по логике обсуждаемых событий, не могу не сказать, что с именем Патриарха Тихона связана ещё одна история. В 1924 году, вскоре после смерти Ленина, на Красной площади прорвало канализацию. Потоки жидких фекалий залили тогдашний деревянный Мавзолей. Когда об этом рассказали Тихону, он пожал плечами: «По мощам и елей», -произнёс патриарх».

(На снимке установка и освящение поклонного креста в станице Еланской, где произошло первое сражение казаков с частями революционной Красной Армии.)

«Да, братья», - продолжаю я, восстанавливая логику разговора: «Но эти изуверства большевиков на Верхнем Дону оказались ещё «цветочками», лишь преддверие настоящего ужаса. Его казаки пожинали во второе пришествие красных в декабре 1918 года. Вот тогда- то Дон и оцепенел от ужаса. Заключив мирный договор, казаки разошлись по домам, но уже через три дня станицу Вёшенскую захватила 15-я Инзенская дивизия красных, солдаты которой начали проводить среди казаков дику расправу. Стали увозить хлеб, угонять скот, убивать непокорных и производить насилие. И это - по отношению к казакам, которые по логике событий восстали против Атамана Краснова и открыли фронт Советским войскам, который переместился на линию Донца, а сам Верхне-Доской Округ оказался в тылу Красной Армии.

В конце зимы 1919 года Гражданская война на Донской земле приняла невиданно жёсткие формы. Борьба шла на полное истребление казаков.

Одним из первых документов - «зачатком последующего рассказывания» стала Директива Оргбюро ЦК РКП(б), руководимого Я.М. Свердловым, от 24 января 1918 года. С неё-то и начался «геноцид» казачьего народа. Согласно этой Директиве Советской власти на местах предписывалось провести массовый террор против богатых казаков, истребив их поголовно. Истребив и тех, кто принимал участие в борьбе с Советской властью, конфисковывать хлеб, скот, землю. Произвести полное разоружение, расстреливать каждого, у кого будет обнаружено оружие по истечении срока его сдачи.

Бесовская Директива ЦК большевиков стала сигналом к физическому истреблению коренного казачьего населения. При этом уничтожалось та его часть, которая составляла цвет нации южного порубежья России.

Из воспоминаний казаков, жителей хуторов и станиц Верхнего Дона открывается трагическая картина: «Каждую ночь отряд большевиков, расположенный в станицы Казанской, арестовывал новых казаков и сажал в комендантское управление. Оттуда уже никто не возвращался, всех расстреливали. Расстрелы проводились в поле за станицей, обыкновенно ночью. Арестованные сами себе рыли ямы. Ямы были не очень глубокими, и станичные собаки грызли трупы расстрелянных. Я, помню, нашёл в саду чью-то обглоданную руку».

Казнили офицеров-героев Первой мировой войны, атаманов, духовенство, представителей интеллигенции, имущих и работающих казаков. В «расход» шли даже старики, старухи, дети... Известен факт, как казачёнка мальчишку-«нахалёнка» посадили на кол за то, что он назвал солдат «краснопузыми». Расстреливали на глазах у всей станицы сразу по 30-40 человек, с издевательствами, раздевали догола. Над женщинами, прикрывавшими руками свою наготу, издевались и запрещали это делать. В одном из хуторов Вёшенской старому казаку за то только, что он в глаза обозвал коммунистов мародёрами, вырезав язык, прибили его гвоздями к подбородку и так водили по хутору, пока старик не умер. В станице Каргинской забрали 1000 девушек для рытья окопов. Все девушки были изнасилованы и, когда восставшие казаки подходили к станице, выгнаны вперёд окопов и расстреляны... С одного из хуторов прибежала дочь священника со «свадьбы» своего отца, которого в церкви «венчали» с кобылой. После «венчания» была устроена попойка, на которой попа с попадёй заставили плясать. В конце концов батюшка был зверски замучен... Важно вспомнить бессудную казнь в станице Мигулинской, когда 62 казака-старика были изрублены и исколоты штыками и сброшены с обрыва в Дон. Покраснела донская водица от алой крови безвинно убиенных, а стремнина его не могла уместить в своих берегах десятки трупов. ..В нашем Сетраковском юрту, по воспоминаниям атамана Титова А. и дяди Саши Белого, творилось то же самое. Тираспольский полк Красной Армии, в котором собрались в основном выпущенные из тюрем заключённые, высадился на станции Шептуховка, пешим ходом проследовал через Колодези, Ольховчик прямо на Сетраки. Это был первый казачий хутор на границе с «хохлами». И вот тут уже разыгрывается такая трагедия, какую казаки не видели со времён восстания Кондратия Булавина. Население Сетраков уничтожалось под корень. Убивали ради развлечения тех, кто хоть чем-то обратил на себя внимание. Женщин насиловали и затем убивали. Даже грудных детей в «зыбках» кололи штыками. Запрещено

было даже само слово «казак» и тем более ношение формы и лампасов. Приказали сдать оружие, в том числе и дедовские шашки и кинжалы. Кто не сдал - мгновенный расстрел. Чудом, в последнюю минуту, ушли намётом в сторону Казанки и Вёшек гонцы к восставшим с просьбой о помощи. Дорого, очень дорого обошлись «Тираспольцам» их изуверства в Сетраках. Лавой, вооружённые практически только пиками и шашками повстанцы напрочь разбили карательный отряд. Ну, а с тех пор сетраковцы не очень-то дружат с ольховчанами. Считают, что это они тогда привели карателей в хутор.

«Да, мы и сами это заметили на последнем кругу, когда мы решали вопрос о реставрации поклонного креста в память казаков, безвинно павших в Сетраках», - отозвались с задних сидений микроавтобуса - Тогда Серёжку Дегтярёва из Павловки и Женю Бондарева из Ольховчика сетраковский старейшина дядя Саша Белый отказался зарегистрировать в своём обществе. Да, сто лет прошло, а обиды ещё не забылись, настолько раны памяти ещё кровоточат, хотя и сменилось столько поколений!».

Да, с точки зрения обычной логики, кампания геноцида казачьего народа не укладывается в рамках рационального понимания. Расправа большевиков обрушилась на казаков, которые в принципе признали уже Советскую власть. Заключив перемирие и пропустив фронт Красной Армии до границ Северского Донца, верхнедонцы могли бы обеспечивать тыловое снабжение для красных частей, воюющих с Деникиным и Колчаком. А кто-то из казаков готов был и драться на стороне красных. Так за что же и по какой причине было решено на Оргбюро РКП(Б) их истребить?

Конечно, при царизме стихийные мятежи крестьян и голодные бунты рабочих довольно легко подавлялись. Но казаки-то были природными и опытными воинами, привычными к спайке и умеющими быстро организоваться. Но им надоела действительная служба, четыре года Германской войны, Гражданская война. И всё кровь и смерть, смерть и кровь! А жить-то хотелось мирной жизнью, растить детей и внуков... Но их терпения хватило на месяц, пока они не поняли, что их на самом деле намериваются извести под корень. Не было ни одного хутора и станицы, которые бы не считали жертвы красного террора десятками и сотнями. Дон онемел от ужаса!

Первыми начали казаки хутора Шумилина (Казанской станицы). В ночь на 11 марта 1919 года напали на спящий карательный отряд, расположенный в этом же хуторе. Истребив его, с присоединившимися казаками в конном строю помчались на Казанскую, уничтожая по пути красных. Под покровом ночи, окружив станицу, разбили солдат карательного отряда при 10-и штыках о 20-и пулемётах. А в Еланской, когда 20 местных коммунистов поехали арестовывать казаков, поднялся Красноярский хутор. Прорвалось накопившееся. Вначале восстали пять станиц: Казанская, Еланская, Вёшенская, Мигулинская и Шумилинская. Хутора сами формировали сотни, выбирали на сходе командиров из самых боевых казаков. И восстание разливалось всё шире и шире: поднялись Мешковская и Усть-Хопёрская станицы. Начались брожения в соседних Усть-Медведевском и Хопёрском округах. «Столицей» восстания стала окружная станица Вёшенская. Возглавил мятежный Верхний Дон хорунжий Павел Кудинов, Георгиевский кавалер всех четырёх степеней. Уже 20-го марта Вёшенский полк, разбив

посланный на его подавление карательный отряд, взял 7 орудий, 13 пулемётов и занял Каргинскую, а на другой день, изрубив одними шашками ещё один отряд – Боковскую. Область восстания протянулась на 190 километров. Силы повстанцев были разделены Доном на две действующие группы: в первую входили 1-ая конная дивизия хорунжего Евлампия Ермакова (прообраз Григория Мелихова в «Тихом Доне») Михаила Шолохова), 2-я конная дивизия сотника Меркулова и 1-я конная бригада подхорунжего Богатырёва; во вторую, на другом берегу Дона - 3-я конная дивизия есаула Егорова, 4-я конная дивизия подхорунжего Медведева и 5-я конная дивизия хорунжего Ушакова.

И только тогда красные стали снимать с фронта регулярные полки, обкладывая восставших со всех сторон. Сражались повстанцы отчаянно. Не хватало даже винтовок – их добывали в бою. Дрались холодным оружием, дедовскими шашками и пиками. Не было боеприпасов. Картечь для орудий отливали из оловянной посуды. При захвате повстанцами станицы Вёшенской, на складах 15-ой Инзенской дивизии Красной Армии, были найдены 5 миллионов учебных холостых патронов. Их вручную перерабатывали в боевые, переплавляя на пули свинцовые решета веялок. Такие пули без сердечника и оболочки размягчались от выстрела, с сильным жужжанием летели недалеко и неточно, но при попадании наносили страшные рваные раны. Стаканы снарядов для картечи выгачивали из дуба. Даже для имитации пулемётной стрельбы делали специальные трещотки. Конечно, рано или поздно, восстание было обречено на гибель. П.Н.Краснов, в эмиграции, в своей книге «Всеволокое войско Донское» отмечал: «Вся Россия шла на Дон. Вся Россия шла уничтожать казаков и мстить им за 1905 год. И страшно становилось казакам. Как же они будут одни против всей России?»).

И когда пришла пора трезво оценить обстановку, повстанцы обратились к белым. Делегация на лодках пробралась через расположения большевиков в Новочеркасск с мольбой о помощи. Казаки просили прислать оружие, табак, спичек.

Вот теперь-то, братья казаки, и готов ответ на поставленный вопрос в начале нашего пути. Куда же так пристально смотрит казак на коне, отлитый в памятнике на границе Вёшенского и Боковского районов? Конечно, на юг! Туда, где находится столица Донского казачества – Новочеркасск! Смотрит туда, откуда должна прийти к восставшему Верхнему Дону помощь!

Но пока единственно, чем могли помочь Донская и Добровольческая армии, – это мешать красным снимать с фронта войска на подавление восстания, так как самим вооружённым силам Юга России приходилось туго. 1-го июня 1919 года командующему повстанческой армией Кудинову пришло письмо: «На ваш фронт переброшена целиком 9-я Красная Армия. Вы накануне гибели, сдавайтесь пока не поздно...», - командир штаба 9-ой Армии Бухарцев. Хорунжий Кудинов написал в ответ крупными буквами по всему листу: «Казаки не сдаются!»).

И славные верхнедонцы не сдавались. В ряды бойцов становились подростки, женщины и девушки, переодеваясь в форму погибших братьев и мужей. Никто не хотел умирать, но никто не хотел сдаваться большевикам. И эти усилия возымели успех. Для подавления восстания с Южного фронта пришлось снять крупные силы – до двух дивизий пехоты и до дивизии

кавалерии, что сказалось на положении красных. Белогвардейское же командование, наоборот, использовало восстание в тылу южного фронта большевиков для перехода в наступление в мае 1919 года. А белоказачья конница генерала Секретова начала рейд в район восстания. 6-го июня 1919 года повстанцы, уже находившиеся на грани поражения, соединились с белой Донской армией. Белые газеты написали по этому поводу: «Мы читали о громадных крестьянских восстаниях Тамбовской губернии – однако они все задавлены, и только восстание верхне-донцев из всех русских восстаний увенчалось успехом».

Доподлинные размеры Верхне-Донского восстания оценены только сейчас, историками той войны... На самом деле повстанцев было 30000 – 35000, вооружение состояло из 25 орудий и около ста пулемётов и по числу бойцов почти полное количество винтовок. Восстание не было подавлено, как хотели бы считать советские историки, в мае на правом берегу Дона... На самом деле вооружённые повстанческие силы и всё население отступили на левую сторону Дона. Там над Доном на протяжении двухсот вёрст были прорыты траншеи, в которых засели повстанцы, оборонявшиеся в течение двух недель до так называемого Секретовского прорыва и соединения с основными силами Донской Армии.

Так закончилось восстание в Верхне -Донском округе. Потомков казаков-повстанцев не только разметало по свету. Живут они и в наших хуторах и станицах, слободах и посёлках необъятной России, причём среди тех, кто так мало знает о недавнем прошлом своей малой Родины. Слишком страшным по своей кровавости и беспощадности было время первой волны расказачивания. «Царство Небесное павшим соратникам, бодрость и крепость духа живым!», - такими словами оканчивает свои воспоминания о Верхне – Донском восстании его руководитель П.Кудинов.

(Казаки Сетраковского юрта по окончанию молебна по безвинно убиенным казакам в храме Архангела Гавриила с.Алексеево-Позовское)

Ну, что вам тут сказать. «Стыдливо отводят в сторону глаза сейчас те, кто ратовал за коммунизм. Как огня боятся даже упоминания слова «геноцид». А цифры вещь упрямая. Даже сквозь столетие они говорят, что кровопролитной Первой Мировой войнае казаки потеряли 10000 личного состава. К октябрю 1917 года в Области Войска Донского жили 5,3 миллиона человек. Из них 42,3 % казаки, то есть 2,23 миллиона. В Гражданскую же войну потери среди Донских казаков составили 250000 человек мужского, в расцвете сил, населения. А это каждый третий мужчина. Не считая детей и стариков, выбили на Дону практически всех. Вот и порассуждайте, были ли геноцид со стороны Советской власти по отношению к казачеству или

его не было.

В феврале 1919 году Атаман П.Н. Краснов подаёт в отставку, и Дон выбирает нового и последнего Атамана. Им стал Африкан Петрович Богаевский, который был более лоялен к белому движению. При Африкане Богаевском донские казаки в составе белых армий предприняли поход на Москву, который закончился неудачей. Люди продолжали убивать друг друга. Всевеликое Войско Донское прекратило своё существование осенью 1920 года, пережив новороссийскую катастрофу и эмиграцию. Дон осиротел и больше уже не поднялся. Время атаманов на Дону и в других казачьих землях закончилось...». Завершаю свой рассказ и только теперь обращаю внимание на то, как внимательны глаза слушателей, сопереживающих те давние события так, как будто они сами их участники и происходит это не 100 лет назад, а сейчас. Несколько минут в автобусе стоит тишина. Никто не произносит ни слова, «переваривая» услышанное.

А за окнами «Газели» уже просматривается вышка Алексево-Лозовского ретранслятора. Мы не заметили, что давно под Нагибиным выскочили на трассу М4, и вот уже перекрёсток на Чертково. В Алексево-Лозовке нас оставляют Коновалов Владимир, Полтавский Владимир и Абакумов Александр. Казачкам теперь добираться кому до Лозовки, кому до Сетраков. На прощание обнимаемся, желаем Ангела-хранителя в дорогу, а нам теперь дорога прямая – домой! От перекрёстка разговор сначала не вяжется. Но видимо уж очень «больная» была затронута тема. Медленно, начали её продолжать, но в проекции на настоящее время.

Первым повёл разговор подъесаул Кравцов С.Д., коренной казак: «Сейчас практически в каждом хуторе и каждой станции в память о тех кровавых событиях установлены поклонные кресты. Помните, когда едем со стороны Мигулинки на хутор Стоговой, где великолепная песчаная коса на Дону и любимое место для отдыхающих. Так там прямо на крутом изгибе Дона, где отвесный обрыв сдерживает его течение, казаки установили многометровый поклонный крест. Именно с этого обрыва большевики сбрасывали в реку исколотые штыками и изрубленные тела безвинно погибших мигулинцев. Всего, старики говорят, загублено было около четырёх сотен человек».

Да, Сергей Дмитриевич, нам довелось и самим стать участниками установки и освящения поклонных крестов в станции Еланской, где впервые на Дону сошлись в рубке казаки и красноармейцы. И в Советке, когда там собирали казачьи дружины нашего Округа. А в Каргинской в центре станции установили памятник в виде мельничного жернова. Мол, время лучший лекарь, все пройдёт и перемелется, всё забудется и сгладится. Да ведь нет же, не забывается и не сглаживается.

(Памятник в станции Каргинской казакам, которые отстаивали свои убеждения, находясь по разные стороны баррикад .)

Теперь на Украине брат идёт на брата,

отец на сына. Да не нам ли это знать! Живём в Чертково, а там железная дорога - и граница! И полыхает теперь гражданская война в нескольких сотнях метров от нашего посёлка. Ничего в этом мире не меняется, когда же поумнеем? Ведь ангел, с пеной у рта доказывающий свою правоту, – это уже дьявол. А когда дьявол разжигает гражданскую войну, то в ней уже гибнут не люди, а души.

(Станция Чертково. Вид с железнодорожного перехода. Справа от железной дороги Россия, слева Украина.)

Взять опять-таки наших соседей на Украине. Там столько народу, столько кровей перемешалось. А вот «чистых хохлов» там не более четверти от общей массы. Вот эта-то нечисть и мутит воду. Они ещё при Богдане Хмельницком в сторону Запада смотрели. Вспомните Переяславскую Раду, когда благоразумие взяло верх, и решил Украина жить в составе с Россией. Теперь спустя более трёх сотен лет, опять «хохлы» за своё: «Украина – це Европа». Да, братья, казаки, даже сам уважаемый у них Кобзарь Тарас Шевченко в своё время о них же самих такое написал:

« Хохол останется хохлом,
Хоть ты его пусти в Европу.
Где надо действовать умом, -
Он напрягает только ж....
И потому-то на Руси
Завещано аж Мономахом:
«Связаться Боже упаси,
С тремя: жидом, хохлом и ляхом!
Коварен жид, хотя и слеп;
Кичливый лях похуже бл...ди;
Хохол же съест с тобою хлеб
И тут же в суп тебе нагадит...».

(Первое полное издание собраний сочинений Т.Г. Шевченко издательством А.М.Ротемберга г.Катеринослав 1914 гг. стр.701. Автор)

Читая эти строки, не веришь, что они написаны более ста пятидесяти лет назад, а не в настоящее время. Настолько всё актуально к сегодняшним событиям на Украине. Да, нас было три сестры: Россия, Белоруссия и Украина. Одна из них стала, по образному выражению нашего Президента Путина В.В., «девушкой с низкой социальной ответственностью» и продана за доллары. А теперь там творится то, что мы пережили в Гражданскую войну. Вот характерный пример. В Одессе собралась семья

по поводу дня рождения сына. За столом, разгорячённые спиртным, не сошлись во мнениях о политике Порошенко и Путина именинник и его отец. Всё в итоге закончилось дракой с поножовщиной, и отец убил сына. Как тут не вспомнить гоголевского Тараса Бульбу с его бессмертной фразой: «Я тебя породил, я тебя и убью!». Господи, да сколько же можно наступать на одни и те же грабли!?! Хорошо, что у нас в России Владимир Владимирович прекратил вспыхнувшую при Ельцине Гражданскую войну в Чечне. Ведь хватило же благоразумия! А то ведь чем отличаются большевики на Дону, объявившие геноцид казачеству в 1919 году, от тех же нацбатальонов на Украине типа «Айдар», «Азова» или же «Донбаса»? Ничем. Те же казни, пытки, гонение на церковь Московского Патриархата – всё как в зеркале истории повторяется точь в точь.

Возможно, казаки и продолжили бы этот разговор и далее, но микроавтобус, показав поворотником правый поворот, останавливается на «пяточке» у кафе «Магнолия» моего родного села Маньково-Калитвенское. Прощаюсь и покидая автобус, слышу уже вслед тёплые слова прощания моих ставших давно родными братьев-казаков. Ну, что тут скажешь – односумы!

С «пяточка» иду домой знакомой центральной улицей. Купола Свято-Троицкого храма, гордости маньковцев и памятника архитектуры, давно ждущего своей реставрации, трогают лучи уже уходящего за горизонт солнца. В голову приходят мысли: «Какой же сегодня был насыщенный день! В нём как в капле воды отразилась целая эпоха!».

*P.S.
Из Интернета.*

Таким образом, масштабное осуществление террористической политики расказачивания в годы гражданской войны и реализация курса на скрытое расказачивание в последующие периоды советской истории привели к очень большим негативным изменениям во всех областях жизни казачества, серьёзно сказались на трансформации его самосознания, менталитета, основополагающих мировоззренческих принципов, традиционных морально-нравственных представлениях, культурно-бытовых особенностей и хозяйственного уклада. Развитию казачества как субэтнической этносоциальной общности был нанесён страшный, во многом не восполнимый урон. Серьёзнейшие отрицательные последствия самым непосредственным образом сказались на всех без исключения элементах традиционной культуры казачества. А это привело к утрате многих базовых понятий, принципов, структур и явлений, определявших его сущностное содержание. И как следствие всего этого — изменение самой сущности, внутреннего и внешнего облика казачества как уникального явления этнической и социальной российской и мировой истории.

**Виктор
ВОЛОВИК**

Иланский, Красноярский край

Виктор Афанасьевич Воловик - автор шести поэтических сборников. На его стихи написано много песен местными композиторами.

Имя поэта занесено на карту «Литературное Красноярье»

БУРАН

Поезд. Станция. Деревня.
Саный след и снегопад.
Ветер сильный, переменный,
Нет пути уже назад...

Нас буран застал в дороге.
Не видать вокруг ни зги.
Замерзают руки, ноги,
Мы в плену ночной пурги.

Я дыханьем согреваю
Твои губы и глаза...
Доберёмся! Верю, знаю...
Лёд в ресницах и слеза.

Ты поверь, буран не вечен.
Буря стихла, улеглась...
За спасенье ставим свечи!
В небесах звезда зажглась.

ПЕРВЫЙ МОРОЗ

Мороз ударил по калине,
Потом снежком её укрыл,
Прошёлся ночью по малине,
Следы бродячих кошек скрыл.

И первый луч, упавший с неба,
Осыпал иней голубой.
Калины ягоды под снегом
На вкус горьки, а снег хмельной!

ПАХНЕТ СНЕГОМ

Пахнет снегом. Снегом пахнет
Утром, раннею весной,
Когда он за тёплый ватник
С ветки падает лесной.

Когда скрип его не слышен
На заброшенной тропе,
Когда печка еле дышит
Дымом, спрятанным в трубе...

Когда воздух свеж и лёгок
И так хочется дышать!
На заборе кошкин коготь
Что-то пробовал писать...

ОСКОЛОК ВОЙНЫ

Я ранен осколком войны,
Что в детстве моём отгремела...
Остались в живых пацаны –
Нам Родина выжить велела!

Тяжёлое бремя несли
Недетские, хрупкие плечи.
Мы делали всё, что могли,
И Родине было так легче.

Душевные раны живы.
Они до сих пор не зажили...
У многих отцы не пришли-
Их где-то в полях схоронили...

Я ранен осколком войны...
Но вновь где-то рвутся снаряды...
Я верю в надёжность страны,
И лучшей мне доли не надо!

УТРО В ДЕРЕВНЕ

Март с утра стучит в окошко
Веткой старенькой рябины,
На заборе чья-то кошка
Лапкой стряхивает иней.

След синицы у кормушки,
Гвалт ершистых воробьёв,
Ворон каркнул на опушке,
Он на пир лететь готов!

Кое-где дымятся трубы,
Скрип полозьев по снежку...
Повернув коня у сруба,
Возчик держит путь к стожку.
Утра дивная картина!
Слаб морозец. Благодать!
Снега пышная перина...
Счастье тут. Не надо ждать!

ТАЙНЫ ЛЕТА

Июнь тропинкой луговой
Бесшумно к озеру спустился.
Туман над сонною водой
В закате солнечном клубился.

Настой травы слегка пьянил,
И комариное жужжанье,
Как в детстве, добавляло сил,
Когда спешил я на свиданье...

Меня девчонка не ждала.
Другие тайны есть в рассвете...
Со мною удочка была.
Любовь я черпал в чудном лете!
16.04.18.

**Фёдор
ОШЕВНЕВ**

Ростов-на-Дону

Федор Михайлович Ошевнев – майор внутренней службы в отставке, выпускник Литературного института им.А.М.Горького. Четверть века отдал госслужбе: в армии и милиции. Более тридцати лет пишет прозу. В центральной прессе дебютировал повестью «Да минует вас чаша сия» на тему афганской войны – «Литературная учёба», № 4, 1989.

ВПЕРВЫЕ НА ПОСТУ

Густая чернота июньского неба застыла над уснувшим городом, лишь в зените, на тёмном бархате беззвездья, сиял холодный лунный диск. А на городской окраине, в гарнизонном карауле – в воинской части, от которой он наряжался, его шутливо прозвали «отрезанным ломтем», – шла и уже заканчивалась смена часовых.

– Рядовой Макаров, с поста шагом марш, – привычно скомандовал разводящий ефрейтор и покосился на светящийся циферблат наручных часов: 23.15.

Рядовой Макаров устало, но с чувством удовлетворения – своё отстоял честно – пристроился в затылок свободному караульному. Второй, временно наблюдавший за постом караульный, самостоятельно занял место впереди сослуживца. Разводящий возглавил мини-колонну и завершил смену постов командой:

– За мной шагом марш!

Силуэты уходивших солдат ещё с полминуты были видны новоиспечённому часовому, рядовому Панкратову. В слепящем свете предателя-прожектора, на автомате за квадратной спиной рядового Макарова, замыкавшего колонну уходящих солдат, как бы подбадривая на прощанье, ртутно сверкнул кончик полированного штык-ножа. Людские фигуры без остатка проглотила пугающая темнота.

А Панкратов остался на малознакомом посту. Один. Ночью. Впервые. Впрочем – с заряженным автоматом, что немного успокаивало.

Сразу же в мир вокруг часового пугающе ворвалось множество звуков, которых Панкратов до этого просто не замечал. Да, он легко угадал стрекочущее пиликанье кузнечиков. Но кому принадлежит трещанье, вроде пощелкивания крутящегося электросчётчика?

Вот цвиркнула птаха. Вот невдалеке проехал автомобиль. Вот экономно гавкнул мучимый бессонницей бродяга-пёс. Сзади, вблизи поста, тихо журчала обмелевшая речушка.

Однако к понятным звукам добавлялись и непонятные: слабые постукивания в листве деревьев, хрусты и шорохи в кустах за линией внешнего ограждения, оттуда же послышалось было что-то вроде приглушенного стога.

Гнетущее беспокойство навалилось на часового, так пока и топтавшегося на одном месте.

«Может, позвонить начальнику караула? – подумал и взглянул

на телефонную трубку, болтавшуюся на пояском ремне, Панкратов. – И... что? Пожаловаться, мол, страшно? Спокойно-спокойно...».

Солдат, наконец, осторожными шагами пошёл по маршруту: двигаясь меж внешним и внутренним ограждением, мимо ламп и прожекторов, укрепленных на столбиках над наружным рядом «колючки», опоясывающей пост. А за её внутренним рядом находилось с десятков сложенных из жёлтого пилёного камня-ракушечника складов с военным имуществом – суть охраняемые объекты.

Через каждые шесть-восемь шагов Панкратов оглядывался назад, сжимая ладонями автомат – левой за металлический магазин с тридцатью боевыми патронами, правой – за шейку приклада. Почти не ощущая тяжести личного оружия, часовой нёс его с величайшей осторожностью, на чуть вытянутых перед собой руках, словно автомат был сработан из хрупкого хрустала. Порой солдат поглядывал на брезентовый подсумок у пояса, где был спрятан запасной магазин, так же таящий в изогнутом чреве три десятка свинцовых смертей, но в основном, конечно, всматривался в сливающуюся с ночью полосу кустов за внешним рядом колючей проволоки.

Мягко ступая подошвами кирзовых сапог по выщербленной местами кирпичной дорожке, часовой не подозревал, что под верхним слоем кирпичей лежит их почти метровая толща. Круглогодично утаптываемые сапогами солдат кирпичи по сотым долям миллиметра вминались в почву, и через три-четыре года требовалось настилать новый слой уходящей ниже уровня земли дорожки.

«Да, в караулке было куда спокойнее, – сами собой лезли в голову Панкратову боязливые мысли. – В случае чего – толпа народу рядом, начкар... А здесь – здесь, в случае чего, самому обороняться придётся. Пока-то они прибегут... Да и прибегут ли...».

От такого вывода Панкратова передернуло: вновь пытался взять верх над сознанием обычный человеческий страх перед неизвестностью, но часовой, зажмурив на секунду глаза, мотнул головой, как бы изгоняя неположенные на посту панические мысли, и ритмично, в такт шагам поводя дулом автомата влево-вперёд, продолжил путь по мощёной дорожке с блестящими кое-где на ней под прожекторами соломинками сухой травы.

Идти хотелось и быстро, и медленно. Быстро – так как солдат опасался, что пока он будет находиться на одном конце маршрута поста, как бы с другой его стороны в глубь объекта не

проник нарушитель. А медленно – поскольку Панкратов старался досконально изучить охраняемую территорию, сжиться с постом. Ведь до заступления на смену – впервые и сразу в ночь – рядовой лишь поверхностно ознакомился с местом будущего выполнения боевой задачи, когда весь взвод приезжал сюда с неделю назад и солдаты быстренько прошли по всему периметру «колочки».

Бдеть службу, в компании с автоматом, предстояло томительных два часа. Плюс-минус десять минут – допуск зависел от расторопности разводящего, да ещё от того, какой пост он решит сменить первым. И как же до тоски остро чувствовал сейчас часовой томительную бесконечность этих пугающих грядущими опасностями часов!

Меж тем Панкратов уже дошёл до постового грибка, напоминающего грибок песочницы во дворе далёкого родительского дома. Только четырёхскатная крыша постового грибка не была расписана под мухомор, но заботливо обита рубероидом с посыпкой, а на ножке-столбике висело устройство для связи и сигнализации с караулкой – в металлическом ящике с откидной крышкой на роальной петле прятались красная кнопка звонка и гнездо для подключения телефонной трубки.

«Бесплатный телефон-автомат, – мысленно усмехнулся часовой. – Однако и звонит только одному абоненту...».

Но связываться с начальником караула Панкратов не стал. Чувствовал, что получаса от начала патрулирования, когда положено делать первый звонок, ещё не прошло...

«Сколько же сейчас точно времени? – Мучительно прикидывал часовой, минуя постовой грибок. – Вот же сволочь взводный...».

(«Сволочь-взводный», полагаясь на свою практику службы, в приказном порядке заставил всех солдат, имевших наручные часы, сдать их на время боевого дежурства старшине роты. По мнению офицера, с хронометром на руке для любого часового смена на посту как бы растягивается. Не говоря уже о том, что часы – это сильный отвлекающий от службы фактор...).

Крик птицы, похоже, совы – заставил часового приостановиться и вздрогнуть. Погрозив кулаком в высоту, Панкратов пошёл дальше и вскоре дошагал до металлической таблички, приваренной к ножке-арматурине, воткнутой в землю. «Начало маршрута движения» – сообщала табличка. Скользя взглядом по красным, на голубом фоне, буквам, солдат настороженно направил дуло автомата вниз, уткнув его в открытый рядом с табличкой маленький окоп. Панкратов внимательно взгляделся в его метровую глубину – вдруг оттуда

выскочит притаившийся нарушитель.

Окоп оказался пуст. Испытав чувство разочарования-облегчения, часовой зашагал по кирпичной дорожке в обратную сторону.

Неделю назад, при осмотре постов взводом, глазастый Стрельцов из первого отделения именно в этом окопчике углядел предательские следы «отправления естественных надобностей», замаскированные сломанной веткой с уже повядшими листочками. Вот тебе и исполнение на деле статьи устава «что запрещается часовому...»

Неожиданно для себя Панкратов вдруг принялся цитировать в уме упомянутую статью, от неё перешёл к другой, разъясняющей «неприкосновенность часового», на третьем пункте которой обычно при опросах ошибался. На этот раз мысленно добрался до конца благополучно, без запинок, с удивлением обнаружив, что служба на посту обостряет не только внимание, а и память.

А дальше память сделала своего рода пируэт от уставных строк к неуставной присказке, рассказанной сержантом на самоподготовке:

Часовой есть вооруженный труп,
Обернутый в тулуп,
Выставленный на мороз,
Заинструктированный до слёз,
По сторонам следящий,
Не идёт ли разводящий.

Губы у Панкратова сами собой растянулись в улыбке, и тут – что-то чёрное, страшное вылетело перед часовым из листвы. Сверкнув глазами, «что-то» шумно взмыло вверх чуть ли не перед самым носом перетрусившего солдата, судорожно дёргавшего рукоятку затвора, забыв снять автомат с предохранителя. Сердце человеческое забилося чаще и громче, ватные ноги онемели.

На третьей безуспешной попытке взвести затвор Панкратов понял, что его напугала сова, – возможно, та самая, которая раньше ухала с высоты.

«Нет худа без добра, – рассудил часовой, бережно погладив флажок неснятого предохранителя. – А то бы пальнул очередью... Только не в белый свет, а в тёмную ночь, попусту...»

Продолжая идти по кирпичной дорожке, рядовой, едва ли не в первый раз за время пребывания на посту, взглянул на небо и очень удивился: оказывается, оно в беззвёздную ночь может быть не

чёрным, а густо-синим...

Шаги часового стали более спокойными, хотя глаза не менее внимательно обшаривали местность за внешней «колючкой». Панкратов прошёл уже, возвращаясь, место, откуда начинал патрулирование, приближаясь теперь к сварному громоотводу, похожему на Эйфелеву башню в миниатюре.

Во время осмотра постов неделю назад, вместе с комвзвода, офицеру неожиданно задал вопрос рядовой Вьюнов, больше известный в роте, как Конь с биноклем. Этому прозвищу он был обязан очками и вытянутой, сильно напоминающей лошадиную физиономией. Впрочем, в солдатской среде многие имеют прозвища: самому Панкратову ещё во время первой помывки в армейской бане прилепили богатое «погоняло» Метилоранж – из-за рыжего цвета волос. А вопрос был следующим:

– Товарищ капитан, смотрите, на табличке написано, что при грозе к громоотводу ближе пятнадцати метров подходить нельзя, а как же тогда патрулировать, если он сам почти на маршруте? За ограждение вылезать при обходе, что ли?

Самое приятное было, что взводный на коварный вопрос толком и не ответил, только наорал на Коня с биноклем за «нездоровое любопытство».

Миная громоотвод, часовой попытался рассмотреть рисунок, сделанный наверняка по не застывшей ещё бетонной подушке-основанию. К сожалению, при ночном освещении огромной, с голову, дули с подписью: «Твой дембель», толком углядеть не удалось.

«Да-а... Дембель, как говорится, ещё за поворотом и не виден», – думал часовой, сожалея о милой гражданке, потерянной на бесконечные семьсот тридцать дней.

Меж тем Панкратов подшагал уже не к метафорическому, а к настоящему повороту в своей армейской, а конкретно караульной службе. Ведь маршрут движения по посту напоминал равностороннюю букву «Г» с постовыми грибочками по её концам и постовой вышкой на повороте. Приближаясь к ней, солдат уже испытывал навязчивую мысль: вдруг на полу вышки, скрытом от часового еёметровыми боковыми стенками, притаился нарушитель, который вот-вот, звериным прыжком, кинется на спину часовому и вонзит ему под лопатку огромный нож. А второй нарушитель таится в окопчике под вышкой!

Стараясь наблюдать и за тёмными кустами у ограждения, часовой бочком подкрался к окопчику. Пусто... Заставить себя подняться на

вышку оказалось сложно. У Панкратова зубы стучали от волнения, когда он осторожно ступал по металлической лестнице.

Опасения, конечно, оказались напрасными, и часовой, на всякий случай, оборвал вьющуюся на внешнем ограждении повитель – дабы не мешала видимости, – а заодно обнаружил, что порыжевшая от дождей и времени «колючка» кое-где перехвачена латками – кусками алюминиевой проволоки.

Тогда Панкратов исследовал и кусок внутреннего ограждения, почти не обнаружив на нём повреждений. В сравнении с многочисленными латками на внешней «колючке» открытие оказалось весьма и весьма неприятным.

«Не может же быть так, что всякая латка – это нарушитель?», – размышлял Панкратов. И тут застыл на месте, вдруг увидев на одном из бетонных столбиков, прямо под стосвечовой лампой, одетой в колпак отражателя, крупное насекомое, трещавшее, словно электросчётчик. Похожее на огромного кузнечика хризолитовое насекомое с просвечивающимися внутренностями стояло на своём постаменте, будто высеченное из драгоценного камня украшение.

«Кузнечики такие здоровые не бывают, – соображал часовой. – Неужели?.. Ну, конечно! Обжора-саранча».

Довольный разгадкой хотя бы одной из маленьких тайн караула, часовой пошёл дальше, вскоре поравнявшись со вторым постовым грибком с табличкой за ним, также обозначающей конец маршрута движения. В шаге от кирпичной дорожки выросло огромное дерево со множеством бесформенных ран на стволе, в которых виднелась восковая древесина.

На всякий случай Панкратов, конечно, обошёл толстенную кавказскую акацию, убедившись, что и за ней не прячется нарушитель, потом проверил – на этот же счёт – последний окопчик, у таблички, и вновь вернулся к мощному дереву. Дотронувшись рукой до прохладного шершавого ствола, кора у которого как бы сбегала вниз отдельными извилистыми струями, часовой несколько секунд недоумевал, кто же эдак, кусками, обглодал дерево, но затем, повинувшись желанию проверить мысль, приподнял автомат и основательно ткнул в ствол острым кончиком штык-ножа. Кусочек коры отслоился, дерево получило ещё одну ранку.

«Вот что! – понял рядовой. – Эдак, стало быть, некоторые часовые отмечают «конец маршрута движения».

Солдату стало стыдно за свой опыт, он погладил ладонью израненный ствол и потопал назад, в направлении постовой вышки.

На сей раз, пересилив желание, рядовой на вышку не полез, но в окопчик возле неё всё же опять заглянул: пусто...

От переживаемых ли волнений, либо ещё от чего, часовому вдруг нестерпимо захотелось пить, что на посту запрещалось. Панкратов полизал крышку ствольной коробки автомата, пытаясь унять жажду. Металлический привкус немного перебил её. Без дальнейших приключений рядовой добрался до того места, откуда после смены часовых и начал патрулирование.

«Первый блин не комом, – с радостью подумал Панкратов, открывая новый круг маршрута. – Не так страшен чёрт, как его малюют. Да и вообще в этом карауле нападений не было, а если и были когда, так уж никто и не помнит...».

Всё больше успокаиваясь, часовой уже подходил к первому постовому грибку, как тут в темноте кустов за ограждением послышался шорох – вроде бы кто-то завозился в траве, устраиваясь поудобнее. Часовой возбужденно задрожал, его правая рука сама потянулась к затворной раме. С трудом подавив желание выпустить на шорох автоматную очередь, памятуя слова командира роты, сказанные на инструктаже перед заступлением на боевое дежурство, – о недопустимости применения оружия в спешке, коль нет явного нападения, – часовой присел перед ограждением. Шорох в кустах то смолкал, то слышался опять. Панкратову уже казалось, что он различает за «колючкой» очертания тела притаившегося человека. По-рачьи пятясь, часовой добрался до окопчика, с облегчением ввалился туда и стал думать, насколько рискованно сейчас связываться с караулкой, мишенью выходя под грибок.

Решив, что риск чересчур велик, солдат, не снимая автомата с предохранителя, дёрнул затвором для устрашения неизвестного, копошащегося в кустах, – и с паузой в секунду подал сразу две команды: «Стой!» – и: «Стой, стрелять буду!».

От волнения голос прозвучал сипло и не так громко, как бы этого хотелось Панкратову. А шорох предполагаемого нарушителя сразу стих.

«Что теперь делать? – Мучительно решал часовой. – Он же за ограждением: попробуй-ка удержи... А вдруг у него тоже оружие?».

Раздираемый страхами и подспудным сомнением: есть ли в кустах нарушитель, или?.. – часовой, на всякий случай, снял автомат с предохранителя: так, мол, будет вернее, задержав указательный палец на рукоятке затвора, готовый взвести его и...

В кустах зашелестело опять. Панкратов буравил взглядом

темноту за внешним ограждением. А из неё на кирпичную дорожку выступило что-то округлое, тёмное. Вот уже оно попало в освещаемую лампой зону и... Ба! Да это же всего-навсего ёж! И довольно крупный... И так забавно семенит... Ух!

Панкратов злобно выругался. Столько натерпеться из-за колючего клубка!

Вымахнув из окопчика, часовой подбежал к спешащему животному, собираясь наподдать его сапогом, отомстить за пережитый страх. Услышав шум шагов, ёж разом свернулся, оцетинился иглами. А солдат моментально, так же, как раньше разозлился, успокоился.

«За что его бить? – Рассудил он. – Животина безобидная, полезная. Разве понимает, куда можно, а куда нельзя заползать? Живи, животное!» – И Панкратов только слегка потрогал неподвижного ежа кончиком штык-ножа. Зверёк недовольно хрюкнул...

Минуя постовой грибок, рядовой вновь поймал себя на мысли, что неплохо было бы позвонить начальнику караула, ведь кажется, что с момента заступления на смену уже прошло не менее часа. Но – мы ранее упоминали, что время на посту тянется гораздо дольше, чем обычно. Посему решение часовой принял компромиссное: позвонить, однако с другого постового грибка, а до него ещё нужно допатрулировать.

Шесть-семь шагов... Остановка, обернуться назад... Ещё пять-шесть шагов... Остановка... Ещё отшагать... Ещё... Место начала движения... Громоотвод... Вышка... Поворот дорожки и ограждения. Подумаешь, велика важность, два часа протопать...

Сам того не замечая, часовой теперь шёл быстрее, нежели в начале смены. С каждым шагом он накапливал уверенность в себе, в своих силах, появилось даже слабенькое желание задержать нарушителя, крепнущее и крепнущее. В мыслях Панкратов теперь перешёл от неоправданного страха к неоправданной смелости, воображая, как из густых кустов выползает здоровенный бородатый мужик, с ножом в одной руке и с дубинкой во второй, но, вовремя заметив опасность, он, часовой, умело задерживает нарушителя, и вот уже едет в краткосрочный отпуск, домой, с какой-нибудь медалью на парадном кителе, а там все удивляются: как это – отслужил всего месяц и уже на Родину героем заявился...

От сих сладких мечтаний Панкратов заулыбался и, выпятив грудь, небрежно сплюнул сквозь зубы, а хватку автомата ослабил...

Утробный кошачий вопль ворвался по барабанным перепонкам в сознание, мгновенно вытеснив из него все грезы. Рядовой вновь

судорожно вцепился в оружие, а ловить нарушителя и ехать на Родину героем в момент расхотелось.

– А ну его к лешему, этот отпуск, – вслух для себя решил солдат. – Тут лишь бы смену до конца нормально «оттащить».

У постового грибка, за израненным штык-ножами деревом, часовой остановился и осмотрелся с особой внимательностью: как же – сейчас он будет представлять отличную мишень!

Не обнаружив ничего подозрительного (к непонятым лёгким шумам, столь смущавшим рядового в самом начале смены, он уже притерпелся), Панкратов переложил автомат в левую руку, ухватив его за цевье, а правой снял с ремешка ножен телефонную трубку, из кармана брюк вытянул соединённый с ней шнур, со штепселем на конце, воткнув его в розетку системы связи. Четырежды надавив на красную кнопку сигнализации, часовой услышал в трубке щелчок и голос:

– Слушаю, начальник караула.

– Докладывает часовой второго поста, третьей смены, – зачастил Панкратов. – На посту всё нормально, без происшествий.

И с чувством вины в голосе поинтересовался временем: оказалось, что с начала смены прошло сорок минут...

Несмотря на ободряющий голос начкара, Панкратов остро ощущал свою беззащитность, неподвижно стоя у телефона, и трубку, после команды «отбой», повесил с облегчением.

Вдруг дала о себе знать свалывшаяся портянка, которую солдат не решался перемотать: не положено...

Завершая второй круг маршрута, рядовой неожиданно задумался над тем, что за трава растёт с обеих сторон кирпичной дорожки – низкая, сплошным ковром тянущаяся почти до ограждений. Таковую травку, с узенькими продолговатыми листочками, тянущимися прямо от низа вертикального стебелька, как теперь вспомнил Панкратов, любили склёвывать гуси у бабушки в деревне.

Недалеко от поворота, ближе к речушке, травка с продолговатыми листочками стала перемежаться с высокой и остролистой, колосющейся и похожей на пшеницу. Начав приглядываться и к другим кустам и травам, в изобилии произрастающим на посту, часовой сразу распознал некоторые из них: лебеду, осот, репей-дурнишник, кусты лопуха и хрена, крапиву, одуванчик, подорожник, скрывающие тело речушки камыши... Но сколько вокруг оказалось незнакомых растений!

Высокое зонтичное, доходящее до груди и напоминающее укроп, но с иным, резко-неприятным запахом.

Приземистая, мощными кустами гнездящаяся трава, мелкие листочки которой были похожи на ёлочные иголки.

Остролистое небольшое растение, которое Панкратов из неосознанного любопытства даже попробовал на вкус и сразу сплюнул, почувствовав во рту горечь перца.

Какие-то корзиночки, напоминающие подсолнух, но доходящие лишь до пояса, вьющееся растение с голубыми цветамикоколольчиками, своим стеблем оплетающее чужие; несколько видов кустарников: один с белыми, как у сирени, гроздьями цветов, другие с зубчатыми, но разной формы листьями...

Панкратов вырос в райцентре; в деревне, у бабушки, бывал летом, наездами, и, разумеется, никогда особенно ботаникой не интересовался. Так что откуда солдату было знать, что травка, столь любимая гусями, в просторечии так и называется «птичьей гречишкой», а научное её название – спорыш, высокая же и похожая на пшеницу трава – пырей. Что зонтичное с резким запахом – пастернак, трава с листочками, напоминающими ёлочные иголки, – пресловутая амброзия, а горькое на вкус остролистое растение – водный перец, или горец. Что корзинчатая трава – череда, кустарник с мелкими гроздьями белых цветов – ядовитая бирючина, мелкие и чёрные ягоды которой в народе называют волчьим лыком, вьющееся растение с голубыми цветками есть полевой вьюнок и, наконец, кусты с перообразными зубчатыми листьями, соответственно, молодая поросль вяза и ясеня, размножающиеся спорами.

Впрочем, что теперь было часовому до всех этих трав и прочих растений, если теперь, на третьем круге патрулирования, свалившаяся портянка в левом сапоге беспокоила всё сильнее и сильнее.

Панкратов замедлил скорость обхода, раздумывая, как бы эдак перемотать её, ни в чём не нарушая устав, и с неудовольствием вспомнив пункт «не выпускать из рук оружия» из своих общих обязанностей. Да-а, стоя на одной ноге, пожалуй, можно одной рукой стянуть сапог и обёрнутую вокруг ступни и голени фланелевую ткань.

«Но только не намотать, – с сожалением сам себе сказал часовой. – А может, портянку в карман, пока не придёт проверка? Не-е, прибодаются... Терпеть надо...».

Пытаясь хоть как-то отвлечься от ненавистой портянки, рядовой взялся считать шаги от начала до конца своего маршрута. Пройдя туда-обратно в четвёртый раз, подытожил: туда – 254 шага, оттуда – 262.

Решив для точности сосчитать шаги ещё раз, часовой открыл пятый круг маршрута, но не успев дойти и до громоотвода, забыл и думать о проклятой портянке: чья-то тень метнулась за угол хранилища...

До сих пор Панкратов больше смотрел за внешнее ограждение, рассуждая, что из-за внутреннего мало вероятности для нападения. Туда ж ещё через два ряда «колючки» проникнуть надо. И вдруг...

Часовой замер – неужели он просмотрел где-то двойной порыв и преступник уже в глубине охраняемой территории?

Пожалуй, впервые солдат заметил, что хранилища за внутренней линией колючей проволоки освещены весьма скудно: по единственной лампе над дверями. Вон, ремонтирующийся бокс вообще еле виден в темноте, разве что склад с оружием и боеприпасами, огороженный дополнительной «колючкой» со всех сторон, хорошо просматривается под прожекторами.

Тень неизвестного вновь вынырнула из-за угла хранилища и тут же спряталась. Похоже было, что человек осматривается на незнакомом месте.

Панкратов засуетился, желая бегом вернуться назад, к постовому грибку, чтобы отсигналить в караулку, и одновременно боясь, сдвинувшись с места, потерять нарушителя.

Тень вынырнула в третий раз, задержалась немного, странно задёргалась и вновь убралась за угол. Спеша проверить догадку, часовой взглянул вверх и вперёд: перед прожектором металась ветвь крупного тополя-осокоря с белым, мертвенным в электрическом свете стволом. Тень ветви и падала временами на угол хранилища.

«Опять чуть не угодил как кур во щи, – с презрением к себе резюмировал часовой. – Сейчас бы поднял панику...».

Не успел рядовой расслабиться и сделать десяток шагов по кирпичам, как по нервам его стегануло звонками из караульного помещения – связь и сигнализацию, в свою очередь, проверял начальник караула, – и Панкратов помчался к постовому грибку, на ходу выдергивая из кармана телефонный шнур...

Следующий круг патрулирования прошёл на редкость бесцветно: разве что вдалеке возник и вновь растворился в ночи звук проезжавшего где-то мотоцикла, какой-то припозднившийся рокер гонял, похоже, на «Яве». А мысли часового обратились к мрачному кусочку гражданских воспоминаний – ранней, нелепой смерти одноклассника, разбившегося на скоростном «Иже».

...Возвращаясь от постовой вышки, солдат скорее угадал, а уж позднее услышал шаги группы людей вдалеке. По всему судя,

это должна была быть проверка несения службы. Однако это ещё бабушка надвое сказала, кто именно мог двигаться на сближение с часовым, а посему он затаился за бетонной подушкой громоотвода и, увидев через полминуты тёмные фигуры людей в полосе света на кирпичной дорожке, подал громкую команду:

– Стой, кто идёт?

– Разводящий! – Услышал Панкратов в ответ.

– Разводящий, ко мне, остальные на месте! – В свою очередь ответил солдат, дождался, пока отделившийся от остальных теней силуэт приблизился на расстояние двадцати-двадцати пяти метров, и прокричал ему: «Осветить лицо!».

В правой руке человека на ходу зажёгся фонарь.

Сразу же Панкратовым овладел безотчётный страх. Кто это? Только не разводящий!

Лицо идущего, несмотря на прерывистую линию горящих ламп над «колючкой», было невозможно угадать: фонарь выхватывал только выпуклости, в первую очередь, нос. На месте глаз зияли тёмные провалы, над головой красовалось что-то бесформенное, с расплывчато-круглым блестящим пятном в центре. В целом лицо походило на ужасную маску, и от окрика: «Стой, стрелять буду!» – часового удержала характерная походка ефрейтора да его знакомый голос.

Ещё шагов пять подходившего – и маска превратилась в привычное лицо «разводного», а блестящее пятно на «чём-то бесформенном» – в звёздочку на пилотке.

– Ты чего молчишь? – Подбодрил часового ефрейтор.

– Остальным продолжать движение! – Прокричал Панкратов, взяв автомат в положение «на ремень».

С проверкой приехал ротный. Спросил о настрое, не случилось ли чего на посту за час. Панкратов рассказал о сове, про ежа из стыда промолчал, зато о своих сомнениях после команды «Осветить лицо!» – постарался распространиться подробнее.

Неожиданно ротный подал вводную: «Нападение на пост справа!».

Оставшись довольным, как бодро часовой шлёпнулся всё за тот же громоотвод, капитан разрешил рядовому перемотать портянку, и на том проверка закончилась.

Когда колонна из трёх человек скрылась из вида часового, ему вдруг до смерти захотелось курить, а сигареты со спичками у приверженцев к табачным изделиям, увы, отбирались ещё перед выходом из караульного помещения – дымить на посту строжайше

воспрещалось всё тем же уставом...

Весь восьмой круг Панкратов боролся с неутолимим желанием хотя бы одной затяжки, «распечатав» же девятый, чётко осознал, понял, что смертельно хочет спать. Убаюкивало всё: стрекотанье цикад, шум листвы, размеренный ритм патрулирования, даже чередующиеся тёмные и светлые участки кирпичной дорожки, неравномерно освещаемые электролампами.

С усилием размыкая отяжелевшие веки, Панкратов едва удерживал в руках оттягивающий их автомат. Однако накинуть брезентовый его ремень на плечо так и не решился, понимая, что в случае борьбы с нарушителем врукопашную окажется стеснённым в движениях. Зато догадался засунуть рукоятку автомата за поясной ремень и теперь мог время от времени сменять последовательно поддерживающие оружие за цевье затекшие усталые руки.

Так, борясь со сном, часовой вновь доложил в караулку, что у него всё в порядке, а отойдя от постового грибка шагов на пять, запнулся за край выступающего из дорожки кирпичика, чуть было не пропав по его соседям носом.

«Может, постоять, отдохнуть немножко? – боролся солдат с искушением. – Не-е, начкар как говорил: если задремлешь и встанешь – потом сядешь, ну, а сядешь – так заснешь. А сон на посту – преступление... Почти...».

Плетясь мимо постовой вышки, Панкратов сумел выделить в вязких мыслях главную: сон проглотит его и очень скоро.

Мысль испугала, как ожгла. Часовой остановился и с маху, до боли, дважды хлопнул себя ладонью по щеке. Потом подпрыгнул – повыше. Резко помотал головой. Но сон лишь чуточку отступил, готовый навалиться на человека с новыми силами. И тогда солдат сильно куснул правую руку повыше запястья, у манжета «хебе». На коже тёмным эллипсом остался след передних зубов...

«Жалко, что говорить и петь нельзя, – сожалел часовой, минуя израненное дерево. – А как насчет свистеть?».

На середине пути от грибка к вышке Панкратова настиг истерический крик, рвущийся из ближнего хранилища. Сон моментально сгинул. Часовой отпрыгнул со света, присел, направил вперёд дуло автомата. Крик не повторялся, но в хранилище что-то с шумом упало, а затем послышался характерный звук, напоминающий куриное хлопанье крыльями. Часовой со страхом выжидал...

Ещё минута – и из-под дверей хранилища вылез огромный кот, который что-то тащил в зубах. «Голубь!» – Понял Панкратов, и тут на него напал неуправляемый приступ гомерического хохота,

который солдату с трудом удалось подавить, но ещё целый круг патрулирования с лица рядового не сходила, не соответствующая важности боевой задачи улыбка.

Одиннадцатый круг часовой ознаменовал открытием, что замёрз. От земли, особенно в той части дорожки, которая шла параллельно реке, веяло промозглой сыростью. Панкратов теперь жалел, что не надел шинель, выходя на смену, но, с другой стороны, осознавал и то, что как раз в верхней одежде его бы быстрее мог сморить сон.

«Нет худа без добра, – рассуждал, ежась, часовой. – Сон-то холодом повыбился, а вот закурить бы сейчас – хотя бы изнутри согрелся...».

Рядовой пританцовывал и подпрыгивал, размахивал руками и постукивал подъёмом одной ноги по икрам другой. А немного согревшись, в мыслях вернулся всё к тому же не пойманному нарушителю.

«Конец смены, похоже, недалеко, – соображал солдат. – Сколько страхов пережил – и всё попусту: никого и ничего. Даже и обидно!».

Совсем близко от внешнего ограждения кто-то громко и простуженно заперхал. Скользя внимательнейшим взглядом по кустам за внешним ограждением, силясь раздвинуть темноту взглядом, Панкратов так и пристыл к дорожке, не в состоянии двинуться никуда от страха.

На границе освещённой полосы и тьмы, под кустом сирени, затаился человек со страшным, бледным, уродливым лицом и в светлой одежде.

– Кхе, кхе, – снова заперхал человек, – наверное, долго уже так лежал на сырой земле, присматриваясь к часовому и соображая, как полочнее его снять, ну, и простыл немного.

Еле придя в себя, Панкратов отпрыгнул со света – в который раз за смену.

– Стой, кто идёт? – Скомандовал часовой, хотя неизвестный не шёл, а лежал. Страшная личность продолжала перхать.

– Стой, стрелять буду! – Произнес часовой, удивлённый эдакой странной реакцией нарушителя. А уродливый бледнолицый странно покрутил головой, не трогаясь с места. Немигающими глазами разглядывая белеющее лицо, Панкратов судорожно отщёлкнул предохранитель, приготовившись вогнать патрон в патронник, однако шестым чувством угадал очередной подвох караула: перед часовым не человек! – Собака! Собака со светлой шерстью! Да никак это Буржуй!? А кашляет-то...

Швырнув кусочком кирпича в простуженного «нарушителя», часовой с радостью убедился, что из-под сирени, отряхиваясь, выскочил давно прижившийся возле караульного помещения старый пёс.

Щенком забежал он в поисках пропитания в воинскую часть, а обласканный солдатскими руками, посчитал, что сумел ухватить за хвост изменчивое собачье счастье. Пса в самом начале его «действительной» службы называли Дембелем, но, когда ставший на солдатское котловое довольствие и при случае приворовывающий на стороне бывший бродяга наел полукруглые бока, перекрестили в Буржуя.

Было это по меркам собачьей жизни очень и очень давно – одиннадцать лет назад. Освоившийся в части Буржуй быстро избаловался, стал весьма разборчив в еде, особенно полюбив сахар, за кусок которого готов был продать весь караул.

Днями обленившийся пёс обычно дремал где-нибудь в тени, а по ночам, из вредности характера, обожал лазить по постам, пугая часовых, а то и – в зависимости от настроения – наоборот, выбегал впереди проверяющих смену и громким лаем предупреждал бдящего службу.

При первых же признаках дождя Буржуй моментально вбегал на ступеньку перед дверью в караулку, усаживался под бетонным навесом-козырьком и терпеливо ждал. А стоило двери открыться – юркал в помещение для бодрствующей смены и как воспитанный пёс не пятнал лапами все комнаты караулки, а сразу укладывался в ближнем углу, под углекислотным огнетушителем. То было его законное, годами упроченное место...

Затрещав кустами, Буржуй потрусил на другой пост – и там проверить службу. А Панкратов, завершая очередной круг патрулирования, внутренне почувствовал: скоро конец смены.

Казалось бы, никто и ничто не сможет уже удивить часового: ну, разве что настоящий нарушитель... И рядовой понял, что злоумышленник так-таки пролез на пост, когда, проходя мимо ремонтирующегося и неосвещённого хранилища, почти вплотную подступавшего к внутреннему ограждению, услышал громкий шорох на крыше склада. Солдат даже не успел взглянуть вверх, над собой, как уже второй, сумевший зайти в тыл часовому преступник движением руки сбил с него пилотку, – по-видимому, промахнувшись, когда пытался ухватить Панкратова за ворот.

Часовой дал стрекача: не оглядываясь, покрывшись холодной

испаринной и в ужасе ожидая выстрела в спину из какой-нибудь допотопной берданки. На ходу сдернул предохранитель, а упав в готовности к обороне близ постового грибка, уже готов был взвести затвор, но делать этого опять-таки не пришлось.

Вместо группы нарушителей на кирпичной дорожке валялся один-единственный, сдутый сильным порывом ветра с крыши хранилища мешок с остатками цемента...

Завершающий круг маршрута часовой прошёл устало и с чувством исполненного долга. Караул многократно испытывал молодого солдата, доставив ему множество мнимых страхов. Кто знает, кому и когда, в какую смену, через год, два или десять лет выпадет настоящее и серьёзное испытание – борьба с нарушителем или их группой, скорее всего вооруженной и намеревающейся завладеть то ли оружием часового, то ли содержимым одного из воинских складов. Обычному человеку знать будущее не дано... Но быть готовым к любому повороту событий обязывает солдатский долг. А пока...

– Стой, кто идёт? – Подал команду Панкратов, увидев смутные очертания фигур на кирпичной дорожке.

– Разводящий со сменой, – услышал часовой в ответ.

– Разводящий, ко мне, остальные на месте! – В свою очередь ответил волнительно отстоявший смену воин...

Проза

Елена
КИРИЛЛОВА
Санкт-Петербург

Кириллова Елена Анатольевна. Родилась в Ленинграде. Окончила Российский государственный педагогический университет им. Герцена, кандидат исторических наук. Пишет в жанре реалистической и иронической прозы. Рассказы печатались в альманахе «Зелёная среда», журналах «Кольцо А», «Изысканная словесность», «Бийский вестник», «Дон». Живёт в Санкт-Петербурге.

Берёзы, дубы, пальмы

Во дворе растут две берёзы и три дуба. Одну берёзу спилили. Сколько всего деревьев теперь растёт во дворе?

Волька медленно прочитал по слогам, продираясь сквозь ери и яти старого учебника, почесал затылок и подумал: а леший их знает. Растут себе и пушай растут. Подумал ещё немного. Зачем их считать-то? Как можно считать берёзы с дубами вместе? Берёзы сами по себе, а дубы – сами по себе.

Посмотрел с тоской в окно, зашёлся от кашля. Во дворе была темень, всё завалено снегом. И зачем вообще во дворе деревья? От них только тень и листья по осени опадают, всюду летят. Мамка ни за что не позволила бы деревьям во дворе расти. Она бы их все спилила. И правильно бы сделала. Дрова бы были. А так – одно баловство. Мальчишки будут на дубы лазать, упадёт ещё какой по глупости, бошку разшибёт. Что ему потом мамка скажет?! Может ведь дурачком на всю жизнь остаться, или горб вырастет. В соседнем дворе жил один горбатый дядька, Волька всегда смотрел на него со страхом, а один раз спросил:

– Мам, а чево он такой?

– В детстве упал, наверное, стукнулся, вот горб и вырос, – ответила мама.

В Красную армию такого не возьмут. Из пулемёта не постреляет. Волька мечтал стрелять из пулемёта и на тачанке мчаться.

Волька стал ещё раз читать задачу. И не знал, как её решать.

Покрутил фитиль керосиновой лампы на столе, снова покашлял. Надо будет у папки спросить, когда он придёт с работы, решил. Папка работает на заводе, он всё знает. Волька захлопнул учебник. Только надо бы спросить, чтобы мамка не слышала, а то она рассердится, станет на него кричать: «Какой же ты непонемотный! Простую задачу не можешь решить!». Она всегда называет его непонемотным, если он делает что-то не так или не слушается.

Передёрнул плечами от холода, натянул повыше на плечи мамкину старую кофту. Угли в печке догорали, но следующее полено будет положено в печь, когда придёт папка. Волька знал, что дрова надо беречь. Подошёл к печке, сел на корточки, стал кочергой разгребать угли, может, разгорятся немного. Он разбивал угли, они вспыхивали красными огоньками. Это было любимое занятие Вольки.

Тут вспомнил, что учительница их, Марья Игнатьевна, советовала ему рисовать, если не понимает, как решать задачу. Нарисуешь – и сразу увидишь, – говорила ласково Марья Игнатьевна. Нарисовать, что ли, берёзы и дубы? – В сомнении раздумывал Волька. Уж больно глупое это занятие – рисовать берёзы.

Волька стал искать, где бы можно было нарисовать свою задачу: лишней бумаги в доме не было, рисовать в своей тетради он не хотел – зачем ещё тетрадь портить. Если только где лежит бумага, куда мамка что-нибудь заворачивала. Волька оглянулся вокруг, но ничего не обнаружил. Поэтому он открыл учебник с конца, нашёл чистое место и решил здесь изобразить свои берёзы. Ткнул перо в чернильницу и, поставив кляксу, начал выводить на листе дерево, размышляя, как изобразить берёзу, а как – дуб, чтоб понятно было.

В коридоре послышались голоса – папка пришёл. Мама шла с ним, несла ему в ковшике тёплой воды – умыться.

– Ну, Волька, как дела? – Спросил папка.

– Хорошо, – бодро ответил Волька.

– У вас тут холодно, – сказал отец, присел у печки, стал подбрасывать поленья.

– Ничего, не холодно, – ответила мама.

Конечно, она на кухне с соседками сидит, они там плитку топят, им тепло.

– У тебя ребёнок замёрз совсем, смотри вон, из носа сосульки уже висают, – говорил отец, повернулся, подмигнул Вольке.

Сейчас папка сядет кушать, лучше его пока не спрашивать, – решил Волька. – А вот как покушает, за газету возьмётся, так я и

спрошу. Подожду малость.

Мама достала завёрнутую в её тёплый платок кашу, поставила на стол, принесла молоко в большой железной кружке.

– Волька, кашу есть будешь? – Спросила мама.

– Не-е, не буду, наелся уже, – отмахнулся Волька, наморщив нос, посмотрел на кастрюлю с кашей на другом конце стола.

Ещё молоко это противное пришлось пить. Мамка покупала молоко раз в неделю у знакомой коровницы и заставляла их всё выпивать до капельки – оно было дорогое.

– Ездили сегодня с комиссией по поводу Таврических оранжерей, где тропические растения замерзают от холода, – сообщил папка, сев за стол.

– Ты всё со своей комиссией, – проворчала мамка, накладывая отцу кашу в тарелку. – Они тебе дали освобождение от работы?

– Это вопрос ещё не ясный, – ответил отец.

– А когда он будет ясный? Ты должен им задаром в этой комиссии участвовать? – Ответила мамка, отошла к шкафу, доставала своё шитьё.

– А в этих оранжереях пальмы растут? – Спросил Волька.

– Да, там пальмы растут. Их ещё при царях посадили, они теперь в народное достояние достались, – объяснил ему папка. – Должен же кто-то этим заниматься, – говорил уже матери.

Волька удовлетворенно кивнул, покашлял в кулак и представил себе пальмы в стеклянной оранжерее, – он видел в старом журнале такую картинку, – а на пальмах живут обезьяны, они прыгают с пальмы на пальму. Обезьян Волька видел в зоосаде, они ходили туда с папкой.

– Конечно, ты должен этим заниматься... – сказала мамка, вернулась к столу, села штопать носок Вольки.

– Ведь разорят же всё окончательно, – проговорил папка.

– Они, поди, и так уже всё разорили, – махнула рукой мама.

– Сама ж за них на демонстрации ходила... – усмехнулся отец.

– Я и не за них вовсе ходила. Сдались они мне! Я против войны ходила и против карточек. Откуда ж я знала, что ещё хуже будет.

Мамка отложила шитьё, положила отцу ещё каши в тарелку.

– Приезжаем мы в топливное отделение Центроснаба для инспекции, они должны оранжереи обеспечивать топливом, – рассказывал дальше отец. – И выяснили мы там немало всего интересного. Сидит там заведующий – демобилизованный недавно

из Красной армии, назначенный на хозяйственный фронт, в кожанке и галифе. И сидит он там с важным видом, а сам ни черта дел не ведаёт, что у него творятся. Этот, так сказать, заведующий, а в подчинении его находятся 14 человек, и он очень слабо осведомлён о топливных ресурсах, что у него есть в распоряжении. При этом он отказывается поставлять дрова оранжереям до прояснения денежного вопроса, то есть требует сначала оплаты дров от оранжерей. «У нас, – говорит, – теперь новая экономическая политика, мы без денег никому ничего не даём». А откуда они ему деньги возьмут? Они – государственная собственность, их должны дровами обеспечивать! – Отец от злости стукнул кулаком по столу. – Их в войну сохранили, а теперь они погибнут!

Волька слушал разозлившегося отца и приходил к мысли, что лучше его сегодня не спрашивать, как решать задачу. Там вон пальмы от холода гибнут, а он дубы сосчитать не может.

– А если пальмы замёрзнут, – спросил немного погодя Волька со своего места, – то их можно на дрова пустить?

– Нельзя пальмы на дрова пускать, они тощие очень, от них тепла не будет, – ответила мамка. – А ты уроки свои лучше делай, а не встревай, двоечник.

– Я не двоечник! Нам оценки не ставят.

– А зря. Я бы вам ставила двойки, ничего учить не хотите, двоечники. И порола бы вас хорошенько.

– В трудовой школе нельзя детей пороть! – Возмутился Волька.

– Не в трудовой, а в тунейдской вашей! Тунейдцев растят только. Вон Панькин сын на учёбу не ходит, а всё на улице слоняется, со шпаной всякой и гопниками.

– Панькин сын уже большой, я в его годы уже работал, – заметил отец.

– Так он и работать не хочет, он у неё на шее сидит, дармоед несчастный.

– Ей надо было его раньше пороть, – сказал отец, – теперь уже поздно. А то она его баловала всю жизнь, носилась с ним, как с писаной торбой. Вот и доносилась.

– А как же ей было его не баловать, у неё же никого больше нет на белом свете. Стёпка-то её был забулдыга, да и бил её ещё хорошенько, пока не утонул в канаве по пьяни.

– Да знаю я её дела, – сказал папка.

Он доел кашу, облизал ложку.

– Если ж ей так не везёт в жизни, – грустно сказала, махнув рукой, мама.

– Раньше оранжереи эти получали дрова из Петротопы, – немного погодя продолжил папа, – до середины октября, а потом их передали на обеспечение Центроснаба, там был образован специальный отдел по топливу и лесозаготовкам. А они теперь отказываются выдавать дрова. Но это ещё не всё. Самое интересное: заведующий сам ничего не смыслит в этом деле, а вызывает некоего гражданина Горячева, который должен нам ответить на вопросы. Этот гражданин Горячев в штате учреждения не состоит, зато знает всё, что там происходит. И ему фактически поручены дела, он вёл доставку топлива в учреждения, которые должен снабжать Центроснаб. Горячев и снабжал до последнего времени дровами Таврическую оранжерею с баржи, о существовании которой не знал начальник отдела. Начальник этот ничего не знал и о 17 вагонах на Балтийском вокзале.

– А что их начальники вообще знают и могут? – Вполголоса встала мама.

– И выяснили мы, значит, что лучше всех знаком с топливными делами гражданин Горячев, который является частным лицом, и впечатление создаётся такое, что дровами снабжает не Центроснаб, а гражданин Горячев. И в целом, сделали мы вывод, – продолжал отец, и голос его становился всё более грозным, – что постановка дела в топливном отделе Центроснаба находится не на должной высоте, отчётность о поступлении топлива не соответствует действительности...

– Ты бы лучше договорился с этим товарищем Горячевым, чтобы он нам дрова поставлял, а то чем топить скоро будем, – сказала мама.

– Это государственное учреждение, они только учреждениям поставляют, – немного помолчав, ответил отец.

– Да какая мне разница?! – Воскликнула мама. – Лишь бы дрова были!

– Ничего, мужики договорятся в кооперативе, будут дрова нам, – ответил хмуро отец, встал из-за стола.

– Да пока они договорятся... – махнула рукой мама. – Это ещё бабка надвое сказала в их кооперативе...

Отец молчал. Накинул на плечи тулуп, взял ведро – курить пошёл на крыльцо. Мамка убрала со стола, выходила на кухню, а

Волька, давно уже забросивший уроки и думать про них забывший, переключал на столе своих цветных бумажных солдатиков. Он вырезал их из журналов, которые папка приносил когда-то на растопку печки, были они красивые, буржуйские, мамка, правда, жаловалась, что от них золы много. Прежде чем они оказались в печке, Волька их внимательно просматривал, и картинки, которые ему нравились (читать-то там всё равно нечего было), он вырезал и хранил в своей коробочке с важными вещами. В одном журнале было много картинок солдат старых времён, даже наполеоновской армии. Но Волька не очень-то интересовался, что это были за армии, он их просто вырезал и играл ими, устраивал иногда баталии на столе.

Папка вернулся, принёс воды, мама разостлала уже их постель за занавеской, и папка сразу лёг.

– Нам сегодня селёдки в пайке выдали, – завтра селёдку сделаю, – сообщила мама.

Папка пробурчал в ответ неопределённое «угу».

– Ты тоже спать ложись, – наказала мамка Вольке, – хватит керосин жечь.

Волька убрал свои пожитки в коробочку, скинул лишние одежды, затушил лампу, и залез под одеяло.

Отец от усталости заснул сразу.

Волька, покашливая, рисовал себе в уме сначала пальмы в оранжерее, потом вспомнил сына соседки Паньки Кольку, как тот прохладился по улице недавно и крикнул вслед высокой девчонке из соседнего двора: «Эй, каланча, рожка просит кирпича!». Усмехнулся. Хотя этот Колька был злой и противный, Волька предпочитал с ним не встречаться на улице.

Мамка долго не могла заснуть, сначала думала, чем она будет кормить своих завтра и послезавтра. Вспоминала, сколько пшена у неё осталось, хватит ли два раза кашу из него сварить.

А Волька уже видел, как среди берёз и дубов взрывались петарды, солдатиков в диковинных мундирах ловили с помощью лассо обезьян на пальмах, строчили без умолку пулемёты, и мчались безудержные лошади.

У «ИСТОКОВ»

Лютая Рождественская неделя нового года наконец-то сбавила зашкаливающие за минус 50 градусы, и в субботу 27 января к полудню потеплело до минус 25. Но лёгкий и неприятный хиус всё еще торопил людей в дома, к надёжному теплу. Этим надёжным теплом была в последнюю субботу января районная Нижнеингашская библиотека имени писателя Николая Устиновича, куда пришли читатели и почитатели журнала «Истоки» на презентацию очередного номера. Кто-то уже успел прочесть свежий номер, сделав в журнале закладки, кто-то тут же поспешил приобрести. Говорили о прочитанном, спорили, зачитывали цитаты из произведений понравившихся авторов, стихи.

Редактор журнала Сергей Прохоров поделился планами по выпуску следующего номера, представил собравшимся две свои новые книги. Одна - «Фу, ты! Ну, ты!» уже издана, а другая - детская «Земное чудо»

в ожидание спонсоров. Книжка уже получила одобрение у детей и взрослых, которых автор знакомил с содержанием при встречах.

Более трёх часов общались у «Истоков». Екатерина Данкова прочитала выдержки из своего нового романа «Родова», Сергей Прохоров свои новые юмористические рассказы «Хвост» и «Носки».

Лариса Захарова

Презентация журнала «ИСТОКИ»

Даниил
ПЛАХИН

Тара, Омская область

Даниил Николаевич Плахин. Родился в г. Тара Омской области в 1986 году. Публиковался в журналах и альманахах: «Путеводная звезда» (Москва), «Факт» (Тара), «Складчина», «Иртышъ-Омь», «Омская муза» (Омск), «После 12» (Кемерово), «Огни над Бией» (Бийск); в периодике; в коллективных сборниках: «Весна – это всех касается», «Принимаем весь мир», «ПарОм. Поэзия и критика», «ПарОм. Поэзия и проза» (Омск, 2007, 2011, 2013, 2016); в электронном журнале «Парус», на сайте журнала «Великороссь» и других Интернет-ресурсах. Автор поэтических сборников: «Стихи из школьной тетради» (сборник переиздан по частям в двух последующих), «Краткостийшья», «Осколки» (Тара, 2009, 2011, 2012), «Сравнительные женоописания» (Омск, 2014). Победитель районного литературного конкурса (номинация «Поэзия») «Я – сочинитель» (Тара, 2007). Участвовал в региональных семинарах СПР в 2006, 2010 гг. и СРП «ПарОм» в 2012, 2013, 2014, 2015гг. Живёт в Омске.

*Я был... был... был...
И кем я только не был!
Самим собой?.. А как им надо быть?..
А. Кутилов*

Лет немного, немало я прожил.
Сколько прожито – всё моё.
Не старался я быть похожим
На кого-то.
Не слыл свиньёй
Хоть страдал иногда, бывало,
Я провалами в памяти. Но
То, что с толку всегда сбивало,
До сих пор так и не решено...

*На сто шагов делу пространство,
на сто задумчивых шагов.
А. Кутилов*

Думал, что далеко ушёл.
Но, как прежде, на полпути.
Горизонта неровный шов
Не вспороть. Даже не дойти.
...Интересно, где как живут,
Что теряют, находят что...
Меня завтра не будет тут –
Если хватит шагов на сто...

В душе пожар, во взгляде лёд,
В устах молчанье партизана...
Непониманье строит замок,
Надежда верность не блюдёт...
Идёт за мною по пятам
Лишь скука (чтоб ей пусто было!),
Суёт своё седое рыло...
Куда б ни шёл я – она там.

День и ночь сменил местами.
Сам себя не узнаю...
Как на место всё поставить
И вернуться в колею?..
Ты сейчас далёко очень.
Вряд ли вспомнишь обо мне.
Хнычет осень тёмной ночью -
Ей досадно, мне – вдвойне...

Свет гашу. Темно вокруг.
Новый день ещё нескоро.
Сердце давит злой недуг –
Я один – от всех оторван.
Тишина и пустота
В хулиганистой душе.
...Бледный шанс, один из ста...
Он погас, как мой торшер..

Всё настолько мелко, серо,
Что в глазах уже рябит.
Пролетаю, как фанера
Или, как метеорит.
Ничего-то не случится,
Не исполнится мечта.
Каждый день всё те же лица,
Хоть и разные места...
...Может, ищешь, где не надо,
Ждёшь не с этой стороны...
...Говорят, большие рядом
Вещи часто не видны...

За окнами снега хрустящие клочья
Бросятся в лужи на верную смерть.
Душа беспризорная вырваться хочет
За рамки приличий и матом запеть.
Двадцатая осень проходит без толку.
Душа промерзает сильнее и сильнее.
Возьму шестиструнку с гвоздя,
как двустволку,
Хотя б подстрелю пять оставшихся дней.

Как известно, жизнь не поле,
Да и я не комбайнёр.
Что она? Дорога, что ли?
Указатели кто стёр?..
В общем, жить я не умею.
И не знаю, что почём.
Но живу. Доволен ею
И надолго увлечён!

Всё давно набекрень у меня,
Всё не так, как порою мечталось.
Но, увы, никого обвинять
Не могу, даже самую малость.
Не устану барахтаться всё же.
Голова, руки-ноги – в порядке.
Слишком рано мне что-то итожить.
Да к тому же влюблён без оглядки...

Снега пустились наутёк...
На ветках почки...
Скоро лето.
Твой тёплый взгляд на душу лёг.

Вот и душа теперь согрета.
Не с года нового начать –
С весны! –
попробую всё снова,
Тоску, как лишнюю запчасть,
Зашвырнув
или спрятав дома.

Ночь холодная. Без сна,
В неудобном кресле.
С кружкой чая у окна
И с тягучим «если?».
Если вера не спасёт?
Если истончала?
Если бросить всё-всё-всё
И начать с начала?.

Всё прозаичней самой серой прозы:
Закопанный талант объявлен в розыск.
Разбитое...не бьётся больше в такт...
Не ладится ни эдак и ни так.
Развеяно по ветру столько фраз!
Ни в бровь не угадавших и ни в глаз...

Безработный, холостой,
Несудимый ранее...
И ни с этой, и ни с той
Стороны. На грани я.
Срыва нервного? Тюрьмы?
Жизни или смерти?
Будто старый зуб, заныл
Равнодушный ветер...

**Татьяна
СОЛОДКОВА**

Нижний Ингаш, Красноярский край

Татьяна Солодкова автор сборника стихов «Предчувствие любви», изданной в серии «Поэты земли Нижнеингашской». Публикует стихи и прозу в литературно-художественном журнале «Истоки», в электронном художественном ежемесячнике «Литкультпривет!».

С НУЛЯ

Начинаю с нуля новой жизни отсчёт,
С белым флагом надежды иду на парад.
И, уже не гадая, где нечет, где чёт,
По прямой - напролом! Без оглядки назад.
Затеваю в душе капитальный ремонт,
Отношения вновь возвожу в абсолюТ.
И, глаза закрывая, бросаюсь в любовь,
Как всегда забывая раскрыть парашют....

Я вчера поклялась, о себе не напoмню
Ни стихом, ни звонком, ни намёком...И точка!
Я сжигаю мосты, корабли мои тонут:
Телефон отключён, фотографии - в ключья!
Зубы сжала до боли, до треска эмали,
И с геранью горшок от удара разбился.
Ты - брутальный мужчина, я - почти что святая,
Почему же тандем наш с тобой не сложился?
Я бы рада простить, но гордыня мешает.
А гордыня, известно, меня и погубит...
Путь отрезан назад - все мосты догорают,
Да с геранью горшок уже целым не будет.

МОНОЛОГ

Не двигайся и к карнизу
близко не подходи,
На расстоянии вытянутой руки
стой и слушай.
У вас с ней (карты не врут)

долгая жизнь впереди,
Миг один - у меня...
Колени дрожат и немножечко трушу.
Хочешь, присядь там.
В ногах правды нет.
Тайну одну очень важную
только тебе открою:
На протяжении всей жизни,
а мне ведь немало лет,
Невыносимо быть не первой,
а второю!
Обидно платья донашивать
за старшей сестрою,
Медаль золотую отдать
девочке в класс параллельный,
Диплом получить не красный,
а с корочкою простою...
Скажешь, все так живут,
и это совсем не смертельно?
А любовь?
Всё как в театре! У Примы - слава,
Другая в массовке топчется:
статусы разные.
Первой розы охапками и даже лавры,
Второй - букеты попроще,
с листочками грязными.
Пошутила судьба.
Решила, что со мной станется?
Как, скажи, несправедливость эту
вынести?
Ей - всего тебя, а мне, что останется,
Что в обычной жизни не жалко и выбросить?
Ветер усилился,
качает шпильки на башнях.
Рук не протягивай.

Вниз не смотри, береги нервы.
Все, о чём рассказала тебе - день вчерашний,
А сегодня я (шаг вперёд!) буду первой...

Ты кто? Маньяк! Ещё и сексуальный?!
Ну, надо же, мне не поверят, нет!
А что такой несмелый и печальный?
(И в лифте, как назло, нахально яркий свет).

Мне на восьмой... Управишься к восьмому?
Ты что притих? Давай-ка, начинай,
Вылазь-ка из угла и по-простому...
Кричать не буду. Действуй, приставай!

Что значит, ты вот так «совсем не можешь»?
Назвался груздем, в кузов полезай.
Сказал, что сексуальный, значит, должен!!!
Три дня не ел? Так сразу б и сказал.

Что в сумке? Колбаса, сосиски, сало,
А дома-борщ, котлеты и вино.
Эй, ты, по стенке не сползай! Что, плохо стало?
Вот это поворот, ну, прямо как в кино...

Какой-то хилый нынче маньячишко:
Чуть что и в обморок при слове «колбаса».
Да, happy end бывает только в книжках,
А в лифте, что? Какие чудеса?!

**Анатолий
КАЗАКОВ**

Братск, Иркутская область

Анатолий Владимирович Казаков - литератор, одухотворённый творчеством писателей деревенщиков: Василия Шукишина, Виктора Астафьева, Василия Белова...

Он не занимается сочинительством ради сочинительства, он осмысливает реальность жизни и пытается донести её до читателя так, как чувствует это его собственная душа: передать и боль, и радость простым, доступным каждому языком.

Братск. Николаевна. Денис Майданов

Денис Васильевич Майданов прибыл в Братск семнадцатого апреля нынешнего года. Приезд любимого артиста совпал с Родительским днём. Я шёл по родному посёлку Гидростроитель после суточного дежурства и невольно думал, почему так случилось. Словно подтверждая мои мысли, встретила по пути знакомая женщина Ирина, она спешила в церковь. Переодевшись дома, поспешил в наш правобережный храм «Преображения Господня» помолиться соборно с родными своими прихожанами за усопших. Сколько уж наших прихожан лежат на погосте, невольно воскресает в памяти наша любимая всеми Александра Егоровна Сухорукова, Анна Ивановна Чусова и многие-многие другие. Что стоит за этими словами «многие-многие»... вся жизнь наша стоит. Затеплив свечу, стою, внемлю молитвам. После молебна ко мне тихонько подошла в белом платочке дочка нашей Егоровны, Елена:

- Мама мне говорила: “Когда помру, буду в этот день прилетать в наш храм и глядеть, все ли пришли”.

Улыбнувшись, Лена продолжила:

- Любила мамочка моя настроение людям поднимать.

Я дотрагиваюсь рукой до её белого платка, провожу ладонью по её голове. После того, как похоронили Александру Егоровну, она продолжила дело своей мамы в нашем храме - стала заведовать библиотекой, не счесть за ней добрых дел.

И вот уже идём из храма с Ниной Николаевной Шульга, она очень взволнованно рассказывает:

- Сегодня, Толя, Денис Майданов приехал с концертом, слышал, наверно, об этом. Я батюшке нашему Георгию говорю, мол, концерт совпал с Радоницей - это, наверно, плохо, нельзя выступать с песнями-то. А отец Георгий говорит: «Концерт будет вечером, ничего страшного в этом нет, жизнь есть жизнь». Сегодня днём я встречаюсь с Денисом на нашем правобережном погосте, а вечером он меня на свой концерт пригласил.

Нина Николаевна тихо, с помощью тросточки, поковыляла до

дому, больные ноги много лет сильно мучили её, сердешную. Я же на прощание попросил рассказать потом, как там всё будет. Денег, чтобы купить билет на концерт, как всегда, у меня не было, недавно выпустил новую детскую книгу и уже раздал её по школам и библиотекам. Творчество Дениса Майданова мне по душе, и я был очень рад за Нину Николаевну. Кто, как ни она, заслуживает праздника души...

Я уже писал об этой воистину замечательной женщине, знал, что с 2011 года Нина Николаевна ухаживает за могилкой родного дяди Дениса Майданова - Лобачёва Александра Петровича. Но в той статье я писал о её жизни, а об этом факте она тогда упомянула вскользь, из врождённой своей скромности. Она была другом Александра Петровича, а для неё он был просто Саша. Жили они по-соседству: Нина Николаевна в квартире, Александр - в общежитии. Но познакомились много позже, когда Николаевна работала поваром на отопительном заводе, где Александр трудился грузчиком. Личная жизнь родного дяди Дениса Майданова не сложилась. Молодым приехал в Братск, много работал, доводилось работать в лесу. Братск в то время гремел своей трудовой славой

на всю нашу необъятную и милую сердцу Родину. Жить в нашем городе было невероятно интересно, потому как город был молодой. Александр Петрович любил ходить в спортивной одежде, не признавая костюмов. Прямо во дворе устраивались футбольные баталии, соревнования по волейболу, в которых он очень любил участвовать. Есть такое понятие - «притяжение Братском», и Александр Петрович сроднился с сибирским городом и не мыслил никуда уезжать. Были друзья, а характер был такой, что последнюю рубашку снимет с себя, а поможет нуждающемуся человеку. Когда у Александра случилась онкология, Нина Николаевна всегда была рядом. Вот, что она мне рассказывала позже:

- Мама Дениса Майданова, Евгения Петровна, доводится родной сестрой Саше, она и Денис постоянно звонили ему. И когда случилась беда, семья Майдановых делала всё возможное - помогали лекарствами, деньгами. В 2011 году Саши не стало, Евгения Петровна приезжала в Братск. Наш тогда ещё совсем молодой отец Георгий совершил чин отпевания. После Евгения Петровна рассказывала Нине Николаевне, что когда растила Дениса, работала на трёх работах: «Однажды, убирая подъезд, услышала, что Дениска мой заплакал, подниматься по этажам долго, а люди вокруг жили очень добрые. Поднимаюсь, гляжу, а моего сына уже кто-то качает, и он уже не плачет». Отец вскоре оставил семью, и брат Саша был немалой поддержкой для маленького Дениса и сестры...

Нина Николаевна всю жизнь проработала поваром, таскала немислимые для женщины тяжести, потому уже много лет мучается ногами. Денис после похорон родного дяди не забыл Николаевну, присылал деньги, отправил поправить здоровье на курорт «ТенториумСпа» в Пермь, где лечат мёдом, прополисом, занимаются апитерапией. По словам Нины Николаевны, лечение это ей очень помогло.

Недавно по компьютеру я смотрел концерт Дениса Майданова в Кремле, был до слёз тронут тем, как он любит свою маму - в глазах сына стояли слёзы. А он нёс цветы Евгении Петровне, скромно сидящей в зале. После, когда сын с мамой обнялись, и Евгения Петровна села на место, к ней подбежала какая-то женщина и подарила ей букет цветов. Такое действие трогает душу

всамделишно. Дай Бог каждому такого сына. Глядя концерт, плакал и я. Такое со мною случается, когда вижу по-настоящему праведное. Вспомнилось, как плакал под песни Александра Барыкина из альбома «Молись, дитя», песни Александра Михайлова, Олега Газманова, Николая Расторгуева, Михаила Евдокимова, Сергея Безрукова, потому как наше это всё...

Семнадцатого апреля Денис Майданов мчался с другом по плотине Братской ГЭС на наш правобережный погост. Подъехал к могилке родного дяди, обнимал Нину Николаевну, как после она мне скажет, тепло от него шло какое-то необыкновенное. На концерте Николаевна сидела в первых рядах, радовалась со всеми, ведь Дениса братчане встретили очень тепло. Всех до глубины души поразили слова, которые, выйдя на сцену, любимый артист

сказал в зал:

- Есть ещё один момент, почему я рад сегодня быть в Братске. Потому что здесь всю жизнь прожил мой родной дядя Александр Петрович Лобачёв. Мне очень хотелось, чтобы он застал мой концерт в своём городе, но так случилось, что 2011 год был тогда ещё временем моего творческого восхождения. Но я всё равно очень рад, что приехал сюда. Я очень этого хотел. Сегодня мы ездили на кладбище. Я был на могиле дяди, рад, что это произошло именно в такой день – в Родительский день. Дядя был мне старшим товарищем. Отец с мамой развелись, когда мне было восемь лет, и участие дяди в моей жизни было очень важным для меня и очень трогательным. Мы постоянно с ним созванивались, и каждый звонок для меня был очень дорог. Сегодня я посвящаю этот концерт жителю города Братска Александру Петровичу Лобачёву. Сегодня вы услышите всё лучшее, что было создано мной за прошедшие годы.

Концерт состоялся, были бурные овации, братчане долго не отпускали любимого артиста. Кто танцевал, кто подпевал, плакал, все желающие получили автограф. После концерта Денис разговаривал с Ниной Николаевной, но это было действительно очень личное и без сомнения - дорогое их сердцам общение.

Прошло несколько дней, а жизнь всё откладывала мой приход к Нине Николаевне. За это время в городской газете «Знамя» вышла статья о Денисе Майданове. Я купил газету, и теперь шёл в гости к Нине Николаевне. В воскресенье, как всегда, в храме была служба, я же тогда был на работе, но думал, что наши прихожане уже прочитали статью. А вышло так, что от меня она и узнала, что появилась статья в газете. Протянул ей в руки газету, Николаевна робко взяла её. Зрение у этого замечательного человека совсем никудышное, поэтому прочитал ей статью я. Немного помолчав, сказала, что написано всё верно.

Нина Николаевна рассказывает:

- У Саши, конечно же, были друзья - семьи Волковых, Вычужиных постоянно навещают его могилку, и тоже, как и я, ухаживают. В этом году Сергей с Таней Волковы оградку покрасили. Саша очень с ними дружил. Однажды дочка у них заболела, повезли в Иркутск, Саша сопровождал и очень помог

всё найти в большом городе.

И вдруг улыбнувшись:

- Мы ведь с Сашей немного бизнесом занимались, я-то торгашка - стою и его товар продаю, а он отойдёт в сторону, говорил, стесняется. Я застраховала его в Колымской, последние дни совсем тяжело ему было, говорил: «Мамочка, забери меня к себе», я ему говорю: «Не надо так». Но он терпеливый был, случалось, и выпивал, но всегда оставался человеком. Народу на похоронах было много, и немудрено это - ведь Саша столько лет в Братске прожил. Саша ведь родом с Луганска, но это было давно, затем переехали в Саратов, Денис-то, скорее всего, в Саратове родился. Не забудешь теперь, дали Денису большую машину, подъезжает, подходит к могилке Сашиной, говорю ему: «Христос Воскресе», улыбается, отвечает: «Воистину Воскресе», очень тепло на душе как-то было. Ходили, помню, с Евгенией Петровной по нашему посёлку Гидростроитель, показываю ей, где жил, где ходил её брат, глубоко это всё. Рассказывала ей и про себя, что всю жизнь поваром проработала, на супах любила стоять. Мама моя мне говорила: «Будешь работать поваром - не воруй», я всё думала – зачем? Ведь такая работа, что всегда поесть можно. Всё вот так просто рассказывала маме Дениса, простые они оба, до того добрые, что и не высказать словами, прямо души их светятся. Вчера был такой замечательный день, причастилась святых тайн. Знаешь, Анатолий, возле церкви стоят, просят деньги, я их всех знаю, и против, чтобы деньги им давали, лучше продукты давать, да и столовая у нас при храме - всегда можно покушать. А деньги они пропивают - это точно, пьют боярышник, сколько зла в этих маленьких бутылочках, не счесть никогда. Я вот всего повидала, и с уголовниками общалась, в столовой-то раньше каких только людей ни встретишь. Но вот Владимира Путина уважаю. Тяжёл крест его шибко, помоги ему Господи! Я очень рада, что Денис приехал на дядину могилку, если бы ты видел, какой был концерт, как любят Дениса все. Настроение было такое, что хоть и ноги болят, хотелось танцевать, меня ведь багюшка наш Георгий благословил, чтобы на концерт-то съездить, потому и было всё хорошо.

Больше поговорить не удалось - пришла к Николаевне знакомая,

но я был рад, что газету доставил по назначению, и пришло мне в голову, чтобы картина была более ясной, вставить сюда и эту статью о Нине Николаевне, которую писал сравнительно недавно, думается, она к месту будет...

«Обращение». Из жизни

Приметил я её давно в нашем храме: бывало, выйдешь после службы, она стоит, пирожки собственного производства разложит на большом самодельном столе и говорит:

- Берите пирожки, сама пекла, да кто сколько может, на строительство нового храма вносите.

Смотрит на входящих и выходящих внимательно, да так, что всерьёз кажется, словно боевой офицер она. Пирог у неё с начинкой из грибов, моркови, картошки, капусты белокочанной и цветной, идут в ход и различные яблочные, абрикосовые пюре. Когда наступает весна, появляются пироги с черемшой, диким и домашним зелёным луком, рыбой, ибо всех лучше, как известно, она, родимая, именно весной ловится. Идёт в ход окунь, сорога, карась, налим, щука, даже бычки. Благородные сорта рыбы, такие как омуль, хариус, таймень, ленок, пелядь, ловятся сейчас крайне редко в Ангаре, потому их в рационе у неё не бывает, а вот из простой рыбы готовит такие пироги, что не доводилось мне ещё таких отведать, хотя мама моя тоже мастерица в этом деле. Вдруг взгляд её обратился ко мне, я даже засмутился — уж больно строга показалась воистину могучая русская женщина. Познакомились, оказалось, что зовут её Нина Николаевна Шульга, работала много лет поваром, возглавляла бригаду общественного питания. Вот и открылась одна из загадок по поводу шибкой вкусности её пирогов. Невольно подумалось, что вот бы везде так — чтобы работали профессионалы своего дела. Вспомнилась и знаменитая книга Похлёбкина о кулинарии, где он прямо писал, что от повара зависит и настроение человека. Ем её пироги, гляжу на входящих и выходящих прихожан, они берут пироги, кладут в блюдечко, кто сколько может, копеечек, но разговор наш странным образом не прерывается; спросила - где, мол, живу, ответил, Нина Николаевна вдруг встрепенулась:

— Да, там же возле тебя недалеко Колька в колодце живёт.

Протягивает мне четыре пирога и велит, чтобы я отнёс их Коле. Я тоже подкармливал этого несчастного и был очень рад в душе, что познакомился с добрым человеком. В следующее воскресенье, придя на службу, отыскал Нину Николаевну в храме и доложил, что пироги переданы по назначению. Она снова строго глянула на меня, затем неожиданно её лицо слегка просветлело, но это было крохотное, едва приметное что-то, но именно в это мгновение она сказала:

— Ну, передал и молодец.

Мгновенно отвернувшись от меня, она пошла по своим делам. Её мощное телосложение, взгляд говорили недвусмысленно, что она не робкого десятка, и уж совершенно точно сможет постоять за себя. Моя фантазия разыгралась до того, что я подумал, что она и полком бы вполне смогла командовать. Так постепенно мы знакомились всё ближе, стояли рядом во время церковной службы. У меня в то время сильно болели ноги, у неё тоже болели ноги, и я чувал нутром, что у неё болят ещё шибче, чем у меня, ибо я значительно моложе. Вспомнилась мне тогда тётя Тамара, которая всю жизнь отработала поваром и рассказывала, как начальство называло их лошадьми, ибо таскали они на себе коровьи и свиные туши, тяжеленные бачки, ежедневно чистили ваннами картошку, как, когда состарилась тётя Тамара, пошла к врачу с жалобой на ноги. Врач остолбенел от увиденного и изрёк:

— Никогда в жизни не видел таких страшных ног.

О ней, сердешной, я писал в рассказе «Бачки»... Слушая священника и молясь, думалось мне ещё и о Нине Николаевне, ведь у неё, по всему виду, положение, как у тётки Тамары. Когда во время службы отец Георгий закрыл врата, Нина Николаевна присела на беленькую лавочку и каким-то неведомым мне чудом почувствовала, что мне тоже больно стоять, тихо сказала:

— Садись, Толя, отдохни. Пока врата закрыты, можно и посидеть нам, больным.

Опять же тихо дала несколько народных советов лечения ног. Прошли месяцы с той поры, и однажды, придя на вечернюю службу, готовясь к тому, чтобы исповедаться, я вновь увидел Нину Николаевну. Она тихо подошла ко мне, и сказала, что надо

поговорить. После службы мы потихоньку шли по родному посёлку Гидростроителю, казавшийся мне когда-то её командирским голос был нынче вовсе не командирский, а простой задушевный:

— Я, Толик, надумала на передачу «Пусть говорят» Андрею Малахову написать, чтобы помогли нам храм достроить.

Она вытащила из сумки несколько больших исписанных мелким почерком листов, протянув их мне, добавила:

— Ты писатель, поправь, что не так.

Спрашиваю удивлённо:

— И ты всерьёз думаешь, что помогут?

Нина Николаевна, ничуть не смутившись, ответствовала:

— Они там на передаче даже отъявленным сволочам помогают, а тут ведь святое дело.

Опять задумавшись, тихо сказала:

— Ты глянь, там, конечно, безграмотно написано, но от души. Я всю жизнь людей кормила, некогда мне было грамоту познавать. Да не думай, школу-то я закончила, просто писать сочинение для меня — это очень трудно.

Придя домой, я принялся читать. Можно было подумать, что писала это не шестидесятилетняя с заметным лишком женщина, а третьеклассница. Но написано было от души. Составил со слов Нины Николаевны обращение, вот оно:

«Обращение»

Я, Шульга Нина Николаевна, жительница города Братска, обращаюсь на передачу «Пусть говорят». Может быть, как-то можно сделать, чтобы это обращение прочитали многие люди, ведь город Братск, без всякого преувеличения, строила вся наша многонациональная страна. Обращение моё ко всем, кто за годы жизни в Братске стали для меня дорогими и близкими. Теперь все давно разъехались, многие живут за рубежом, а я теперь, как и многие первостроители, с восторгом и болью вспоминаю былую и нынешнюю жизнь.

Меня действительно знали очень многие братчане, ведь работала я поваром в разных организациях, любила и до сих пор люблю кормить людей. Вспоминается наш лагерь «Варяг», где начальником работал Фред Павлович Юсфин, воспитывались там

и беспризорники. Там была для мальчишек настоящая матросская жизнь: устав, форма, лодки, катера, корабли, палатки. И былые беспризорники становились в будущем капитанами дальнего плавания, старпомами, мичманами, офицерами... Такого лагеря не было нигде в Союзе.

К нам приезжали многие иностранные делегации. Был такой случай: приезжают к нам немцы, выходит к ним на встречу наш известный всей стране детский писатель Михасенко Геннадий Павлович, который работал у нас сторожем, и на чистом немецком языке всё им показывает и объясняет. Дивились после немцы тому, что в далёкой Сибири простые сторожа по-немецки замечательно разговаривают. Артисты приезжали: Алла Пугачёва, Иосиф Кобзон, Александра Пахмутова, Валентина Толкунова, Людмила Сенчина и многие, многие другие.

Братск был настоящим полюсом мужества, было даже такое понятие — притяжение Братска. Действительно, была очень интересная, во многом поучительная жизнь, и я готова была работать бесплатно, лишь бы накормить людей. Теперь всё в прошлом, и положение дел в Братске оставляет желать лучшего: наркомания, пьянство, безработица, люди от всего этого страшно гибнут от безысходности, и обвинять их за это грех, ибо человеку крайне нужна работа, а его лишили этого, но да это и не диво вовсе, по всей стране примерно то же.

Что же заставило меня, Шульгу Нину Николаевну, обратиться на народную передачу? Сейчас я на пенсии, являюсь прихожанкой храма «Преображения Господня». Церковные службы у нас проходят в восстановленном нашими прихожанами старом детском садике. Но, слава Богу, строится новый храм, не хватает несколько десятков поддонов кирпича. А так нестерпимо хочется, чтобы храм был, наконец, достроен. Повторяю, меня знают очень многие люди, которые волею жизни покинули Братск. Может, кто и откликнется, поможет. Ведь после развала Советского Союза и страшных девяностых стали возрождаться православные храмы по всей нашей Богом хранимой стране. Только благодаря этим воистину праведным делам спаслось и продолжает спасаться очень много наших людей. Боль моя очевидна, поэтому прошу: помогите достроить наш храм «Преображения Господня».

С поклоном, Нина Николаевна Шульга».

Пошёл с этим обращением к ней домой. Быстро отыскиваю дом — а чего тут не отыскать, в одном посёлке живём. Но всё же шёл, волнуясь — одобрит ли. С её военным характером ещё взашей выгонит, но это были просто мои глупые мысли, которые также просто являются, как и, смею надеяться, умные. Войдя в подъезд, остолбенел — весь деревянный двухэтажный старый их подъезд был оформлен под встречу Нового года. Живая ёлка со старыми, но изумительно красивыми игрушками пахла настоящим праздником. Поднимаюсь на второй этаж, захожу в двухкомнатную квартиру нашей прихожанки. Дома эти делались, когда строился город Братск, жильё считалось временным, но, как известно, нет ничего постоянной, чем временное. Сейчас в городе строятся новые дома, работает президентская программа по переселению из ветхого жилья, но там, как и предполагалось заранее, много несправедливости, и опять же, чему удивляться — эти дела всегда воровато сложные... Сидя на стареньком диване, Нина

Николаевна гладила свои больные ноги. Дверь в её квартиру была не заперта, и она, услышав, что я подошёл к двери, громко сказала:

— Заходи, Толя!

В старенькой квартире пахло пирогами, и я доподлинно знал, что это ёдово для храма.

Присев рядышком с ней, протягиваю два листа напечатанного текста. Глянув на меня уже не по-командирски, заговорила:

— Я, Толик, потом, когда уйдёшь, посмотрю, при тебе не стану, а то подумаешь ещё, что я надзиратель какой. Пойми, как бы ты ни написал, думаю, пойдёт, ведь от души же дело затеваем.

Прошу её рассказать немного о себе, ибо от этого моему нутру было не уйти, было, правда, сомнение, что не станет рассказывать,

но Нина Николаевна тихо, как в храме, заговорила:

— А чего, Толик, рассказывать? Родилась в Ульяновске, папа Николай Иванович родился в селе Большая Озёрка, мама с Белоруссии, тятя у меня участник Великой Отечественной, контуженный пришёл с войны, все эти горестные години прошагал, храню его награды; двух братьев да меня народили. Папа строил мосты, из города в город мы переезжали, три семьи – Марычевы, мы и Шеляковы, все строители. Перед начальством никогда не лебезил, как многие, всегда говорил правду в глаза. Когда папа женился, ему мамина родова сказала, что у них, коли женились, не бросают. Мама моя больной была, папа сам готовил, мыл полы, стирал, косички мне заплетал, сильно маму любил и жалел, это было сразу видно. Когда я училась в третьем классе, он научил меня готовить. Приехали в Братск в пятьдесят восьмом году, жили на Руднике, а там — мама милая! — грибов, ягод сколько было, за раз четыре - пять вёдер клюквы наберёшь, кажется, всей стране бы хватило. Рядом потом лагерь «Варяг» располагался. Были там хорошие дома, замечательно было: рудники, шахты — это до нас было давно разработано, ещё до революции, жили хорошо.

Да вот однажды одна умная начальница приехала, посчитала, что невыгодно нас автобусом возить в посёлок, и закрыли наш Рудник. Однажды идём с мамой, глядим – брусники-то сколько, а набрать не во что. Мамочка снимает чулки, да прямо в них и насобирала, питались мы там, помню, очень хорошо, жалко до смерти родные места беззаботного, босоногого солнечного детства. Папе дали трёхкомнатную квартиру в центральном Братске, но мы снова переехали на правый берег. Школу закончила здесь — в Гидростроителе, училась я плохо, и пошла учиться на повара, влекло меня к этому, родители отнеслись спокойно.

Время-то какое было — все напролом в институты поступали, но по тому времени страна наша была рабоче-крестьянской, потому я нисколько не комплексовала, что на повара пошла учиться, благо, училище находилось прямо в нашем посёлке. Директора училища вот вспомнила сразу, Мирой Андреевной звали, строгая была. Научили, словом, кухарить, и наука эта, я тебе доложу, Толя, сложная, как и любое профессиональное дело. Выучилась, да пошла работать, замуж так и не вышла, не всем ведь дано это,

жизнь, словом, жизнь. В шестнадцатой столовой работала, тех, кто семейные, в командировку не посылали, а я молодая, незамужняя, стало быть — все командировки мои. Сильная была, никого не боялась. Ежели кто выпросит шибко — и в морду любому мужику захватить могла. Работала в легендарном лагере «Варяг», видела знаменитого детского писателя Геннадия Михасенко, он же тоже в лагере «Варяг» работал простым сторожем, тихий, спокойный. Приходилось работать и в лагере «Ангара», на отопительном заводе.

Нина Николаевна замолчала, внимательно посмотрев на меня, продолжила:

- Я ведь поваром всю жизнь работала, многие ведь, кто после тюрьмы освобождался, все в столовую шли, ели. Таким образом, многих таких вот людей я знала. Мысль даже такая была - к вора авторитетным обратиться в послании моём, храм-то всем надобен. Да боюсь, там, в Москве, на передаче, напугаются, скажут, тётка совсем с ума сошла, только кто ведаёт, где ныне больше правды.

Снова немного помолчав и погладив больные ноги, совсем тихо заговорила:

- Ленивых у нас не было – все, глядя на Тамару Бирюкову, старались работать. А потаскай-ка эти коровьи туши, бачки тяжеленные. Все наши ногами маются шибко. В столовых-то ведь, помнишь, народу всегда тысячи. И вот когда люди поедят приготовленную лично тобой еду и благодарят за это, вот в такие простые человеческие моменты очень хотелось продолжать, вроде бы, на первый взгляд, неприметное дело — кормить людей.

Пока мы сидели на её стареньком диване, в её квартиру заходили без спроса трое человек. Одному молодому парню и двум женщинам Тамара Николаевна прямо при мне занимала сколько-то денег. Снова присев на диван, вздохнула:

- Это всё соседи ко мне ходят, да с окрестных домов, давно ведь здесь живу. Да, занимаю, когда отдадут, а часто не отдадут и снова идут. Я даю, жалко, но не совсем бесшабашно, пытаюсь разобраться, какая причина. Что тут скажешь, гибнет наш посёлок без работы. А многие за копейки не хотят на дядю работать, сидят дома да дешёвый алкоголь пьют. Я вот твёрдо уверена — заработал бы наш отопительный завод, как прежде, и пить бы перестали.

Погост-то наш как множится от всей нынешней жизни, людям твердь добрую обрести надобно, от того и надумала я обращение писать.

Во время разговора в её квартире находился человек по имени Сергей. Он занимался починкой по электрике, менял старые розетки, провода. Когда Нина Николаевна сказала, что думала даже обратиться к ворам, то Сергей на это улыбнулся и сказал:

— Отчаянная ты, Нина...

Снова прошло несколько месяцев. Что Нина Николаевна отправила письмо-обращение, я, конечно же, знал. Потому как время от времени спрашивал её об этом в храме. Сергей, что ремонтировал розетки в квартире Нины Николаевны, недавно умер. Этот человек много раз сидел в тюрьме, но последние годы своей жизни помогал храму в плотницком деле. Когда помер, родственники почему-то хоронить его отказались, хоронил Сергея наш храм. Батюшка Георгий обратился к прихожанам, что, де, надо предать земле нашего прихожанина и строителя. А когда отпели Сергея и, вернувшись с погоста, сидели за поминальным столом, батюшка, памятуя, какой это был замечательный работник, сказал просто и душевно:

— Эх, Серёга, Серёга!

Жалела его и Нина Николаевна, говоря мне:

— Он ведь – Сергей - сидел, но, Толик, если бы ты знал, как он Богу молился, иконку мне своими руками смастерил, умелец народный. Приснился мне во сне и говорит: «Я уж девять дней лежу». Это он уж в морге лежал. Ну, я тревогу подняла, оказалось, не хотят родственники хоронить. Ну, слава Богу, храм похоронил, да так, что и я бы хотела, чтобы меня так же. Он - Сергей - говорил мне, что Бог его любит и не забудет. Так всё и случилось...

Сегодня жаркий июньский день стоит. У нас в Сибири страшная засуха, зайдя к Нине Николаевне попроведать её, спешу на огород, предстоит окучка картошки – спасительницы нашей народной.

На своё обращение от передачи «Пусть говорят» ответа Нина Николаевна Шульгатак и не получила...

Низкий поклон праведному человеку Нине Николаевне Шульга!
Спаси Господи!

БАБУШКИНЫ РОЗГИ

Перебирая на полочках телевизионной тумбы старые видео- и аудиокассеты, я неожиданно замер, держа кончиками пальцев маленькую кассету с рукописной наклейкой: Ан. Ив. Чмыхало. 2010 год. Июнь.

Из правого отсека тумбы достал старый кассетный магнитофон «Агидель 301», сдунул пыль, вставил кассету, включил.

«...И когда я оглядываюсь сегодня на свою прожитую жизнь, то понимаю – права была моя бабушка Аграфена Ефимовна, которая секла меня по поводу и без, вкладывая в мою юную задницу понимание и человеческого добра, и человеческого зла ...»

Голос из динамика магнитофона какой-то надрывный, речь, порой неразборчивая, путанная, торопливая, словно говорящий боялся не успеть полностью выговориться. Восемь лет минуло с той памятной встречи нашей с Анатолием Ивановичем Чмыхало в июне 2010 года в Красноярске, в доме, где жил последние годы мастер исторического романа, Писатель с большой буквы

Пять часов беседы оставили неизгладимый след в памяти и в сердце.. Больше, конечно в сердце. Память с годами стирается. Вот и сегодня оживают уже забытые моменты (хорошо, что захватил тогда с собой магнитофон). Но голос. Как будто это было вчера. Слушаю кассетную запись и невольно переношусь в рабочий кабинет писателя. Сколько в этом кабинете перебивало именитых, исторических личностей. И, в первую очередь, литераторов. В этом кабинете Анатолий Иванович спорил с Борисом Полевым, автором знаменитой повести

«Судьба человека», с Виктором Астафьевым, как надо и не надо писать о войне. Здесь бывали его друзья-писатели: Юлия Друнина, Лев Ошанин и Андрей Некрасов...Здесь вёл душевные беседы с Евгением Евтушенко и Андреем Вознесенским, Павлом Нилиным и Максимом Танком, Иваном Драчом и Муссой Гали.

Сам Анатолий Чмыхало начал писать ещё в школе.Сказались гены.

-У меня дедушка Макар был образованный, закончил Киевский университет. Писал стихи, - вспоминает Анатолий Иванович. - И отец писал.. Я говорил деду, что если не научусь писать, как он, стихи, то буду писать статьи в газету. Дед усмехался, хлопал меня по плечу и приговаривал: «Ты расти, расти, а там видно будет. И учись».

Вторым сильным увлечением Анатолия в школе был театр.

- Помню в 1934 году в школе, где я учился (в Казахстане) ставили к годовщине Чехова спектакль «Медведь». Я приходил на репетиции, смотрел, слушал и думал: «А я бы сыграл эту роль лучше». Учительница, которая ставила спектакль, обратила на меня внимание. «Петя, ты пока отдохни, пусть Толя попробует сыграть роль лакея». И я попробовал, и у меня получилось. На премьере спектакля присутствовал актер республиканского театра. Он подошёл ко мне после спектакля и сказал: «Тебе, Толя, надо учиться на актёра». Пригласил меня в драматический кружок при Алма-Атинском театре. И я убежал с уроков то в республиканскую библиотеку, то в театр. В библиотеке меня хорошо знали и давали мне редкие книги. Там я впервые прочитал поэтов Николая Клюева и Сергея Есенина. Всё это потом определило мою дальнейшую судьбу.

Но это будет позже. А поначалу, после окончания школы Анатолий Чмыхало решил, как и дед Макар, постичь профессию

правоведа. С 1941 года учился в Московском юридическом институте. Но со второго курса ушёл на фронт. В качестве командира взвода разведки воевал под Ростовом и Луганском. Осенью 1943 года в боях на реке Миус был тяжело ранен и контужен. Закончил юридическое образование в Алма-Атинском институте. Потом переехал в Ачинск. И здесь в Ачинском театре раскрылся его талант актёра и сценариста. Анатолий Иванович бережно хранил афиши своих спектаклей тех лет.

Сейчас трудно сказать, кем бы для России, для своего Красноярского края был значительней и полезней Анатолий Иванович Чмыхало - актёром или писателем, если бы однажды не ушёл со сцены, навсегда связав себя с профессией инженера человеческих душ, с профессией ваятеля самого великого из человеческих изобретений - Слова.

Герои его книг «Половодье», «Отложенный выстрел», «Дикая кровь» - ненадуманые. Их прототипы - знакомые, родственники, исторические личности. Так, например, Романа Новгороднего в романе «Половодье» написал с образа его отца Ивана Макарыча, который отважно воевал против Колчака, был командиром роты... В книге «Ночь без сна» есть рассказ «Паря», посвящённый Николаю Устиновичу - писателю и другу.

Правдивость, достоверность, скрупулёзность в работе над словом - главные критерии в творчестве Анатолия Чмыхало. Он не любил приукрашивания, вымысла. Особенно в книгах о войне. Сам испытывавший на себе все «прелести» Отечественной войны, Анатолий Иванович тонко чувствовал фальшь и негодовал от этого.

-Я говорил и Борису Полевому, и Виктору Астафьеву и многим другим: «Не можешь настоящей правды написать о войне - не пиши.. Мало ли, что кто-то тебе рассказал, надо это видеть самому. Борис со мной согласился сказал: «Ладно, Анатолий, не буду». И не писал больше.

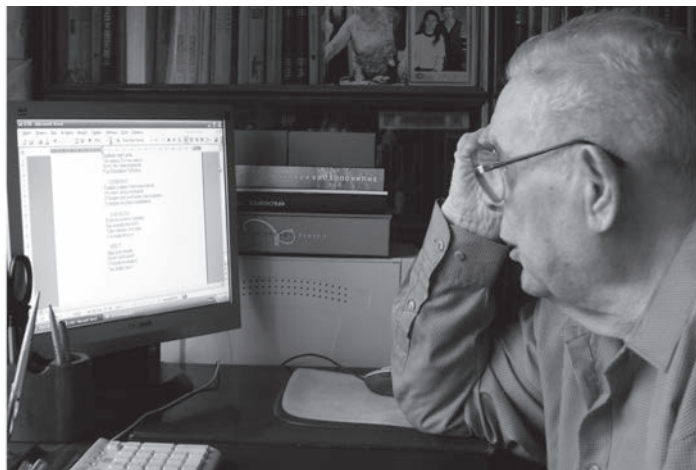
Сам Анатолия Чмыхало за свою правдивость о войне получил хорошую оплеуху от брежневского руководства. Его трилогия - «Три весны», изданная сотысячным тиражом, была предана сожжению по приказу свыше. Что стоило Анатолию Ивановичу и нервного

потрясения, и здоровья. Но чувство независимости перед системой, непокорности чьей-то прихоти, чувство справедливости, заложенное в нём с детства розгами неласковой бабушки, ни разу не поколебали его и в творчестве, и в жизненных ситуациях. От первого своего значимого исторического романа «Половодье» и до последних строк писатель, поэт оставался честным и правдивым перед читателями, людьми, и главное - перед самим собой.

Медленно крутится старенькая кассета. Голос Анатолия Ивановича моментами еле различим (запись, видимо, поистлела). И чувствуется в этом голосе нотки неудовольствия, какого-то разочарования и в литературе нынешней, и в культуре.

- Звёзд нынче и в литературе, и на сцене больше, чем в небе. А слушать порой противно. Вот Зыкина -д а! Русланова - да!, Толкунова - да! Это культура. Всё зависит от воспитания. Лично я хоть и недолюбливал в душе за чрезмерную жестокость свою бабушку Аграфену Ефимовну, благодарен ей за её розги. Смотришь, как нынче некоторые родители ходят на цыпочках возле своих чад, и убеждаешься в правоте бабушкиных розг, которая считала, что нежности, особенно мужчинам, только во вред.

Сергей ПРОХОРОВ

**Александр
РАЛОТ**

Краснодарский край

Петренко Александр Викторович (псевдоним – Александр Ралот), краснодарский прозаик, публицист и краевед.

Автор пятнадцати электронных книг и десяти бумажных. Публиковался во многих российских и зарубежных периодических изданиях.

Член Союза писателей России и Межрегионального союза писателей. Победитель конкурсов «Плавская осень», «Венок Победы», «Поэт и гражданин», лауреат Международного конкурса «Белая акация». Финалист всероссийских конкурсов «Герои Великой Победы», «Волошинский сентябрь». Награждён медалями им. И. Бунина и им. М.Ю. Лермонтова, Андрея Белого, А.Т. Твардовского, «За труды в просвещении, культуре, искусстве и литературе».

Звезда по имени «Лукас»

Наша южная столица, как обычно, из всех сил готовилась достойно встретить Новый год. Все без исключения торговые точки испытывали ежедневный аншлаг. Общественный транспорт, несмотря на наличие в городе избыточного количества личных автомобилей, в эти дни работал на пределе своих вместительных возможностей.

В один из этих сумасшедших дней толпа жаждущих добраться до огромного загородного мега-молла подхватила моё внушительное тело и словно пушинку втиснула в чрево старенького автобуса. Как говорится, ни вдохнуть, ни выдохнуть. Одно удовольствие. Я оказался зажатым меж двух особей женского пола с весьма симпатичными личиками. Ехать предстояло аж до самой конечной, а это, учитывая предпраздничные пробки на дорогах, часа полтора. Никак не меньше.

– Ты представляешь, наша гримза-директорша обязала всех прийти на корпоратив исключительно в нарядах «А, ля Коненкова»? Как будто мы все поголовно обязаны знать, что это за дама. Как она одевалась? Может быть вообще жила до нашей эры? Мы, что, в таком случае, должны появиться в ресторане в натуральных мехах, прямо на голое тело?

– Не знаю, как ты, Люся, а я в принципе, не против. Моя бабушка, сто раз повторяла, что нас женщин, меха делают неотразимыми. Причём, вне зависимости от размеров и форм, полученных от создателя.

Автобус остановился и... О чудо! Сидящая сзади нас стайка расфуфыренных фрейлейн освободила сразу три места. Недолго думая, я усадил на сиденья словоохотливых попутчиц и, к вящей радости своих уставших ног, уселся сам.

– Мужчина! - Обратилась ко мне та, которую подруга величала Люсей. - Раз вы стали вольным или невольным слушателем нашего с Тamarкой разговора, да и к тому же носите очки, то расскажите, пожалуйста, кто такая Конёнкова?

– Если конечно знаете. - Дополнила её подруга.

– Уважаемые попутчицы. Дозвольте привести вам пример того, что чудеса под Новый год случаются. Причём с завидной регулярностью. Дело в том, что в данный момент времени, я еду на встречу со своим редактором и везу рукопись о жизни Маргариты.

– Как интересненько! Так вы самый настоящий писатель? Живой? Естественно, книжки пишете? - Тамара дотронулась ладошкой до моей плохо выбритой щеки, проверяя её на теплокровность.

– Об этой женщине в двух словах рассказать невозможно. - Начал я свое повествование. - И боюсь, что сведения, которые мне известны, весьма печальны. Они вполне могут испортить вам предпраздничное настроение.

– Ой. Да ладно! Не испортят. Уверяем вас! - Ответила за себя и за подругу Тамара. Вот если мы заявимся на корпоратив в неподобающем наряде, то наша гримза испортит его на весь следующий год. Это и к бабке не ходи! И вдобавок ущемит материально. Причём, сильно!

– С неё станется. Корчит из себя всезнайку.. - Поддержала подругу Люся. - Смотрите автобус опять стоит. И когда тронется, никому не известно. Сделайте милость. Просветите нас. В школьных учебниках об этой даме ни слова не сказано. А ВУЗ мы с подругой заканчивали технический. Там нас на инженерш готовили. Ну, и ещё, наверное, на жён-домохозяйек. - Попутчица весело рассмеялась. - Мы вас внимательно слушаем, - она кокетливо прижалась ко мне и нежно заглянула в глаза.

– Жители готовились к первым в Советском Союзе олимпийским играм. - Начал я свой рассказ. - Нежелательные элементы, без долгих разбирательств выселялись за сто первый километр. Город-Герой Москва превратился в гигантскую стройку. И в этой предпраздничной суматохе никто и не заметил, как тихо скончалась от сильного истощения, или по-простому, от голода, одинокая женщина. В молодости сразившая своей красотой не одного из представителей мировой элиты и вдобавок ко всему, одна из бывших богатейших дам столицы. Спустя восемнадцать лет на очередных торгах в “Сотбис” были выставлены именные часы Альберта Эйнштейна, его рисунок, пара уникальных фотографий и.. ! Собственноручно написанное письмо гения. Его содержание совсем недвусмысленно

свидетельствовало о весьма нежных отношениях между великим физиком и женой известного русского скульптора, госпожой Конёнковой. Консультант известнейшей аукционной фирмы при оценке выставленных артефактов увлёкся и заявил что, вполне вероятно, удовлетворяя любопытство своей пассии, “теоретик атомной бомбы” вполне мог оказать определённые услуги советской разведчице, которую в те годы весьма интересовали достижения американской науки, особенно в области ядерной физики.

Я замолчал. Люся хотела что-то у меня спросить, но подруга решительно дёрнула ее за рукав. И взглядом показала наверх. Проследив за ней, с удивлением обнаружил, что меня слушают не только соседки, но ещё как минимум трое или четверо человек, волею толпы оказавшиеся возле наших сидений.

– Маргарита, - поспешил продолжить я, - закончила разве что женскую гимназию, тем не менее свободно владела английским и немецким языками. В Москве училась на юридических курсах мадам Полторацкой. Была знакома с Фёдором Шаляпиным, Сергеем Есениным и Всеволодом Мейерхольдом. Бог наделил девушку из далёкого Сарапула особым, наверное, самым важным для женщин даром - способностью очаровывать мужчин.

Первым был сражён наповал её красотой Борис Шаляпин, сын самого великого Фёдора. Дело шло к свадьбе. Однако девушку застукали в постели с великим маэстро. Скандал замяли. А вскоре юная особа оказалась в мастерской не менее великого человека, на этот раз - скульптора. И «русский Роден» влюбился как мальчишка. Летом 1923 года в Нью-Йорке состоялась выставка советского искусства, на которую приехали и наши супруги. А вернулись они на Родину лишь спустя 22 года.

Вам, выпускницам технического института легко представить уровень развития студентов тех далёких лет, если у них был весьма популярен анекдот: «Мужчина бежал по дороге, сильно стукнулся о столб. Свалился на землю. Кое-как поднялся, держась за ушибленное место, и помчался дальше, бормоча себе под нос: «Как же здорово, что пополам, просто великолепно, что пополам!».

Девушки недоумённо посмотрели друг на дружку, а потом на

меня, требуя разъяснений.

– В соли этого анекдота заключена формула кинетической энергии, mv ; делённое на два! Если бы не было пополам, то бедолага уже бы с земли не поднялся. Лежал бы совершенно мёртвый.

Вместо заливистого девичьего смеха я разглядел на лицах своих слушательниц лишь дежурную улыбку. И поспешил продолжить свой рассказ.

– Не могу утверждать однозначно, но, сдаётся мне, что незадолго до начала Второй мировой войны Эйнштейн банально влюбился в русскую красавицу, супругу всемирно известного скульптора.

Утверждают, что на «Лубянке» с особой тщательностью создавали легенду для этой удивительной пары. Муж ваяет для далеко не бедных американцев их скульптуры, бюсты. А его обворожительная супруга тем временем дружит с их женами и передаёт в Центр информацию. Кто из политиков, что любит и кого любит. Кто с кем и кому изменяет. Что конкретно, высокопоставленные мужчины интимным шёпотом выбалтывают своим жёнам и любовницам.

– А что же муж? Этот самый Конёнков? Ничего такого за своей жёнушкой не замечал? Совсем слепенький был? - С нотками осуждения в голосе, поинтересовалась Люся.

– Я совсем забыл рассказать вам о знакомстве скульптора со своей будущей женой. За год до революции девушка собралась было замуж за молодого скульптора Петра Бромирского. Тот, на свою беду, показал фотографию невесты Сергею Конёнкову. Девушка из Сарапула была младше мэтра на целых двадцать два года. Тем не менее совсем скоро стала его музой и гражданской женой, а спустя шесть лет - и официальной.

Однако давайте всё же перенесёмся в Соединённые Штаты, где чета Конёнковых живёт уже второй десяток лет. На мой взгляд, Сергей Тимофеевич через какое-то время стал догадываться о том, какую миссию выполняет за океаном его благоверная, но молчал. Мэтра вполне устраивал тот факт, что из СССР поступали хорошие заказы, к тому же советские чиновники щедро оплачивали аренду шикарной мастерской. Через своего любовника госпожа Лукас (оперативный псевдоним Маргариты) познакомилась с Робертом Оппенгеймером

и другими учёными, работающими над созданием ядерной бомбы. Не дремала и американская контрразведка. Из Центра поступил приказ срочно покинуть страну. Иосиф Виссарионович лично распорядился предоставить звёздной чете персональный пароход для транспортировки многочисленных работ Сергея Конёнкова. В столице им выделили огромную квартиру под жильё и мастерскую.

– И Маргарита, конечно, же не упустила возможности привезти из-за океана выкройки и ткани по последней американской моде. Я права? - При этом Люся почему-то посмотрела не на меня, а на подругу.

– Безусловно. Маргарита всегда была эталоном моды. Благо средства для этого у неё были всегда. Американские журналы мод попали в руки советских «кутюрье». Но это, как говорится, уже совсем другая история.

– А вы говорили, что она умерла ужасной смертью, всеми покинутая. Ведь Маргарита столько сделала для нашей страны, как же так? - На глазах Тамары заблестели бусинки слёз.

– Великий скульптор скончался в семидесятых годах прошлого столетия. Маргарита осталась совсем одна. Детей у неё никогда не было. Близких родственников тоже. Женщина сделалась затворницей. Внушила себе, что у неё отказали ноги. Целыми неделями не вставала с постели. Домработница издевалась над «барыней». Кормила чем попало. Однажды демонстративно отрезала рукава у шикарной норковой шубы. Воровала ценные вещи. Только шкатулка с личными письмами не представляла для неё никакого интереса.

Незадолго до смерти бывший агент Лукас попросила племянника сжечь все бумаги, адресованные лично ей. Однако письмо Эйнштейна всё-таки уцелело. Именно оно и оказалась на аукционе спустя много лет.

Автобус остановился на конечной. Народ потянулся к выходу.

Девушки хором попросили у меня визитку. – Будем вам звонить, можно?

Я кивнул в знак согласия.

– И книгу купим. Обязательно! Как Вы её назовете?

– Звезда по имени «Лукас».

**Алексей
КУРГАНОВ**

Коломна, Московская область

Курганов Алексей Николаевич, прозаик, 59 лет, образование – высшее медицинское.

Регулярные литературные публикации в местных и областных изданиях. В июле 2013 года в издательстве «Серебро слов» выпущен сборник рассказов и миниатюр «Земляки». Проживает в г. Коломна (Московская область).

Моцарт и Солярий

или

Из хроники провинциальной творческой жизни

Как известно, литературные тексты сочиняются в двух состояниях: либо от случая к случаю, когда, как говорится, Муза посетит, и вообще, есть настроение для сочинительства – либо постоянно-ежедневно, как спортсмен: хочешь – не хочешь, а тренируйся каждый день, чтобы форму не потерять. Юрий Олеша: «Ни дня без строчки»...

Что ж, у каждого – своя, только ему приемлемая «метода», у каждого - своя творческая колбаса...

Писатель Сладостанов был верным приверженцем первого постулата: писал именно под настроение, поэтому и тексты у него получались лёгкими, даже озорными и обязательно радостными, если не сказать – весёлыми. Писатель же Бубликов следовал совету Олеша, поэтому его тексты отличались значимостью (некоторые даже фундаментальностью), выглядели весомо и читались с усилием. Если же они и несли в себе некоторую долю оптимизма, то оптимизм этот был тяжело выстрадаанным и откровенно пессимистическим, даже в тех случаях когда Бубликов уверял читателя в светлом и обязательно радостном всеобщем будущем.

Несмотря на такую принципиальную разницу в творческих методах и психологических приёмах, внешне эти два выдающихся по местным масштабам «деятели пера» были поразительно похожи: оба - среднего веса, роста и возраста, оба – слегка плешивые брюнеты, у обоих – намечающееся пузцо и уже не намечающийся, а отчётливо выраженный нос картошкой. Про совершенно же идентичную оттопыренность ушей в местном бомонде даже ходила устойчивая сплетня, что у Сладостанова и Бубликова общие то ли папа, то ли мама, то ли и то, и другое сразу. Просто они сей пикантный факт тщательно и совершенно непонятно скрывают, хотя и так всем

всё видно и так всем всё понятно.

У них даже жёны носили похожие имена: У Сладостанова – Муся, у Бубликова – Нюся, а вот детей не было ни у того, ни у другого. Что ни того, ни другого совершенно не напрягало: ну, нет и нет, и хрен с ними, что нет. Без пелёнок и детских соплей больше простора для творческих свершений.

Встречались они обычно на собраниях местной литературной общественности, которые устраивались в городском отделе культуры и считались культурными событиями из категории не значимых, но многозначительных. Бубликов, как правило, критиковал (и не только Сладостанова), причём делал это совершенно беспощадно, даже с таким большевистско-иезуитским сладострастием. Сладостанов, как правило, помалкивал, глядя вокруг привычно весёлыми, мало чего понимающими и уж совершенно не кающимися глазами.

- Что такое литература? – Громогласно вещал с трибуны Бубликов, после чего многозначительно замолчал, наливал из графина в стакан, выпивал, всё с той же многозначительностью на монументально-постном лице шумно вздыхал и продолжал:

- Какие у неё задачи? А задачи у неё, товарищи, в первую очередь нравственно-воспитательные! Чтобы воспитывать читателя в нравственных началах и нравственных же идеях, которые преступать никому из нас ни в коем случае нельзя! Ни в коем! Чтобы читатель рос, так сказать, ведомый, осеняемый, осязаемый и вдохновляемый великой русской литературой, представителями которой нам выпала огромная честь!

После слова «честь» по его лицу пробегала лёгкая, еле уловимая тень брезгливости и даже отвращения, впрочем, почти никому не заметная, а кто всё-таки замечал, списывал её на нервный тик. Дескать, во как человек старается! До самых нервов! Одно определение – могучий оратор!

Далее по раз и навсегда заведённому порядку следовали казённо-дружные аплодисменты, умело провоцируемые сотрудниками всё того же отдела культуры и уныло поддерживаемые сидящими в зале «деятелями пера». На их «деятельных» лицах без труда читались скука, противная озабоченность и даже раздражение. Дескать, ну-ну. Чеши

дальше, осеняемый и вдохновляемый. Трибун ты наш, пламенный и несравненно задрипанный!

Домой после собраний Бубликов и Сладостанов возвращались вместе, потому что жили по соседству.

- Что пишется, Павел Герасимович? – Весело интересовался Сладостанов. Он всегда интересовался творческими новостями собратьев по перу. Бубликов в свою очередь ими не интересовался никогда. Он не считал местных собратьев личностями своего уровня, и вообще личностями.

- Заканчиваю роман, - со значением отвечивал Бубликов и многозначительно поджимал губы.

- «В бурю»? – Проявлял осведомлённость Сладостанов, явно желая подфартить собеседнику.

- Почему же «В бурю»? – Вроде бы даже слегка обижался Бубликов. – «В бурю» я закончил летом. А этот роман я предварительно назвал «Гроза».

- Под Островского шпарите! – Начинал совершенно легкомысленно хохотать Сладостанов. Бубликовские губы вытягивались в тонкую ниточку. Таким способом он выражал решительное несогласие со сладостановским весельем.

- Как вы изволите выражаться, шпарить я не имею привычки, - разлепив ниточку, тихим, но с очень значимым акцентом, произносил Бубликов. – Шпарят ремесленники. Я – работаю.

Слово «работаю», подразумевавшееся – «творю», произносилось с таким невыразимо весомым значением и на такой недостижимой пониманию простого смертного высоте, что Сладостанов по идее должен был упасть замертво от осознания собственных нелепости, ничтожности и никчемности. Странно, но он почему-то не падал. Почему? Ведь должен же был! Обязательно и всенепременно!

- Да-а-а.., - непонятно отвечивал Сладостанов. – Работа, работа... От неё, бывает, даже кони дохнут. А, Павел Герасимович? – И он совершенно легкомысленно толкал Бубликова плечом. Дескать, как думаешь-то, старый мерин? Дохнут? Сам-то не собираешься копыта на полку?

Бубликов считал ниже своего творческого достоинства отвечать на такую откровенную пошлятину.

- А я вот тоже... « В бурю», - продолжал Сладостанов, - Такая, Пал Герасимыч, тягомотина – но зато по заказу. Обещали заплатить.

- В гульденах? – Иезуитски искривляя рот, интересовался Бубликов. В этом названии иностранной валюты, прорывалась, наконец, вся его глубинная патриотическая сущность. Да, Бубликов был страстным патриотом! Причём считал желательным это благородное чувство пропагандировать при каждом удобном случае, а при неудобном делать это даже обязательно, даже вопреки обстоятельствам, что придавало этой демонстрации отчётливый садо-мазохистский окрас.

- Во франках, - не реагируя на подвох, простодушно признавался Сладостанов. – Французы заказали.

- Льёте, значит, воду на мельницу нашим идиологическим врагам? – Продолжал беспощадно добивать соседа-попутчика Бубликов.

- Лью, - безропотно соглашался Сладостанов. – А куда деваться? Дом, семья, алименты. Кредит ещё не выплатил за ореховый гарнитур... Так что лью, Пал Герасимыч! Плачу и лью! – и далее следовало этакое то ли шутовское, то ли гротескное разведение рук.

- Торгуете Родиной! – не принимал шутовства Бубликов. Мысль, что он и сам бы с превеликой радостью продал чего-нибудь своим идейно-империалистическим врагам (да вот только не покупают, собаки! Даже не интересуются!), была задавлена им в зародыше с беспощадной патриотической решимостью.

- А вы зря, между прочим, скоморошничаете! – Продолжал Бубликов – Они не только наши идеологические враги, но и враги нашей великой культуры! Они же покушаются на наши нравственные принципы! На святое! – И в этот момент в воздух обязательно взвивался указательный палец правой бубликовской руки, который пригвождал заграничных проходимцев, а заодно и их прислужника-приспешника Сладостанова, к позорному небесному столбу.

- Да я понимаю, понимаю..., - опять покорно соглашался Сладостанов. – А чего делать-то? Семья, кредит... У жены – придатки... Слава Богу, что не тридцать седьмой год на

дворе!

- Вот в том-то и дело! – Ехидно отвечал Бубликов, то ли осуждая всем известные массовые репрессии, то ли одобряя их классовую принципиальность. – А то бы кабы!

Они сворачивали в переулочек, выводящий к их дому, и тут же попадали в поле зрения старушек, сидящих на лавке у первого подъезда.

- Идут, - ехидно замечала первая. – Два голубка. Морды что у одного, что у другого.

- А чего им? – Откликнулась вторая. – Всю жизнь ничего тяжелее... (далее следовало простонародно-матерное название мужского полового органа)... не поднимали. Оттого такие и гладкие.

- Их бы к нам на завод, - охотно соглашалась третья. – В обрубку или «стальную». Враз бы похудели, дармоеды.

- Здравствуйте, бабоньки! – Радостно приветствовал старушек Сладостанов. – Как живёте-можете?

- Лучше всех! - Бойко отвечала первая. – И вам того же!

- И нам туда же! – Соглашался тот. Бубликов в этих придурочно-прибауточных словообменах участия никогда не принимал. - Видал я этих бездельниц в гробу и картонных тапочках», - было написано на его суровой физиономии.,- Отбросы общества. А ведь когда-то были передовыми пролетарками! Может даже, ударницами труда!

- Пошли... писать, - говорила первая, когда писатели скрывались в подъезде. – Графья толстые, едрить их... МоцартА с сальериями.

- МоцартА - это которые музыку сочиняют, - не соглашалась с ней вторая, более развитая в интеллектуальном отношении. – А Сальерий - где загорают!

- Сальерий... - хмыкала третья, ещё более интеллектуальная. – Солярый! У меня свояченица зимой ходила целых две недели на абонементе. Шестьдесят под Новый год справили, а всё перед мужиками хвостом крутит. Никакого прям приличия.

- Всё одно дармоеды, - стояла на своём первая. – В совхоз таких дубиной не загонишь..., - и вдруг вспоминала. – Да! На рынок-то сегодня ходил кто? Картошка не подорожала? А яйца?

**Николай
ЛЕУШЕВ
п. Урдома**

Здравствуйте, уважаемый Сергей Тимофеевич, уважаемая редакция журнала “Истоки”. Высылаю на Ваше рассмотрение свой рассказ “Лодка”. О себе: родился в 1956 году, в селе Яренск, Архангельской области. Закончил Архангельский медицинский институт, работаю врачом терапевтом в посёлке Урдома. Печатался в журнале “Истоки”, в альманахе “Земляки”, Журнале “Огни над Бией”.

ЛОДКА

Василий делает лодку, пятиопружку. Дело привычное, приятное. Руки сами знают, что делать. Сколько их за всю жизнь сделано, и себе, для рыбалки, и людям - не сосчитать! Плоскодонки делал из широкой доски. Долблёнки из цельного ствола - «душегубки», на воде быстрые, но вёрткие, опасные без привычки. Чуть резко, неосторожно повернулся, дёрнулся и - оверкиль! В воде рыбак. Баркасы делал, большие, на четыре больших весла, на четырёх гребцов - траву, сено возить из-за реки. Так бывало нагрузят – вода в двух пальцах от края борта! Ничего, плывут. С кормой делал, без кормы, разные... Давненько не занимался этим ремеслом. А тут, как всегда в середине лета, накатили, деньки эти... Окайные. Яркие, знойные, когда-то радостные, наполненные хлопотами, делами. Счастьем... Пустые, совсем ненужные - теперь. Да вечера и ночи эти, белые, бесконечные, принялись доканывать. Благодные, желанные, в те годы зрелые. Такие муторные, щемящие - сейчас...

Бродит старик, сутками – ни сна, ни дела! Мается.

Сунулся, с тоски, в «мастерскую» - сарайку за баней, а ОН, голубчик, – тут его и ждет! Давно забытый. Материал, – доска, бруски, ёлка. Вот - что нужно! Выволок на свет божий и пошло дело! Киль уже готов, из цельной нетолстой ёлки, к нему в пазы – опруги, шпангоуты по-мудрёному. Гнутый, закруглённый корень ёлки будет носом. Сейчас набирает борта, снизу вверх, внахлёт, из тонкой сосновой доски. Не спешит, некуда спешить, давно на пенсии. Хорошо делает Василий лодки. Шуршит из-под рубанка тонкая стружка, жёсткая ладонь привычно оглаживает доску. Ровно текут мысли. Думается о прожитом. Вспоминаются жены, дети... Первая жена у Василия была Александра. Погибла она, утонула. Река забрала. Летом, на сенокосе было. Косили за рекой, на заливных лугах. Погода стояла как на заказ, знойная, с ветерком. Сено сушило быстро: поворошил денёк и метать можно. Работалось споро. На покосы выходили всем колхозом, вместе и косить веселее и зароды легче метать. Обедали тоже вместе, на костре варили кашу или суп. Котёл огромный! Усаживались вокруг него на свежескошенной траве, взрослые, ребята. Хорошо!.. Замер рубанок на половине доски... Вечереет. Прошло стадо. Розовая пыль висит над улицей, там, в конце её, под высоким крутым берегом – река...

Очень рано, с зарей проснулась Александра, как что толкнуло её, глаза открыла – будто и не спала! Стараясь не разбудить домашних, тихонько проскользнула на крыльцо, подняла к ласковому солнышку

лицо, и... Замерла. Всё в мире изменилось вдруг: цвета, звуки, запахи - всё стало ярче и милее, необъяснимая радость теснила грудь. Неожиданные, непонятные слёзы на лице, но ни грусти, ни печали. Чудно... Как-то особенно долго собиралась сегодня невестка на покос, тщательно выбирая, что надеть. И надо же - оделась во всё новое, чистое, чем вызвала явное недовольство свекрови. Ишь, набасилась! Промолчала старая. Но когда Александра неожиданно уселась за столом не на своё место у печи, а в передний угол, испугалась даже свекруха:

- Ос-с-споди, - как гостья! Вырвалось у старухи.

- Да что вы, мамаша, смотрите – день-то какой сегодня! - Ещё неожиданнее в ответ Александра. Обедали на пожне весело, шутили, хохотали. Больше всех смеялась и радовалась Александра. Но расстелив чистое полотенце с едой, ни к чему не притрагивалась. Сидела, положив руки на колени, и всё звала подруг: «А айда, бабы, купаться!».

Наконец не выдержав, вскочила и бегом к реке! Девки, бабы за ней. Шумно было. Искупались, одеваться - похватили свои рубашки, сарафаны. Одна рубашка лежит... Разбираться - чья, кто?!

Видят – Александры! Кто-то вспомнил, что нырнула она... По ка мужики прибежали - купались отдельно от мужиков, - время ушло. Василий, резкий такой был, с ходу – нырять... Нашёл, вытащил. Давай все откачивать... Даже говорили, что какие-то признаки сразу были... Но вот уже вечер. Не воя и не причитая, горько плачет свекровь. Молчит, безучастная ко всему, пятилетняя Зойка. Трёт глаза и всё оглядывается растерянно по сторонам - не верит происходящему, старший Алёша. Голодным плачем захлёбывается в зыбке золотушный Пашка. Глядя на детей, плачет Василий. И теперь уже на своём, законном месте - в переднем углу, на столе под образами, лежит Александра. Тихая. Спокойная. Нарядная... Доска валяется на песке, сидит работник, курит... Десятки лет одно и то же видит: как в сумрачном водовороте омута серебрянно сверкают рыбки и плывёт, летит по кругу с ними обнажённая Александра. Тоже вся сверкающая, в зеленоватых солнечных лучах... Но не доплыть ему, не дотянуться... Крепкий табак нынче попался – глаза ест.

Через две недели после похорон Василий привёл в дом Наталью. А куда деваться?! Хозяйство, дома трое ребят, старшему девять, младшему – два, мать-старуха еле ходит. Сенокос в разгаре, пахоту не закончили, там, гляди и рожь поспевать начнёт. Самого сутками дома нет – много работ в колхозе в эту пору! Председательствовал тогда Василий. Ох уж эти колхозы! Кисет упал в песок, снова крутит самокрутку - не замечает. Судорожно затягивается, пальцы подрагивают. Жизни не видел, детей не видел! День и ночь работал,

а свои же, колхозные - предавали... Вредительство даже «шили», было. «Сорвал посевную!...». Всего-то на полторы недели позже сев начали. Сообщили...

Тут же проверяющий из области:

- Война идёт! Страна недополучит хлеба! Следовательно – то же:

- Вредительство. По законам военного времени! И документы уже готовы, а в поле выйти - нет их! Земля-то мёрзлая, не смотри на календарь, что конец мая. Север! Если бы не «Первый» - ехать тогда Василию не колхоз отстающий поднимать, а на «более крайний Север» и за казённый счёт, в запечатанной теплушке...

Отстоял первый секретарь. А вот на войну не отпустил. «Здесь твой фронт, – колхозы!». Сколько раз впрягался! Честный был председатель - голодал, но колхозного не брал, горсти зерна колхозного домой не принёс! Детей мучил... Видано ли где: семья председателя – и без коровы! Дети без молока. Пала тогда корова, вернее «люди добрые помогли»: притащила кишки за собой с пастбища – ткнули косой в брюхо. Забрела, видать, на чужой надел, потоптала. Петрович, счетовод, тогда, в сорок третьем: «Давай Василий Иванович, спишич, какуже телушку на падёж. Ну ли, хоть овцу! Голодают твои-то. Вон, в «Первомайском» помогают своим, «процент» - положено на падёж». «Только попробуй! Под суд отдам! Процент! Не посмотрю, что свояк!». И отдавал под суд, бил по рукам, чужим, своим. Жёсткий был председатель Василий, гордый. А «отчётно-перевыборное», глядишь, почти все колхозники и половина правления – против! Петрович какой-нибудь очередной избран председателем. Прокатили Василия. В сердцах плюнет и – в соседний леспромхоз, на валку леса, там хоть деньги. Опять жена одна дома бьётся, дети одни. Только успокоится, полгода какие-то, – предрайисполкома: «Выручай, Василий Иванович! Тебя снова в «Труженике» выдвигать будем. Двоих после тебя сменили, а всё одно - на трудодень больше четырёхсот грамм не выходит, против твоих двух кило». Председатели, ети их! Только домой мешками таскать!

Снова мечется Василий по пожням, по полям, с утра до ночи. Снова председатель. Избрали. Глаза у людей открываются, когда есть-то хочется.

Табачок потихоньку успокаивает. Звонит в руках лучковая пила, мысли постепенно возвращаются к ней, к лодке.

«Не известно, чья ещё будет...» - бормочет про себя Василий, хотя в глубине души уже определился. Знает, вернее, придумал, кто на ней поплывёт. Семья это будет: ОН, ОНА и дети, трое. «Сами они ещё молодые. ОН - крепкий такой, лет ему под тридцать, самое то, за вёслами, вот на этой скамье. Широко расставленными ногами в броднях упирается в среднюю опругу... Вёсла сделаю лёгкие, из

сосны опять же, голубые, а лопасти красным покрашу. Такие, когда из воды, мокрые, на солнце далеко видать!».

...Рукоятки у вёсел уже гладкие, отполированы крепкими мозолистыми ладонями. Уключины из цельной берёзки, прочные, не скрипят, долго не изнаются; да в рундуке запасных - пара. Гребётся мощно, аккуратно, без брызг, только ровные полосы на воде, от капелек с вёсел.

Лодка словно чувствует силу гребца: идёт быстро, ровно, послушно, как будто знает, что ценный груз везёт. Она на руле, напротив него. Совсем молоденькая. Правит, весло под мышкой держит. На голове платочек беленький, на ногах резиновые сапожки, чёрные, блестящие, точь-в-точь по полной икре. Смотрит на него, улыбается. Он, притворно грубовато:

- На реку смотри, на топляк наткнёмся! - Сам доволен. Радуетя. И от этих мыслей, наконец, тоже чуть улыбается Василий, впервые за целый день...

Наталья была второй дочерью у соседа, писаря. И было ей всего девятнадцать, но на удивление спокойно пошла она за Василия. Как потом оказалось - не от хорошей жизни в родительском доме. Не любимой дочерью была у отца. Справно жил писарь, зажиточно: новенький пятистенок, хозяйство, лошади, коровы. Со странностями был мужик. Всё парня ждал, наследника, а жена ему одних дочерей приносила. С первой как-то смирился. И потом, когда всё так же девки рождались, даже любил по-своему, младших. Этой не простил - сын должен был вторым быть! Мстил ей. Бывало, запивая, мог запросто, как котёнка, вышвырнуть дочь из избы на мороз. А когда потом младшие дочери одна за другой помирали от тифа, упрекал её, рыдал всё, пьяный: «Ты-ы-ы бы лучше померлато! Ты-ы-ы... Почему-у-у не ты-ы-ы?!».

Наталья вышла замуж «на троих детей». Старшим был Алёша. Толковый парень, умный и с хитринкой. В школу ходил за пятнадцать километров. Неохота, бывало, идти:

- Давай, тятя, лучше понянчусь с маленькими. Отправит строгий отец: «Ступай, Алёша, учиться надо!».

Уйдёт, а уже на следующий день явится обратно. Уроки не учил, в первом классе заставят букварь читать, он книжку откроет и давай декламировать:

- Ма-ма! Ра-ма! - Бойко тараторит, но каждый раз по-разному, одно и то же место. На картинку смотрит и сочиняет себе, да складно так! Хохочет папаша:

- У нас Алёша букв ещё не знает, а читает уже хорошо! Молодец!..

Умер Алёша рано - тринадцати лет, от простуды. Поздней осенью, в распуту, возвращался с учёбы. Школа была в селе, за рекой. Снег

уже лежал. Холодно, сыро; то примораживало, то оттепель с дождём. День проглядывал хмурый, короткий - с девяти до двух, а в третьем небо уже серело, сумерки подкатывали. Как красиво, весело на реке летом, как ласкова река в солнечный день! Бескрайние золотистые пески и плёсы тают в синей дымке, по берегам ярко пестреют выкошенные луга. Ходят катера, снуют лодки. Над всем этим высокое голубое небо, щебечут птицы, орут чайки, тёплый ветерок рябит волну... И как, даже не тоскливо – пугающе мрачно, смотрит большая северная река поздней осенью. Неоглядное, шире километра, тёмно-свинцовое пространство ледяной воды, полностью забитое рыхлым мелким льдом, плотным мокрым снегом – «шугой». Всё это мощно, непрестанно движется, трещит, бурлит, встаёт на дыбы. Над водой низкое серое небо, чёрные тучи, из них то дождь, то снег. И постоянный пронизывающий, холодный ветер. Кругом ни души - нечего делать на реке в это время, нечем любоваться.

Река уже стояла, вернее вставала. Не сразу она встаёт, кряхтит грозно, недовольно, натягивая на себя ледяное одеяло, укладываясь на долгую зиму. Несколько дней требуется могучей, чтобы заснуть до весны, под белым панцирем. «Сало» - шугу, небольшие льдины набивало, где поуже, и на поворотах в плотную массу, в торосы. Там уже переходили, кто посмелее. Алёша тоже не из робкого десятка и переходил, бывало, правда, не один, с товарищами. Заскучал в интернате. Долго зимника ждать! Рванул один после уроков, полтора часа - и у реки Алёша!

А тут, главное, знать – где. Да ещё досочку обязательно прихватить, не забыть! Метра полтора. Без неё – совсем страшно...

«Вот здесь надо, у кустов. В этом месте и лёд набило плотно – затор, и следы на снегу. Топтались, видно долго. Пацаны, наверно, старшие...». Тоже долго стоит, топчется, решается. «Ох, и широко же здесь - тот берег едва виден... Морозит сегодня. Может, обратно?». Смеркаться начало. Решился. Домой шибко хочется - две недели не был. Пошёл Алёша. Ну, с Богом!

Хорошо идёт, ловко, быстро. Нельзя задерживаться! Кидаёт досочку – мостик, с льдинки на льдинку, с кучки на кучку. Три шага по ней – встал на твёрдое, нагнулся, подтянул досочку – кинул дальше, снова три шага по мостику. По сторонам не смотрит - нечего там смотреть! Только – вперёд, на три шага... А по сторона-а-ам! Всё шуршит, журчит, скрипит, переливается. Льдины в затор набило плотно друг к дружке, стоя, держат хорошо. В сумерках они ярко-белые, а лужицы, промоины, полыньи, «озёра» - чёрные, страшные! Неизвестно, мелко там – льдина, или бездна... Ещё страшнее, когда громкий треск, скрип - вдруг подвижка!

Стремительно

темнеет. Но вот уже и тот берег хорошо виден, метров сорок – пятьдесят ещё... Внезапно сзади, где-то на середине реки, страшно бухнуло, затрещало. Досочка сдвинулась вправо. Вздогнул Алёша, шагнул за ней вправо и сразу провалился правой ногой! Зачерпнул полный валенок ледяной воды, но не глубоко, по колено!

Дёрнул ногу – не даёт! Зажало льдом. Диким страхом пронзило всего! Ухватившись руками за льдину, рванул Алёша изо всех сил и выдрал босую ногу из папкиного валенка! Пошатнулся, шагнул влево и тут же ухнул с головой в смертельный холод. Дна уже не почувствовал...

Секунды пролетели, минуты?.. Пока осознал Алёша, что висит на руках, держась за лёд, по горло в воде. Сжало всего страшным ледяным прессом, не двинуться!

- Ма... - Ма... - Ма... Не вдохнуть, не выдохнуть от холода...

- М-м-ма-ма-а-а!!!

Снова треск, – снова подвижка. Чуть свободнее стало ногам. Обламывая ногти, раздирая в кровь руки, колени, босую ногу, вывернул из полыньи на лёд страшно тяжёлое, непослушное тело. Тут же пополз, поминутно снова то рукой, то ногой проваливаясь в холод, уже не чувствуя его, и почти без страха; на карачках, на ощупь, наугад! Почему-то как бабка, причитая тоненьким голоском: «Осподи-и! - Осподи-и! - Осподи-и-и!».

Туда, к чернеющему спасительному берегу, к дому... Когда выбрался на дорогу, стемнело уже. Нельзя стоять! Знает Алёша - бежать надо, идти хотя бы! Семь километров. Не идут ноги... Коробом стало пальто, брюки, проволокой волосы на голове – утонула шапка, рукавицы, валенок. Не работают мышцы, сковало – будто резиновые. Смекнул, с трудом переобулся - портянку из уцелевшего валенка как мог отжал, намотал чуней на босую ногу. Крупная дрожь начала сотрясать худенькое тело, до боли свело челюсти, пугающе громко застучали зубы. Но пошёл, не чувствуя уже ни рук, ни ног...

...Как-то до дому добрёл. Забегали все сразу, завывли бабы. Забросили парня на горячую печь, растирали, завалили одеялами, полушубками, поили горячим молоком, чаем, сушёной малиной, травами. Всю ночь топили баню, парили. Молились... Но не встал Алёша. К утру закашлял, поднялся сильный жар, началась одышка, бред. Просил всё, задыхаясь:

- Лёд уберите! Лё-ёд! Грудь льдина давит. Лё-ёд уберите!..

Привозили фельдшера, на родах был в соседней деревне. Осмотрел. Диагноз поставил - пневмония крупозная.

- Стрептоциду-бы надо... Да далеко, в райцентре - сто километров с лишним.

Велел водкой растирать... Прометался Алёша в страшном жару четверо суток и умер, от крупозной пневмонии. В народе «простудой»

называли. Не лечили тогда от простуды...

Над рекой проплыли огоньки: зелёный, жёлтый. «Двиносплав» прошёл - катер, мачта только видна из-под берега. Подпрыгивают, расплёскиваются огоньки. Близко стариковская слёза... Снова шуршит стружка. «Проконопачу кручёной паклей, просмолю пеком - варом. Скамейки шкуркой отшлифую, покрашу жёлтым... Дорого не запрошу... Так отдам. На дно лодки трапик из реечек, чтобы ноги у ребят – сухие. Рядом с хозяйкой дочь, большинькая уже. Умница. Мальчишки – те на носу, «капитаны»!..

Младший Павел деловой был. Все швейные иголки, бывало, на реку снесёт. Туго с едой по весне - одна картошка. Как только ледоход пройдёт, Паша уже на рыбалке. Целыми днями на реке. Вечером шагает гордый - полный котелок плотвы в руках несёт. Ни крючков, ни лески нет, а без рыбы ни за что не вернётся! Вместо лески - волос длинный, прочный, из конского хвоста.

- Кормилец наш! - Сквозь слёзы смеётся Наталья. Последнюю швейную иголку, бесполезно прятать – найдёт Пашка! Раскалит на костре, загнёт, - переделает в крючок! Снова Наталья без единой иглы в хозяйстве. Райпотребсоюз-то - пятнадцать километров по тайге, когда ещё сбегашь! Стерпит мачеха, не ругает. Ладно - уха вечером на столе. Добытчик! Дружно жили, как брат с сестрой.

Вырос деловой Павел. Девятнадцати лет, в сорок третьем, забрали на войну. Воевал до победы, был в разведке. Вернулся живым. Гордость отцу - на груди принёс: «За отвагу», «Красную звезду» и Орден Славы. Да две нашивки за ранения. Как, где - не рассказывал, не любил. И ещё одна беда, без нашивки, позже обнаружилась. Испортила его война – сильно выпивать начал...

Не взяла Пашу война. Погиб дома. Нелепо погиб - утонул. На машине везли из райцентра товары в поселковый магазин. Выпили, по пути добавили, мужики - в кузов, на ящики с макаронами, курить. Павел - за руль. Хорошо поехал, но там, где дорога вдоль реки, вдруг съехал в воду. Мужики с хохотом поспрыгивали, не глубоко вроде! Паша выбраться из кабины не смог...

Дочь чаще вспоминается уже большой, взрослой, двадцать девять ей было... А родилась слабенькой, думали, не выживет. Мать всё плакала, Бога молила. Отставала Зоя с самого рождения. В пять лет не говорила ещё, бродила за бабкой, держась за подол и всё пальчик в рот. Так и росла рядом, как подорожник какой, тихая, незаметная, безмолвная. В школу не ходила вовсе. «Засматривалась» она. - Родимчик её забирает! Святой водой-бы надо! Заговором! - Советовали бабки. Делает что-нибудь Зоя по дому или на улице и вдруг застынет. Смотрит, смотрит перед собой через предметы, как будто видит что. Потом падает и судороги. Припадки у неё

были. Не помогали заговоры... Дома сидела. Молоденькая мачеха, натерпевшись обид от жестокого отца, жалела её. И Зоя привязалась к ней, полюбила. Летом Зоя постоянно на огороде. Когда повзрослела – много работала. Но в лес, на сплав, у механизмов - где заработки, её не брали. А работать хотела, помогать хотела, видела, как трудно живётся семье. Высокая была, баская, а гулять не ходила. Хорошая была. Работала, работала... О чём думала? Тосковала?..

Хотела, наверно и гулять, и дружить. Любить, нянчить своих детей. Был, может и тот, единственный, при случайных встречах с которым, тревожно и радостно билось девичье сердце... Никто уже не узнает. Тогда всё некогда было спросить - сейчас уже не спросишь... Сутками метался Василий по реке, на катерах, на своей трёхпруске, по затонам, отмелям, кустам - безрезультатно. Искал, кричал, звал Зою. Хотя сразу понятно было - бесполезно звать. В память врезалось: лето, жара, ярко светит солнце, ослепляюще блестит река, а глянешь на небо – чёрное небо! Реку даже просил, чтобы отдала дочь... Отдала...

Дома сидит Василий. Сам почернел. Без сил уже - ни сна, ни еды. Видит вдруг - один прошёл, другой. Вышел на улицу: люди всё идут, идут куда-то, быстро идут, молча... Побежал отец, понял всё сразу. На реку...

А взяли Зою на катер, когда Василий был на сплотке, в соседнем леспромхозе. И взяли-то сходить вверх по реке, на нефтебазу за горючим - мазут, солярка, масла там всякие. Тут всего: день - туда, день – обратно. Помощником взяли, шланги подавать, сторожить. Некого больше было, лето – все на сенокосах, на сплаве, не хватало рабочих. Да и сама просилась. Опять же люди на катере постоянно: капитан, он же рулевой - за штурвалом, да моторист. Тот, правда, в моторном постоянно...

Ходили с баржей, на короткой сцепке. На барже две-три большие бочки – ёмкости, вот туда и заливали. Ну, а помощник - он на катере в трюме, или на барже, вроде бы, и под присмотром. На базу пришли, загрузились, обратно вышли – всё нормально. Рулевой вперёд смотрит, моторист - у мотора. А когда пропала помощница - и не заметили. Всё, вроде, в трюме была...

С вечера собралась Зоя на работу: тщательно прибралась в доме, вымыла полы, приготовила, что надеть с утра - всё новое, чистое. Утром вскочила, быстро оделась. В сумку – ломоть хлеба, пучок лука, молока бутылка и бегом на реку.

«Господи, день-то какой сегодня!» Монотонно стучит дизель на «Шиговарах», шустро бежит катерок вниз по реке. Вечер. Полный штиль. Закат. Не слышно птиц и не мешает шум мотора. Тишина. Зоя на корме. Плывёт с ней вместе золотисто-розовое небо. И плавно,

вправо-влево, разваливаются волны. Две первые - большие, ровные и гладкие. В них небо изгибается, переливается причудливо, дрожит. За ними мелкие, - все с гребешками, пузырями, пузырьками. Разбивается и рассыпается в них «золото» на миллионы разноцветных огоньков и бликов. Тёмно-зелёные огромные шары, валы всё выплывают у кормы. Манящие, тяжёлые, густые. И хочется смотреть, смотреть и невозможно взгляда оторвать... Так плыть всю жизнь, не помня горя, ни печали, забыв насмешки, взгляды и обиды. Как хорошо, легко сегодня на душе. И радостно, и больно, слёзы на глазах! И все зовёт, зовёт её куда-то голос, такой знакомый, ласковый, родной. Засмотрелась Зоя... Искали её долго, больше недели... Нашли Зою плотогоны – с плота увидели, на плоту и повезли. На встречу из посёлка вышел катер, с плотом-то не причалишь. На катере довели, на «Шиговарах». Туда, на берег, и бежит Василий. А как выбежал к обрыву - подкосились ноги, оставили его силы...

Похоронили Зою в селе. В посёлке не хоронят - заливают река посёлок каждую весну, в половодье. Топит. Могилка её недалеко от церкви. Там и лежит его Зоя. Бедная Зоя. Хорошая Зоя.

Темнеет. Прохладная пыль под босыми ногами. На зеленоватом небе загорелись звёзды. Летят гудки со стороны реки и всё плывут, дрожат там изумрудные, янтарные огни... Давно уже нет и Натальи...

Снова курит Василий Иванович, глаза влажные. Поплакал - чего скрывать. Полегче стало на душе, и пусто как-то... Вот поплывут на его лодке те – молодые, дружные. «Просто так» поплывут, у костра посидеть, отдохнуть, как сейчас говорят. А вечером на берегу, на лавочке, их старики. Она:

- Глянь, не наши ли гребутся?

Он: (давно уже увидел и радостно узнал по этим вёслам – два красных солнышка всё загораются в гребках!) - На-а-аши, мать, наши!

Мечтает Василий. Но давно уже никто не заказывает ему лодки. Сейчас всё больше на дюралевых, из магазина. Прочнее и с мотором - сила, скорость. Отлично делает Василий лодки. Славные получаются, красивые, лёгкие. Мастер Василий. И рыбу хорошо ловит. Но давно не был он на рыбалке. Давно уже не любит Василий рыбалку. Не любит реку. Совсем темно над лодкой. Рубанок «вжикает», поёт пила, белеет стружка на песке. Работает Василий. Улыбается.

В гостях журнала поэты Крыма

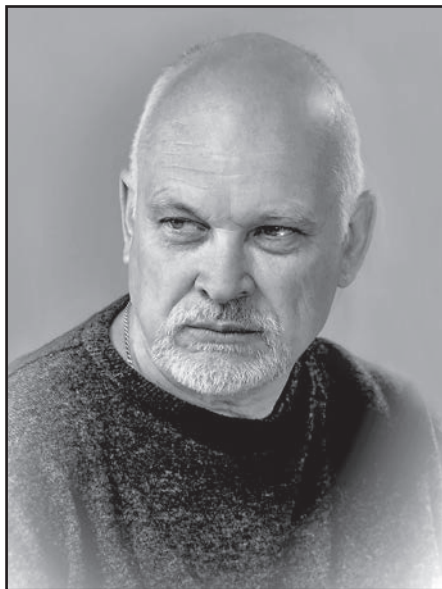

Расстояние от Нижнего Ингаша до Симферополя (столицы Крымской республики) 4416 км. (по прямой). А в творческой дружбе литераторов Крыма и Сибири расстояния вообще нет. И дружба эта началась в августе 2012 года, когда журнал «Истоки» был представлен на Международном фестивале литературы и культуры «Славянские традиции» в Крыму. С той поры литературные издания «Истоки», «Литкультпривет!» (Сибирь), «Доля», «Крым» (Республика Крым) регулярно обмениваются своим творчеством.

В этом номере представлены поэты: Валерий Басыров, Равиль Валеев, Ольга Голубева, Лариса Афанасьева, Владимир Миронов-Крымский и Виктория Анфимова.

**Валерий
БАСЫРОВ**

Симферополь.

Валерий Басыров — поэт, прозаик, переводчик, книгоиздатель. Окончил Литературный институт им. М. Горького СП СССР. Автор тридцати поэтических и прозаических книг. Его произведения переводились на украинский, крымскотатарский, татарский, турецкий, польский, английский, немецкий, французский, итальянский, азербайджанский языки.

Член Союза писателей СССР, Союза писателей Республики Крым и Союза переводчиков России. Лауреат ряда литературных премий, в том числе международных.

КОМЕНДАНТСКИЙ ЧАС НА ДОНБАССЕ

* * *

Мой путь
между
Жизнью
и
Смертью.
Так долго бреду,
что уже
замерзает душа...

МАЙ 2017-ГО, ГОРЛОВКА

Я не был на передовой,
но видел
стены в шрамах от осколков.
Разрывы слышал
и снарядов вой.
А в сумерках,
в сопровождении бродячих псов,
спешил укрыться в доме —
гнал комендантский час.

Я не был на передовой,
но слух воспринимал
короткую беседу автоматов,
глаза ловили
в тёмном небе
горящий беспилотник ВСУ.

Я не был на передовой,
но с ополченцами встречался.
А были среди них
и жители Донбасса,
и серб,
француз,

поляк,
американец,
немец...

Когда я у последнего спросил,
что привело его сюда,
в ответ услышал:
«Я не хочу,
чтобы фашизм
пришёл
в мою страну».

Я не был на передовой,
но заколоченные двери,
перебинтованные окна
мне говорили о другом:
фронт здесь —
между добром и злом.

Я не был на передовой —
найти её
мне было сложно:
война
вокруг меня
кружилась...

* * *

Сгорает всё —
от чувств
до смерти.
В цепочке этой бытия
у жизни
шансов нет.

ИСТИНА ТАМ

Над горизонтом
Ветер
машет облаками...

О чём сигналил он?
А может, хочет сдаться,
увлекая?

Чем пристальнее
вглядываюсь
в мир,
тем дальше
ускользает
истина познания.

Мне не найти её.
Она не здесь.
Она —
за горизонтом.

ПОСЛЕДНЕЕ ЖЕЛАНИЕ

Я знаю,
что умру во сне —
поэтому
так трудно засыпаю.

Всевышний,
сжался надо мной:
когда я буду уходить,
позволь
увидеть
Смерть
свою.
В глаза хочу ей посмотреть...

УГАСАНИЕ

Нас в этом мире
на плаву
поддерживают
Долг,
Любовь.

Без них
нет смысла в бытие.
На смену им,
наверное,
приходят
Старость,
Смерть...

Я — ТОЧКА

Не люблю оглядываться.
Что проку в том, что было?
Воспоминания либо раздражают,
вызывая чувство стыдливости,
в лучшем случае,
либо уводят далеко от реальности,
где находиться не всегда комфортно.
Но и с завтрашним днём
не хочется
завязывать дружеские отношения,
ибо иллюзорная надежда на будущее
уводит от реальных поступков.
Я — сегодняшний.
Прошлое давно отпустило,
а в будущем
меня на физическом плане не будет.

Я — точка,
в которой сошлись
прошлое,
настоящее
и будущее.

Я — точка,
вобравшая в себя
события
из трёх измерений,
которые
мне удалось нанизать
на временное пространство.

* * *

Кто уходил
или ушёл —
не возвращайтесь:
вы для меня
чужие.

Лишь
для любимой
подарить готов я
Время.

* * *

Нет смысла считать
ступени дней и лет
на лестнице жизни —
они всегда
обрываются
внезапно...

* * *

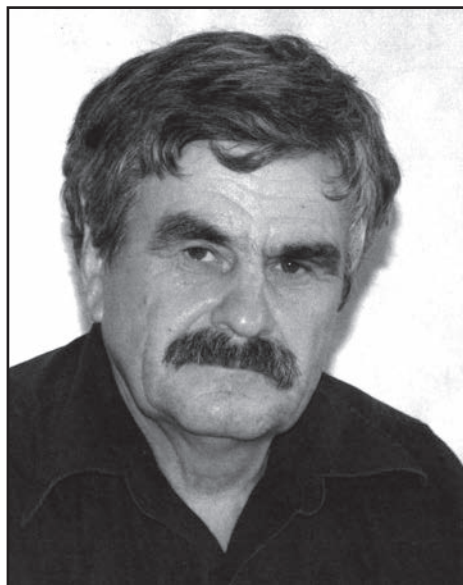
На выжженном поле Любви
я провёл много времени.
Счастлив:
всходы увидел —
даст Бог,
урожай соберут другие...

* * *

Когда чувства мелеют, —
заканчивается Жизнь...

**Равиль
ВАЛЕЕВ**

Алушта.

Равиль Валеев — поэт, член Союза писателей Республики Крым, председатель алуштинского ЛИТО, многократный лауреат поэтических фестивалей и конкурсов различного уровня, обладатель Гран-при Международного литературно-музыкального фестиваля «Интеллигентный сезон-2017».

УМИРАЛА СТАРУШКА

Умирала старушка в ленинградской квартире,
Голод высушил тело, седина цвета стали,
А с неё «Незнакомку» в прошлом веке писали.
Всё в военном пожаре, все забыли о мире —
Смерть играет ноктюрны на безумном клавире.
А так хочется света, чуть побыть в пасторали,
Ну хотя бы наестся, танцевать в светлом зале.
Замирая в объятьях, всё считать «три-четыре»...
Умирала старушка в ленинградской квартире.
В ветхом старом комоде под защитой вуали
За Гражданскую орден и другие медали,
Фотография сына в генеральском мундире.
Далеко сын запрятан лагерями Сибири,
Голод высушил тело, седина цвета стали.
За окном на портрете улыбается Сталин:
«Мы врагов победили, власть советская шире».
Но победные речи бьют из памяти гирей —
Там, в большом кабинете, мать и сына пытали,
А с неё «Незнакомку» в прошлом веке писали.
Вспоминается Питер, муж, убитый в трактире,
Из подруг — Зинаида, всё отдавшая лире.
Жизнь тихонько уходит, вдаль стремясь по спирали,
А недавно на внука похоронку прислали.
Всё в военном пожаре, все забыли о мире...
Умирала старушка в ленинградской квартире.

ВСЕВЫШНИЙ, ДАЙ ЧУТЬ-ЧУТЬ ДОБРА

Всевышний, дай чуть-чуть добра,
Чтоб мог простить своих врагов,
Достичь блаженства берегов —
Мне успокоиться пора.
Под шевелюрой серебра
Инстинктов меньше, чем мозгов,
Но уступить ты не готов

Тепла от первенства костра...
Всевышний, дай чуть-чуть добра.
По жизни не богат улов —
Остатки выбитых зубов,
От дам, ушедших, веера.
Убрать бы едкости пера,
Чтоб мог простить своих врагов.
Дождей, прошедших четвергов,
Не донесли ко мне ветра,
Не помогли и буера,
Застряв в суетности снегов,
Достичь блаженства берегов.
Сюрпризами судьба щедра —
Родители пришли вчера,
Ворвавшись в вереницу снов:
«Уйди из банды крикунов».
Мне успокоиться пора,
Всевышний, дай чуть-чуть добра.

ГДЕ МОЙ ОБРАЗ, НИКЕМ НЕ ТРЕВОЖЕННЫЙ

Где мой образ, никем не тревоженный,
Попадающий в цель без погрешности?
Под густыми кустами словесности,
Словно зверь колдуном замороженный
Затаился, а я, заторможенный,
Пропадаю в глухой безызвестности.
Отыскать бы его теплосканером,
Эту тварь обложить бы капканами.
Моё сердце, покрытое ранами,
Бьётся ветром терзаемым банером —
Время мчится безудержным таймером,
А не узнаю многими странами.
По нужде испражняться сонетами,
Быть в фарватере моды течения,
Строгих мэтров ловить предпочтения,

Восхищаться стихами с «приветами»
И не ржать над начальства советами,
Чтоб тебе предавали значение.
Праздник жизни с крутыми попойками —
Почитается Бахус эстетамы,
Восхищаются дамы отпетыми,
И сюжеты рождаются койками,
Уносясь вдаль цыганскими тройками...
Не иссякнет Россия поэтами.

ПОГОСТЫ ЗАРОСЛИ ТРАВой

Погосты заросли травой —
Забыты предки,
И мужики бредут гурьбой
Гулять к соседке.
У той нагулянный малец —
Слюнявый даун.
Хрустит закуской огурец:
«За Русь-Державу!».
Вновь прогуляли сенокос,
Грядёт уборка.
Парнишка, что едва подрос,
Блюёт в ведёрко.
Ведь если кто-то бросит пить,
То избу спалят.
Кругом разруха, грязь и гниль...
Гуляй, славяне!

ИГРАЕТ РОНДО БЕСПРОСВЕТНЫЙ ДОЖДЬ

Играет рондо беспросветный дождь,
И пузырьятся, разрастаясь, лужи.
Какой печальный наш прощальный ужин —
Как будто в гроб вколачивают гвоздь

Тому, что, так мечтаясь, не сбылось.
Как хрупкий иней предстоящей стужи,
Колье из мной подаренных жемчужин
Змеёй твоя сжимает крепко горсть...
Играет рондо беспросветный дождь.
Должны спокойными остаться души —
Привычной жизни ритма не нарушим.
Запретного отведали мы гроздь.
Смывает ливень для супругов ложь,
И пузырятся, разрастаясь, лужи.
Любое слово будет неуклюжим.
К чему раскаянье и на кого-то злость?
Судьба слепа, Её стучится трость
Путём, что будет временем завьюжен.
Какой печальный наш прощальный ужин!
Любовь внезапная прошла насквозь,
На сердце не убрать теперь борозд,
Хотя остались прежними снаружи.
Мы панихиду отпуску отслужим,
Как будто в гроб вколачивают гвоздь...
Играет рондо беспросветный дождь.

Я СОБИРАЮ ОЖЕРЕЛЬЕ СЛОВ

Я собираю ожерелье слов,
Рассыпанных весной по мягким травам.
Любви по жилам сладкая отрава —
Ну, наконец, нашёл принцессу снов.
Сюжет до безобразия не нов:
Судьба скрутила с яростью удава,
Но руку протянула мне чернява,
И вопреки сказаньям вещунов
Я собираю ожерелье слов.
До дрожи по истрёпанным суставам
Зовёт в горах заря небес расплавом
Вдыхать волшебный дым ночных костров,
Тонуть в дурмане луговых цветов,

Рассыпанных весной по мягким травам.
С прищуром улыбнулась жизнь лукаво,
Преподнеся прекрасный из даров:
Истоком из замшелых валунов,
Печаль сжигая, как вулкана лава,
Любви по жилам сладкая отрава.
Любви случайной я не рыболов,
Мне нужен спутник, верный до основ,
И пусть её ладонь груба, шершава,
Всевышнему пусть будет вечной слава:
Ну, наконец, нашёл принцессу снов...
Я собираю ожерелье слов.

СТИХАМИ ЛИСТЬЯ ПЛАЧУТ НА ВЕТРУ

Стихами листья плачут на ветру,
Кустарник по могиле ветви стелет.
Навек поэт остался в Коктебеле,
Встречая первым солнце поутру.
Плита подобна тёплому костру,
Что согревает путника доселе.
Стоящему у каменной постели
И в холод, и в июльскую жару
Стихами листья плачут на ветру.
Войны гражданской страшные качели —
Террор людей, как жерновами, мелет.
Спасал людей у смерти на пиру.
Талантом совершённомu добру
Кустарник по могиле ветви стелет.
С душой ребёнка в грузно-гучном теле,
Что обожает шалость и игру,
Отдавший дом собратьям по перу,
Творивший на заоблачном пределе,
Навек поэт остался в Коктебеле.
Срывает время фальшь и мишуру,
Не гасит у Волошина искру.
На память о бесстрашном менестреле

Пускай звучит над Киммерией шелест,
Встречая первым солнцем поутру.
Стихами листья плачут на ветру...

ПОЕДЕМ, ЗИНА, В КАРАНТИН

Поедем, Зина, в Карантин*.
В ландо поедem, словно графы,
Увидим стены древней Кафы,
Коснёмся времени седин.
Цветаевой Марины сплин
Висит над тропкой звуком арфы,
Кивают шеями жирафы —
На море мачты бригантин.
Поедем, Зина, в Карантин.
Над Феодосией октавы
Читает ветер, хочет славы,
Поэта меряя аршин.
Любимая, на зов витрин
В ландо поедem, словно графы.
Мы получили помощь Марфы**
В годину горестных кручин —
С тобою стал я не один.
Друг друга крепко мы обнявши,
Увидим стены древней Кафы.
К закату солнца апельсин
Кровавит моря желатин.
Пока читаем жизни главы,
Да, помоги нам, Боже правый,
Коснёмся времени седин.
Поедем, Зина, в Карантин.

**Карантин — район города Феодосии с остатками генуэзской крепости.*

***Святая Марфа — в православии покровительница семьи.*

**Ольга
ГОЛУБЕВА**

Симферополь.

Ольга Голубева — поэт, переводчик, песенник. Член Союза писателей России и Союза писателей Республики Крым. Автор слов Государственного гимна Республики Крым.

Удостоена звания «Почётный крымчанин», награждена Симферопольским знаком отличия «Звезда славы и почёта».

Автор восьми сборников стихов и переводов, четырёх альбомов песен, множества публикаций в Крыму и за его пределами (в Москве, Киеве, Донецке, Мюнхене, Казани, Петрозаводске и других городах).

Лауреат Международной литературной премии имени Бекира Чобан-заде,

Международного конкурса переводчиков тюркоязычной поэзии «Ак торна» (г. Уфа), Всеукраинской премии «Золотая Фортуна», Всероссийского фестиваля-конкурса «Поэзия русского слова» (г. Анапа).

Из книги «Расплескалась в душе заря...»

С Днепра не увидеть Волги,
Но рядом их берега,
И будут дрязги не долги,
И будет боль не долга...

Мы крепко сбиты навеки
Гвоздём с одного креста,
И будут полными реки,
И будет вода чиста...

Уйдут грозовые тучи,
Я верю и не боюсь
Увидеть с днепровской кручи
Родную Матушку Русь!

Я ничего не знаю о войне —
Я не бывала никогда на ней:
На фронте, в оккупации, в плену,
Не провожала мужа на войну...

Я ничего не знаю о войне —
Я не жила в том самом страшном дне,
Когда пришла беда на всех одна,
Когда на мир обрушилась война...

И всё-таки в вечерней тишине
Я плачу, вспоминая о войне,
И всё тревожусь посреди весны —
О боже, лишь бы не было войны...

Ещё будет весна,
А не только горячее лето.
Ещё будет луна
В звёздном блеске гулять до рассвета...

Ещё будут цветы,
А не только шиповник колючий.
Ещё будут мечты
Пробиваться сквозь серые тучи...

Сотни ласковых слов
Заглушат вдруг раскаты орудий.
Ещё будет любовь —
Как не быть, обязательно будет!

Шелковица созрела, осыпаясь,
Догадливые птицы тут как тут,
Со всех сторон под сень ветвей слетаясь,
Разбросанные ягоды клюют.

И воробьи теснятся, и вороны,
И голуби немного погодя...
Шелковица раскидистою кроной
Всех защитит от ветра и дождя.

Быть может, мы с тобой, подобно птицам,
Оставив разногласия свои,
Сумеем насладиться и укрыться
Под благодатным деревом любви...

Снова сердце щемит
И легко, и светло,
Помнишь, встретились мы,
Помнишь, солнце цвело...
И звенела листва,

И светились глаза,
И летели слова
В облака, в небеса...
Помнишь, тихо сердца
Опускались скользя,
От души, от лица
Оторваться нельзя...
И казалось, на миг —
Оказалось, навек...
Снова сердце щемит,
Снова кружится свет!

Она прилетает всё чаще,
Казалось бы, только была,
И вновь птицей, к югу летящей,
Свои распростёрла крыла
Над садом, где жёлтые кроны,
Над парком, где кроны красны,
Где дремлют каштаны и клёны,
Мечтая дожить до весны...
Опять эта серая птица
Качнёт ненароком крылом,
И дождь будет литься и литься,
И тучи окутают дом,
И вечер — с туманом в петлице,
И утро — с неясной зарёй...
А осень огромною птицей
Парит и парит над землёй...

И сказала Россия — своих не бросаем,
Всё зачтётся на Божьем суде!
И проснулась земля, как девчонка босая
Побежала навстречу судьбе...

И уже за весной пробивается лето,
Дышит море, прибоем звеня.
Можно лишь пожалеть не увидевших это,
Не доживших до этого дня...

И откуда-то вдруг появляются силы,
Дух трепещет, как флаг за кормой,
Словно песня звучит — Крым вернулся в Россию!
Просто взял и вернулся домой!

Я так тебя люблю —
ещё сильнее, чем раньше,
Не празднуя побед, не требуя наград.
Признание своё со знаменем на марше
Готова пронести как лучший транспарант...

Готова прокричать ещё сильнее, чем раньше,
Чтоб слышали меня во всех краях земли, —
Я так тебя люблю!
Мы просто стали старше,
И страсти улеглись, но чувства не ушли...

Но чувства греют нас ещё сильнее, чем раньше,
Был век минувший крут и наступивший — лют,
Но вечная любовь опять стоит на страже,
Запомни навсегда:
Я так тебя люблю!

Поэзия

Лариса АФАНАСЬЕВА

Белогорск.

Лариса Афанасьева — поэт, филолог, общественный деятель. Член Союза писателей Республики Крым, Всекрымского союза писателей-маринистов. Автор двух сборников стихов. Организатор творческих встреч поэтов, прозаиков, бардов Крыма, Украины и России с учащимися в школах, колледже, библиотеке Белогорского района.

Публиковалась во многих литературных газетах и журналах, в сборниках и альманахах.

Лауреат международных литературных фестивалей: «Боспорские агоны», «Пристань менестрелей», «Алые паруса», «Чеховская осень», Всеукраинского песенно-поэтического турнира «Рыцари слова», Всероссийской литературной премии им. Николая Гумилёва (2018).

* * *

Осень бабкой дряхлюю раскисла —
Не помочь словами.
Выронили руки коромысло
С вёдрами-дождями.

И линяют краски молодые —
Дар весёлый лета.
Колокол церковный гулко стынет
Нотой недопетой.

И каштаны, ржавчиной задеты,
Пригрустнули тоже,
Всё роняют голых своих деток
На ладонь прохожим.

* * *

То ли капризы зимы,
То ли весенние шалости —
Снова снегами мы
Заметены без жалости.

Снова в морозный плен
Взяты рассветы алые.
Ветрами перемен
Март не желает жаловать.

Только назло судьбе
Или морозу жгучему
Буду светить тебе
Солнечным первым лучиком!

ПЛАЧ ПО УЧИТЕЛЬСТВУ

Кого своим учителем зовём?
Того, чей труд не оценить деньгами,
Кто наяву и в мыслях вместе с нами
Одoleвает к знаниям подъём.

Кто в холоде, при меркнувших свечах,
Забыв, что в доме мрак и беспорядок,
Над грудями исписанных тетрадок
Забудется в нечаянных слезах.

Всех жаль: Муму, Татьяну, ямщика,
Ученика, которому несладко,
Страну, где с нами власть играет в прятки.
И своего уснувшего сынка,

Которому, увы, без кошелька
Не поступить и не пробиться в жизни...
А утром будем славу петь Отчизне
И ждать с надеждой нового звонка...

Но будет этот мир в веках стоять,
Пока нам есть кого Учителем назвать!..

* * *

Окончен год, и новый выпускной
Идёт навстречу юным и красивым.
И хочется, чтоб каждый был счастливым,
Вступая в мир ликующей весной.

А мама потихонечку всплакнёт.
Родных учителей грустнеют лица.
И в жизни много разного случится,
Но школа вечно в памяти живёт.

Мы помним удивлённых и смешных,
С бантами и цветами первоклашек,
Но школьный вальс звучит прощальным маршем,
И столько лет слились в единый миг!

И чтоб для вас всегда была светла
В грядущее счастливая дорога,
Сойдя сейчас со школьного порога,
Спешите делать добрые дела!

* * *

Чем могу я себя вдохновить?
Терпким зноем ушедшего лета,
Ароматом засохших букетов,
Что прозрачен и лёгок, как нить
Из шитья невидимки-принцессы.
Для какого лихого повесы
Ей одежды воздушные шить?
Унесётся в незримую даль
Милый призрак в объятых тумана,
Только лёгкая горечь обмана
Мне напомнит цветущий миндаля,
Нежно-розовой дымкой пьянящий,
Или первый морозец хрустящий,
Что развеет на сердце печаль.

* * *

Я устала от грома кастрюль,
От попыток продукты достать.
Возвратиться бы в знойный июль
И трещанье цикад услышать,

Да в прибой полночного зов
Окунуться, печали забыв...
Мне ракушку с чужих берегов
Подарил бы, ласкаясь, прилив.

Сказки странствий, притихнув, шептал
Южный ветер-сорвиголова,
И над вечностью моря и скал
Выгорала б небес синева...

Но — зима. Впереди Новый год.
Как всегда, хлопочу у кастрюль
И надеюсь: ещё повезёт —
Мы нырнём в долгожданный июль...

**Владимир
МИРОНОВ-КРЫМСКИЙ**

Ялта.

Владимир Миронов-Крымский — художник-график (акварелист), поэт, основоположник арьергардизма, член Союза писателей Республики Крым, Российского союза профессиональных литераторов, автор трёх книг, участник антологий и семнадцати поэтических альманахов России, Украины, Белоруссии, лауреат и член жюри ряда поэтических фестивалей, лауреат Пушкинской премии, литературно-общественной премии «Золотая осень» им. С. А. Есенина, литературной премии им. М. Матусовского, лауреат Международного литературно-музыкального фестиваля «Интеллигентный сезон-2017» в номинации «Поэзия».

ГРЯЗЬ

Я вернусь к тебе, Русь бездорожная,
Встретит осень сапожную сыростью...
Лес, низина, увязну я дрожками —
Остаётся взывать к Божьей милости.
А дорога, как в язвах, — в ухабинах,
Раскисает, корёжится, крутится,
Изувечена вся, испохаблена
Деревенской осенней распутицей.
Лошадёнка дождями исхлёстана,
Жидконогая, да худосочная,
уж не сдюжить ей грязь подколёсную,
(Не суди, захолустная вотчина!)
Поскользнётся, да в жижу разъезжую
Поползёт, будет чавкать копытами...
Ни назад, ни вперёд — «ну, хоть режь её»,
Две версты для неё станут пытками.
Две версты ей покажутся вечностью,
Жёлто-сизую и безликою...
Торопить будет день скоротечностью
И кровить предзакатными бликами.
От бессилья слезина покатится —
Лошадиный предел безысходности...
Тонет жизнь, как в грязи, в неурядицах:
«Как тут век прослужить? — хоть бы год снести!

.....
Выпрягал и тащил бедолажную
(Дал к упрямству Господь силу воли мне),
И оставив повозку с поклажею,
Утопая в грязюке по голени,
Чудом вышли!.. Гигантской горошиной
Солнце пало на слякоть осеннюю...
Только плача, на упряжи брошенной,
Колокольчик взывал о спасении...

ПСКОВ

Ветхозаветная Божия тишь,
Псков, куполами церквей, будто шлемами,
в небо врастаешь и пристально бдишь,
Русь охраняя от пришлого племени
войск иноземных... Встаёт над водой

Крепость — грудь витязя — не одолеть её.
Двадцать веков — Псков ещё молодой,
В пору бы справить совершеннолетие.
Барс на гербе, свыше Божеский перст,
Ты, страж Руси — больше спрашивать не с кого...
Северо-западный щит её, крест
С образом иконописного Невского!
Жалко, что тленна письмен береста,
Люд позабыл твою дату рождения...
Город — ровесник Иисуса Христа,
Видно божественно происхождение!

ДЕРЕВЕНСКАЯ МУЗА

С. Есенину и поэтам деревни посвящается

Где-то в мареве лет распахнулась,
Заприметилась в памятном дне
Васильками пропахшая юность
В деревенской глухой западне.
Я в плену эпохального мира,
Ночи мне романтичны в стогах,
Где звучит «сеновальная» лира
У веснушчатой Музы в руках.
Может, греческих Муз и не нужно? —
Коль от русских теряешь покой...
Сколько их на селе, незамужних? —
И одна распрекрасней другой!
Девке дай сарафан да кокошник —
Душу разбередит под гармонь!
Ой, найдётся ли Муза роскошней? —
Если пышут в ней страсть да огонь,
Зной любви, ругань, святость причастья,
Счастья реки, желаний пески...
Боже, как это мне в одночасье
Бедолажно взвалить на мозги?!
Ведь от Бога у русской Эрато
Суть и стать есть, и кровь с молоком —
Вдохновение нашему брату
С ностальгией к серпу с молотком,
Да к просторам звенящего луга,
К шепелявому свисту косы
В геометрии полукруга
С километрами полосы!
Взять бы Музу, подальше забраться

В ту беспутную рожь у реки,
Где любовь расстилагает убранным
Голубые до слёз васильки,
Где строка глубока и капризна,
Как стремнина в слиянии рек
Деревенского имажинизма,
Что уносит в Серебряный век!
Верьте в Муз! И божественным светом
Снизойдут с васильковым дождём
В души к вам, деревенским поэтам,
К тем, кто в русской глубинке рождён.

ПРИЛАГАТЕЛЬНОЕ

Это слово мне послано свыше,
Ибо ходит за мною, преследуя,
От рожденья в затылок мне дышит,
Но готов с ним идти на край света я!
В полном смысле — мой ангел-хранитель
С незабвенной душой — до молчания...
Дюжей силушки (если хотите)
И терпения до нескончания!
В этом слове найдёте былинность,
Звон цепей, ломоть хлеба насущного,
Удаль, волю, и меч, и повинность,
И любовь на всю жизнь, что опущена!
Это слово — мне крест и нагрузка,
Грубо, дерзко и где-то ругательно...
Но горжусь прилагательным РУССКИЙ,
Что оно и ко мне прилагательно!

ПУШКИН В МИХАЙЛОВСКОМ

Мне ссыльные ветры накаркают зиму,
На крыльях вороньих снега принесут,
В садах омертвелые яблоки снимут...
О, глушь, где не властны ни царь и ни суд.
Где путник версты без ружья не проедет,
Где волки лютуют, конины вкусив,
И лихость — верхом (лучше ехать в карете) —
В дороге умей выживать на Руси!
Деревня. Уж в прошлом Одесские пляжи,
Свет, женщины, карты, интриги, раздор...
Здесь только метель светской ведьмою пляшет,

Избрав мне тюрьмой родовое гнездо.
На вотчину сослан, живу под арестом,
Лишь душу мою бередит Купидон,
Вручая туза, да не червы, а кресты,
Чтоб мнился «казённым» родительский дом.
Вперёд мне наука, и ныне, и присно —
Вскрывают на почтах депеши к друзьям!
Жизнь учит писать осторожные письма,
Нас — вплоть до острожных цепей или ям.
Но местный мужик здесь не ропщет, не кланчит:
Разбой на дорогах — страшнее суда...
Так пусть же трясутся почтовые клячи,
Раз в месяц по службе заехав сюда,
Где пахнут дремучестью первые снеги,
Край полон истории, сказок и снов...
Ещё не закончен «Евгений Онегин»,
Уж лёг под перо мне «Борис Годунов».
Здесь Музы невольно мой ум осеняют,
Полезной мне станет моя кабала...
Нет, псковскую глушь ни на что не сменяю,
Какой бы дремучей она ни была!

* * *

Я ещё не прильнул к мёду славы,
Не искусан жужжащей молвою,
Не венчались ни тёрны, ни лавры
С бесшабашной моей головою.
Погрузился в стихи я, как в омут,
Как в бездонную чашу похмелья...
Мои мысли то стынют, то стонут,
То оркестром звучат, то капелью,
То бессчётными стрелами тают
В синеве, отзвенев тетивою,
Пусть туманная цель, но святая,
Без которой нет смысла в покое,
От которой морозец по коже...
Я творю, нелюдимый, небритый,
Как Булгаковский мастер, быть может,
Слепо веря в свою Маргариту.
Пусть реальность мне вылезет боком,
Раж пройдёт, сединою покроюсь:
— Где ж покой?— между чёртом и Богом? —
Только вряд ли я там успокоюсь.

Что ж, корите — привык к укоризне,
Дифирамбы скучны мне, поверьте.
Славно мне и без славы при жизни,
Да и прока в ней нет после смерти.

МЫС «АЮ-ДАГ»

(Медведь-гора)

Медведь, чьи скалы до небес достали,
Всё спорит с камнепадною судьбой.
Состарился, подножия устали
Сносить набеги, что чинит прибой.
Из года в год — утрата за утратой,
Теряет плоть от пагубных секунд.
За стойкость в жизни — вечная расплата —
Морщины лоб неистово секут,
Из трещин бризы выдувают землю,
А море гротами калечит грудь...
Ревёт Медведь от боли: «Не приемлю,
Всех вас аморфных, в ком гнилая суть!
Я ненавижу снег за то, что тая
Предательски, ручьями на спине
Смывает почву. Голая, пустая
Уж каменная плешь блестит на мне.
А люди — словно рана ножевая
Кремнёвой, но чувствительной души...
Она всё стерпит, словно неживая,
Всю боль разрухи, сколько не круши.
Опять какой-то камень канул в Лету —
Попал бедняга на язык волны.
Пять тысяч лет висел, а нынче нету —
Исчез с анахронизмом старины».
Ворчит косматый и, с природой споря,
Пожить намерил тысячу веков,
А заодно намерен выпить море —
Гласят нелепые сказанья стариков.
— Вздремни, Медведь, Вулкана сын по крови,
Пусть в жилах пульс бьёт ключевой рекой!
Весна пуховым облаком укроет,
Чтоб снился глыбе каменный покой.

3 АВГУСТА 1921 ГОДА

*(В одну ночь Россия утратит двух великих поэтов
Серебряного века)*

Отречёмся от старого мира,
Отряхнём его прах с наших ног...
Марсельеза.

Марсельезу руинам поёт Петроград —
звездопадная прервана ночь...
Встанет солнце рубином в пять тысяч карат,
«красный ад» на Руси превозмочь!
Век двадцатый безжалостно рубит с плеча,
он безбожен, он к власти ревнив...
Революции меч жаждет рук палача,
во всех тяжких царя обвинив...
Русь пытаются то «белым», то «красным» огнём —
«польский мир» и «кронштадтский мятеж»,
и сплетался терново-стальной окаём
подле веры и шатких надежд!
Две ярчайших Звезды в эту ночь упадут:
Гумилёв и, в мгновение, Блок!
Знать, готовы два места им в райском саду,
но пока что в сомнениях Бог...
И висит пустота, и уже ни строки
не оставит ни тот, ни другой:
эта ночь Гумилёва возьмёт «за грудки»,
бросит в «белый» тюремный покой!
Блок не встанет с предсмертной постели своей —
бред удушлив, безумством цветает,
в нём сгорать будет Фениксом несколько дней
и в агонии душу отдаст...
В Петрограде стрельба, голод, страх и раздор,
смуту конная жалует плеть...
Что Георгия крест? — Есть в «Крестах» коридор,
там, где «контру» не станут жалеть!
Двадцать дней в Гумилёве сидел Ахилес...
Бросив следственную кутерьму,
подрастрельных машиною вывезут в лес,
в безымянно-могильную тьму...

P. S.

В Мариинке — Шаляпин и вновь болеро,
«Дон-Кихот» — мирных душ оберег,
где в стране: три войны, НЭП и план ГОЭЛРО,
и цветущий Серебряный век!

ЛИСТ

Сыро на душе, безлико, муторно,
Зябкий вечер беспредельно мглист,
И в холодной белизне компьютерной
Третий день бездельничает лист.
Он режимно спит, и с ним «совею» я —
Пауза рождает немоту,
То он вздрогнет от прикосновения,
Вновь забрежжит (ждать ему неволю)...
К мониторной пустоте да чаю бы,
Здесь полезно подсластить мозги —
Стимул дать башке, где изначально был
Ворох поэтической лузги.
Строки от святого и до пошлого,
Рифмочки, поросшие бельём,
Память — склад штампованного прошлого,
Пахнет нафталиновым бельём!
Не хочу зависеть я от случая,
Мне ли ставить скучное на кон! —
Словарями ненавистно мучаю,
Плотно сбитый в кучу лексикон.
Я пока не кинул якоря ещё,
В море лени стих не уморю —
Видно, лист с экрана укоряюще
Действует на психику мою!
Он, в томленьё, белью непочатую
Виснет в неминуемом огне...
Даже если бред я напечатаю,
Станет легче — и ему, и мне!

**Виктория
АНФИМОВА**

Симферополь.

Виктория Anfimova — поэт, журналист. Член Союза писателей Республики Крым, Союза писателей России, Союза писателей Восточного Крыма.

Автор трёх поэтических книг: «Чаши дня» (2007 г.), «Лабиринт» (2009 г.), «Окно на шестом этаже» (2013 г.). Широко представлена в сети Интернет, в том числе – публикации в Интернет-журнале молодых писателей России «Пролог». Участник Совещания молодых литераторов Украины (Ялта, 2003 г.) и 9 Форума молодых писателей России в Липках (Москва, 2009 г.), 10 Международного фестиваля поэзии на Байкале (Иркутск, 2010 г.), Первого Международного совещания молодых писателей в Переделкино (2011 г.).

Дипломант Всеукраинского поэтического фестиваля «Пушкинское кольцо-2008», лауреат Международного поэтического фестиваля «Пристань менестрелей-2010», лауреат Международного конкурса «Литературная Вена-2011» (Австрия), лауреат Первого фестиваля творческой элиты Крыма (2013 г.), победитель «Конкурса одного стихотворения на LITER-RM.RU» (2015 г., Мордовия). Лауреат международного литературного конкурса «Земля — наш корабль» (2017 г., Самара). Лауреат Международного литературного чеховского конкурса «Краткость — сестра таланта» (Ялта, 2017 г.). Ответственный секретарь газеты «Литературный Крым». Руководитель Республиканской литературной студии им. Н. Кобзева.

Цикл «Лики времени»

1. Древняя Феодосия

Гипсовая чаша солнечного дня...
Память поцелует стёртые ступени...
Этот древний город долго ждал меня —
Много лет и сотни спящих поколений.

Вечным ожерельем — паутины вязь,
Яшмовое сердце у деревьев бьётся.
Ласточки соткали голубую бязь,
Чтоб одеть в тунику варварское солнце.

Полдень загорелый пьёт вино, как сок,
Жадно припадая к пряным душам амфор.

...Вечером порою здесь бывает бог,
Чтоб посеять зёрна звуков и метафор.

2. В средневековом пещерном городе

Боги пахли полынью и мятой,
А ещё, помню, рос там чабрец.
В их шершавых ладонях когда-то
Гроздья времени зрели. Конец

Той эпохи был закономерен,
Только что же теснится в груди,
Отчего лик богов лицемерен?
Оттого ли, что тьма впереди?

Тёплый камень, пушистые пятна —
Мохом плотно укрыт известняк.
В те года сразу было понятно,
Кто твой друг, кто предатель и враг.
И в дарах утопало подножие,
И боялись могучих богов...
Наступила эпоха безбожия,
Стихли отзвуки лёгких шагов.

На плечах — только жаркое солнце
И кузнечик. Но где-то внутри
Гулко сердце по-прежнему бьётся...
Боги живы. Вот знаки. Смотри.

3. Евпатория. **Размышления в Малом Иерусалиме**

Август плавится тёмным воском.
Лучик солнца согреет медь.
То, что было — картины Босха,
Но не повод, чтоб умереть.

Старой кожи приятен запах,
Пыли много среди страниц.
В каждой строчке — Восток и Запад,
Сотни жизней, имён и лиц.

Смуглый дервиш сутул и беден,
Мы — песчинки в пустыне дней.
Ни в проклятье и ни в беседе
Не отыщешь судьбы своей.

Только вера в то, что мы правы,
Даст нам силы идти вперёд.
Август клонит сухие травы,
Память шепчет, манит, зовёт...

Я устала бродить между сотен
Безнадёжно запутанных слов.
Так в музее среди многих полотен
Вдруг нащупаешь времени шов,
И приходит к тебе пониманье,
Что года — как слоёный пирог,
Что разлука, любовь, расстоянье,
Вдохновенье, начало дорог —
Только краски, которые станут
Новым слоем на старом холсте...

Лишь слова никогда не обманут.
Знать бы: найдены именно те...

Послевкусие

Фальшь всегда остаётся фальшью,
Я себя обмануть не сумею.
Что нам делать с тобою дальше?
В небе месяц, тускло желтея,

Притаился кусочком сыра,
Что забыт на столе хозяйкой.
На душе, как на улице, сыро.
Стану, видимо, скупердяйкой:

Ни к чему отдавать своё сердце
Там, где хватит и двух поцелуев.
След оставить — солью ли, перцем —
Не сложнее, чем бросить все

Имя Бога... Но старые шрамы
Заживут, превращаясь в коросту.
В наших душах — фальшивые храмы.
Только наши кресты нам по росту.

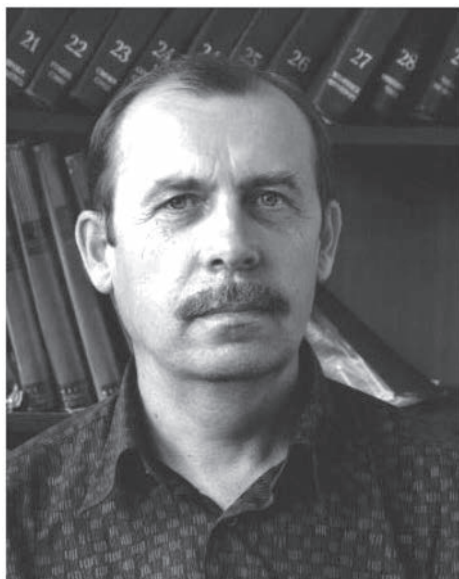
Когда из песочных часов
Прозрачной струёй проскользнёт
Всё множество дней, лет и снов,
И время устало вздохнёт,

Останутся только слова —
На камне, на глине, песке...
Всех тайн да сойдут покровы
Слезой на детской щеке.

...И снова перо чертит след
По белой холстине листа.
Ни боли, ни прошлого нет.
Душа первозданно чиста.

**Дмитрий
ВОРОНИН**

Тишино, Калининградская область

Дмитрий Павлович Воронин родился в 1961 году в Клайпеде (Литовская ССР). Сельский учитель. Автор трёх сборников рассказов. Участник тридцати альманахов и прозаических сборников в России, Украине, Беларуси, Германии.

Лауреат премии «Золотое перо Руси», лауреат международных конкурсов и фестивалей «Славянская Лира» Беларусь, «Славянские традиции» Крым, «Русский Stil» Германия, «Гоголь-фэнтези» Украина, «За далью-даль» им.Твардовского и других.

Член Союза писателей России. Член Конгресса литераторов Украины.

Член редколлегии калининградского литературного журнала «Балтика».

ПОЗДНЯЯ МЕСТЬ

Научное судно «Моноцит» уже целый день стояло у причала, вернувшись из полугодовой экспедиции по северным морям.

Радость встречи экипажа со своими родными осталась позади, и на борту шла обыкновенная работа по приведению судна в относительный порядок.

Часть «научников» выгружали образцы грунта для дальнейшего изучения в лабораториях института, другие писали всевозможные отчёты о проделанной работе, кто-то занимался уборкой кают, а кто-то валял дурака в кают-компании, играя в карты.

– Мужики, – в дверях кают-компании показалась голова боцмана, – вас там авансировать собираются в каюте старпома.

Карты тут же полетели на стол, средний и младший научный состав чуть ли не бегом устремился к старпомовской каюте. Шутки, подначки, подковырки зазвучали в толпе ожидающих. Приятная процедура выдачи денег постепенно подходила к концу, когда к столу подошел техник научной группы Костик Ребров.

– Распишись вот тут, – второй штурман протянул ему ведомость.

Костик посмотрел на сумму, указанную на бумаге, и просиял. Таких денег он не держал в руках ни разу в своей двадцатитрёхлетней жизни.

– Получи, – отчитал указанную сумму второй штурман и улыбнулся Костику. – С почином.

– С тебя причитается, – похлопал Костика по плечу старпом, пряча в бороде улыбку.

– Обязательно, конечно, а как же, – смутившийся Костик сгрёб деньги и рванул к двери.

– А пересчитать? Вдруг обманули? – Раздалось вслед.

– Не, всё верно, я доверяю, – прозвучало из коридора.

Костик быстро прошагал в свою каюту и заперся. Разложив на столе деньги, он минут пять рассматривал их, а потом начал раскладывать по кучкам и рассовывать по карманам.

«Эти – маме, – рассуждал Костик, – эти – себе на обновки, эти – Наташке на подарки, эти – на проставку ребятам, а эти – на поход в

ресторан с Григорием Моисеевичем».

Для него этот поход был очень важен, решалась судьба: или Юнерман берет его к себе в институт, или забыть о науке, экспедициях, новых друзьях и романтике.

Распределив деньги по карманам, Костик с опаской подошёл к каюте Григория Моисеевича. Юнермана он побаивался – и в силу разницы в возрасте, и в силу некоторой строгости начальника экспедиции. Юнерман всегда был хмур, сосредоточен, неразговорчив, и только глаза выдавали в нём незлобивого человека – высвечивалась в них какая-то озорная искорка, не позволяющая собеседнику оробеть перед всемогущим доктором наук.

Костик осторожно постучал в каюту Юнермана.

– Можно? – Открыл он дверь.

– Входи, – поднял голову из-за стола Григорий Моисеевич. – Чем могу служить?

– Григорий Моисеевич, я вот тут, понимаете... – замялся Костик, тебя непослушный вихор.

– Ну, смелее, смелее, – ободряюще улыбнулся Юнерман.

– Я приглашаю вас сегодня поужинать в ресторане, – выпалил Костик и покраснел.

– Ого! – Сделал удивлённое лицо Юнерман. – Вы меня приглашаете? А где же цветы?

– Я... нет, вы не так меня поняли. Я не приглашаю вас, то есть... нет, я приглашаю, но никак... а по-другому, – Костик умолк, окончательно смутившись.

– Ну, это понятно, что по-другому, а никак, – заиграли озорные искорки в глазах Юнермана. – А то и говорить не о чем, потому что в нашей стране это совсем не так, а всё гораздо хуже, если не сказать, что совсем капут.

Костик, стоя, умирал от стыда и злости на самого себя. Так глупо, так бездарно завалить все дело!

Но Юнерман не был бы Юнерманом, если бы продолжал шутить и дальше. Понимая состояние Костика, Григорий Моисеевич серьёзно произнес:

– Ладно, Константин, пошутили и хватит. Я согласен посетить с тобой это заведение, но с условием – обедаем каждый за свои. А спиртное за мой счёт. И не отрицай, тебе деньги самому нужны. А сейчас иди занимайся своими делами. В час встречаемся у

«Меридиана», знаешь такое кафе?

Костик кивнул.

– Ну, до встречи.

Костик, всё ещё смущенный, быстро выскочил из каюты начальника экспедиции.

Ровно в час Костя с Григорием Моисеевичем входили в кафе. Расположившись за столиком, Юнерман стал внимательно изучать меню.

– На правах старшего заказ делаю я, возражений не принимаю.

Костик согласно кивнул.

– Так, – обратился Юнерман к подошедшему официанту, – два оливье, два салата из кальмаров, два борща, две отбивные, бутылочку армянского коньяка и минералку. Позже – кофе.

– Сделаем, – записав заказ, официант ушел.

Костик, поникший, молчал, не решаясь начать важный для себя разговор.

– Ну, как тебе экспедиция? – Спросил Григорий Моисеевич. – Понравилась?

– О, это такой кайф, такой адреналин! – Оживился Костик. Глаза его загорелись, спина выпрямилась. – Я ничего подобного не испытывал никогда. Жалко, что пролетело всё очень быстро, как один день, даже нет – как один миг. И так не хочется верить, что больше этого не повторится!

– О, да он у тебя поэт, – вдруг раздался за спиной Костика насмешливый голос.

Костик покраснел и быстро повернулся назад.

– Всё, всё, сдаюсь, сдаюсь, – притворно вскинул руки вверх полноватый мужичок небольшого роста, одетый в потёртые джинсы и незаправленную линялую тельняшку. – Гриша, скажи своему юному другу, что я пошутил, а то он меня сейчас съест.

Григорий Моисеевич поморщился.

– Знакомся, это местная знаменитость, поэт Леонид Лямкин, – представил он своего знакомого. – А это Константин, наш младший научный сотрудник, – обратился Юнерман к Лямкину. – Кстати, тоже пишет стихи.

Лицо Кости из красного сделалось пунцовым.

– Любопытно, любопытно, – несколько поскучнел Лямкин, подсаживаясь за столик. – Многие сейчас себя считают поэтами, но о

поэзии потом. Гриша, ты, я вижу, с морей, и, конечно же, при деньгах. Угощаешь старого друга и поэта?

– Ну, а куда от тебя деться, – натянуто улыбнулся Юнерман. – Тем более ты уже уселся.

– Вот и хорошо, вот и ладушки, – потер ладони Лямкин и прокричал в зал, – официант, добавь сюда бутылку армянского и парочку салатиков для начала!

Вскоре на столе появились салаты, коньяк, минералка и борщ.

– За встречу, – поднял свой фужер Лямкин. – Гриша, за тебя, – и, не дождавшись остальных, опрокинул в себя содержимое. Тут же налил снова. – За поэзию! – Выпил и второй фужер.

Костя молча поглощал борщ, украдкой поглядывая на Леонида Лямкина. Первый раз в своей жизни Косте довелось встретиться с настоящим поэтом. Весёлый, раскованный, компанейский. Вот бы ещё его стихи послушать, а может, рассказы о встречах со знаменитостями. Ведь такой наверняка знаком с лучшими поэтами и писателями.

– Гриша, – налил себе третий фужер коньяка захмелевший Лямкин, – а давай за музу, за такую музу, которая всегда с нами, с истинными любителями искусства!

– Лёня, – укоризненно покачал головой Юнерман, – третий тост поднимают не за музу, а за...

– Да брось ты, Гриша, банальности разводить, – скорчил недовольную гримасу Лямкин и залпом выпил коньяк. – За тех, кто в море, за тех, кто не с нами... Фигня всё это. Пить надо за себя любимых, а не за кого-то там вдали.

Григорий Моисеевич чуть сморщился, но спорить с поэтом не стал, зная его капризный характер.

– Слушай, Лёня, ты что-нибудь новенькое написал? – Перевёл он разговор на другую тему.

– Не уважаешь, Гриша, ты меня, – обиженно вытянул нижнюю губу Лямкин. – У меня ни дня без строчки, как сказал один известный мудака. Кстати, и на вашу морскую тему есть немало. Счас, только выпью чуток и выдам. – Лямкин выпил очередной фужер, крикнул, закусил и повернулся к Костику.

– Слушайте, молодой человек, оценивайте и запоминайте, как сидели за одним столом с гением русской словесности, потом внукам похваляться budete.

Поэт встал, покачнулся, одной рукой схватился за спинку стула, другую вытянул вперед и начал с пафосом:

Корабли уходили в ночь,
Далеко от родного берега,
И волна убегала прочь
За кормой к берегам Америки.
Спи, родная, в тиши ночной,
Приплыву я к тебе сквозь туманище,
Охраняю я твой покой,
Ведь я главный в морях капитанище.
И когда мы вернёмся домой,
Ты на шею мою облокотишься.
Я поверю, что берег мой
Не Америка, а родных скопище.

– Bravo, Лямкин, bravo! – ухмыляясь, захолопал Григорий Моисеевич. – Это величина!

Не заметив сарказма в голосе Юнермана, поэт гордо продолжал:

– И еще из недавнего.
Люблю себя в своём лице,
И не возможно быть иначе,
Когда на зорьке на крыльце
Коровы мыкают на даче.
Я есть советский гражданин,
Я патриот своих началов,
В стране я Чацкий господин,
Как говорил актёр Качалов.
Мы все рождались из полей,
Из жнив, из гумен, из пшеницы.
Ты трогать Родину не смей,
Она – орёл, она – жар-птица.
Большой державною рукой
Она карает и лелеет,
И я иду по ней ногой,
И сердце гордостью смелеет.

Костя изумленно уставился на Лямкина. Поэт, заметив это изумление, тут же продолжил:

– А теперь самое что ни на есть самое! Да что слова, слушайте!
А вот и встал на веки миг

Во славу музе потрясённой,
Нырнул в пучину яркий блик –
Поэта стих замороженный.
Я будто памятник себе,
Ещё не есть, но скоро буду.
Пишу поэзию судьбе,
Покуда живы, не забудут!
И пусть гремит во все концы
Известное моё творение.
И пусть читают подлецы
Одно про них стихотворение.
А в нём весь я, с конца в конец,
Моё утро, моя судьбина.
Своим стихам я сам – отец,
А кто не внемлет мне – дубина.

– Ну, Лёня, вот тут ты весь, вот тут ты себя превзошел, аки Бог,
– налил себе коньяка Юнерман. – Вот этим ты меня сразил, убил
наповал!

– А, понял, Гришка, понял потаённый смысл, – светился всем
лицом Лямкин. – Я знал, знал, что поймёшь! На руках за такое носить
надо.

– Да-а-а, это точно, на руках выносить, это шедевр на все времена,
– криво улыбаясь, согласно кивал головой Григорий Моисеевич. –
Много выпил, пока родил это?

– Не знаю, не считал. Ещё прочесть?

– Хорош, хорош, – отстранился от поэта руками Юнерман. – Дай
это переварить.

– Эх, Гриша, слаб ты на восприятие серьёзной поэзии, –
пренебрежительно скривил губы Лямкин. – А вот молодой человек
хочет послушать настоящую поэзию. Ведь так? – Обратился поэт к
Костику.

Костик согласно кивнул и застенчиво сказал:

– Да, хотелось бы послушать кого-нибудь.

– В смысле – кого-нибудь? – Набычился Лямкин.

– Ну, Вознесенского или Евтушенко, например, – тихо произнёс
Костик две пришедшие на ум фамилии.

– Дерьмо и дерьмо, – брезгливо вытянул губу Лямкин.

– В смысле? – Не понял Костик.

- В смысле – два дерьма, – ответил поэт.
- Ну, может, тогда Ахматову или Цветаеву?
- Дерьмо и дерьмо.
- Ахматова и Цветаева? – Недоверчиво посмотрел на Лямкина

Костик.

- Ахматова и Цветаева – ещё два дерьма.
- Да вы что! Как же так? Ну, а Пастернак, Блок, Есенин?
- Ещё те вонючки, одна тошнота, – изобразил отрыжку Лямкин и обратился к кажущемуся безучастным Юнерману. – Гриша, что за идиота ты привёл? Он ни черта не понимает в поэзии!
- А Пушкин, Пушкин кто? – Костик приподнялся из-за стола.
- Дерьмо твой Пушкин!
- Всё, – ненавидяще произнес Костик, схватил мускулистой рукой за ворот Лямкина и пинками начал подталкивать к выходу.

– Как ты смеешь! – кричал, вырываясь, Леонид Лямкин. – Ты кого пинаешь? Ты ответишь! Ты пожалеешь! Я отомщу-у-у...

Вышвырнув поэта за порог, Костик вернулся назад к Юнерману, уверенный в том, что поставил своей выходкой крест на собственной карьере. Как же, выставил друга Григория Моисеевича. Каково было удивление Костика, когда он услышал:

– Молодец, Константин, наш человек. Быть тебе в нашей команде.

Через тридцать лет известный поэт Константин Ребров шёл на встречу со своими читателями в областную библиотеку. У центрального входа из салона «Тойоты» пожилая женщина вытаскивала две небольшие упаковки книг.

- Давайте я помогу донести, – предложил свои услуги Ребров.
- Вот спасибо, – обрадовалась женщина. – Тут рядом, на второй этаж, в хранилище.

Поднявшись на второй этаж, Ребров поинтересовался:

- А кого я нёс-то, скажите?
- Да этого... Леонида Лямкина.
- Вот чёрт, – рассмеялся Ребров, хлопнув себя по бокам. – Отомстил всё-таки, старый графоман, заставил себя на руках носить!

**Виктор
КОРИЦКИЙ**

Иланский, Красноярский край

Каждый человек, пройдя определённый отрезок жизненного пути, подводит итог, оценивает пользу или же никчемность пройденному, вычёркивает из памяти или наоборот - заносит в чистую тетрадь всё то, что считает нужным, ценным, бередящим душу, и чем можно поделиться с другом, соседом, случайным прохожим.

Виктор Корицкий ведёт такую тетрадь. И начав её читать, невольно погружаешься вместе с автором в его воспоминания, размышления, находя в них что-то родственное, знакомое, или совсем неожиданное, необычное.

ВОСПОМИНАНИЯ

«Никому не было дела до моего детства, его никто не посещал, с годами оно заросло как запущенный сад». «Опасно возвращаться в места своего детства, большей частью там поселяются разочарования. И всё же детство надо иногда навещать, нельзя, чтобы оно зарастало, заглохло».

*Даниил Гранин.
Из рассказа «Запретная глава».*

ИЛАНСК (1949-1953)

Первое положительное запомнившееся ощущение – свет, бьющий из окон, тепло от воды и от печи. Меня купают на кухне в доме у бабушки.

Я на руках у мамы. Какая-то женщина незнакомая говорит: «Такой большой, надо идти своими ногами».

С отцом в железнодорожной бане. У меня в тазу красивый пластиковый селезень. Отец в парной. Боюсь, что от жары он может упасть сверху. В бане торгуют томатным соком из стеклянных конических сосудов с краником в нижней части.

Новый Год. Я в кровати стою. Кот играет игрушками, висящими на ёлке. Они падают и разбиваются.

Лежу на лавке, дёргаюсь, не могу сделать вдох после падения в подполье. Кто-то оставил не закрытой крышку, и я спросонья улетел вниз. Кто и когда достал меня оттуда - не помню. Солнечный день. Крыльцо, где стоит лавка, увито хмелем.

Рентгеновский аппарат поликлиники. Красное табло при входе.

Мама рассказывает сказку с печальным содержанием. Я плачу по ходу сказки. В дальнейшем мама отказывается рассказывать мне сказки.

Дома один. На улице темно. Страшно. Тикают часы – «ходики» с гириями. Наконец приходит мама. Заглядываю в сумку. Там что-то вкусное, наверное?

Мама очищает кедровые орехи, дает мне полстакана ядрышек.

Отец строгаёт рубанком. Я на полу играю стружками. Они приятно пахнут и вьются спиралями.

Выздоровливаю после болезни. Компот абрикосовый из железной банки. Красивая жёлтая обёртка с нарисованными плодами.

Отец бреется опасной бритвой, которую доводит до нужной остроты на кожаном ремне, висящем на косяке двери.

Мои мама и папа - глухонемые. Они понимают мою речь по губам и знакам моих рук. Отец потерял слух будучи школьником, переболел менингитом. Он заболел зимой вместе со своим родным братом. Брат скончался. У отца организм был крепче. Он сильно кричал от боли. Семье посоветовали обратиться к врачу поляку, которому и удалось спасти отца. Речь отца была, как у обычного человека. Мама перенесла менингит в раннем детстве, когда речь у неё ещё не сформировалась. Объясняться с обычными людьми ей было очень трудно.

Дома гуляют, играют в карты. Приехали родственники из деревни. Катаю опорожненные бутылки под столом.

Родители за столом у знакомых. Я во дворе. Мальчишки кидают на крышу кирпичи. Один кирпич падает с крыши на меня, пробивает голову. Очнулся в кровати. Мама держит за руку. Наваливается чернота. Теряю сознание.

Курицы зимуют под столом на кухне. На окнах лёд. Топится печь. Со стёкол на подоконник и по фитилю вода стекает в подвешенные бутылки. Утром надо дома надевать валенки, пока не протоплена печь. Чтобы быстрее нагреть воздух в доме, затапливается железная круглая печь, потом кирпичная. Приложился ладошкой к раскалённой поверхности – пузырь в наличии.

Чтобы в домах зимой было тепло, люди сооружают завалинки. В подполье хранятся овощи, они не должны перемерзнуть.

Отец сделал мне лопату для снега и саночки. Утром был слышен гудок, доносящийся от котельной паровозного депо. Взрослые говорят, что на улице сильный мороз.

Смотрю картинки в подшивке журналов «Крокодил».

Слушаю сказку по радио «Хозяйка Медной горы» в комнате, где спят бабушка Прасковья и дочь Надя. В углу их комнаты находится икона с образом Девы Марии с сыном. Оклад иконы из металлических лепесточков. На стене в одной рамке за стеклом фотографии родственников, детей бабушки. Моей фотографии там нет. Бабушка Прасковья к церковным праздникам выпекает печенье. Я никогда не

прошу, но если верчусь поблизости, она меня угощает.

Сию в магазине на подоконнике с сумками. Мама в очереди за макаронами. Очередь и характерный вопрос – «что дают?» - примета времени нашего детства.

Наблюдаю, как мама замешивает тесто, протапливает печь, выгребаёт угли кочергой, деревянной лопатой сажает в печь листы с пирогами и сдобами. Два дня можно не обедать, питаюсь только пирогами.

Я лежу на санках лицом вниз. Дорога убегает назад. Мама куда-то меня везёт. Оказывается, молоко на рынке продают замороженными дисками.

Простыни, принесённые с мороза, гремят и пахнут свежестью.

Знакомый отца подшивает подошвы к нашим прохудившимся валенкам. Он мне кажется хорошим человеком. Взрослые говорят, что он отбывал наказание в заключении. Позже в драке ножом порежет человека, и опять – зона.

ПОЕЗДКА В КРАСНОЯРСК 1953 ГОД

С мамой в купе поезда до Красноярска. Тёмно-синий свет лампы. Сильный удар паровоза по составу. Кто-то падает.

Станционный колокол на вокзале в Красноярске. Кондукторша в автобусе кричит: «Стоимость проезда – одна остановка пятнадцать копеек!».

Свет светофоров в заснеженном городе делает его необычным, привлекательным. Витрины. Много людей на улицах. Троллейбусы на проспекте Сталина. Зелёные огоньки такси.

Впервые пробую грецкие орехи.

Мне покупают трехколёсный велосипед.

Невиданные предметы городского быта: газовая печь, ванная комната, туалет с унитазом. Коммунальная квартира на три семьи. Во дворе ёлка и освещённый каток.

Гул взлетающих над городом самолётов.

С Лёвой смотрим на высокую наряженную городскую ёлку и снежно-ледовые фигуры.

У мамы ночной приступ эпилепсии. Она кричит. Кто-то из взрослых говорит: «Держите ей руки». Мне страшно за маму.

КАК Я НАУЧИЛСЯ ПЛАВАТЬ

Летом у нас в Иланске бывало так жарко, что босые ноги в горячей пыли жгло невыносимо. Мы, мальчишки, в это время перемещались на пруд. Прибрежные прохладные травянистые луга с редкими жёлтыми лютиками приятно охладили наши пятки. Лодки-плоскодонки обычно цепями с замком были пришвартованы к забитой в берег железной свае. Мы забирались в лодку и с упоением, стоя, раскачивали её с борта на борт, пока она не зачерпывала воду. После этого, миссия считалась выполненной, мы перемещались на горячие брёвна и доски сруба водозабора или шли купаться.

В этот раз одна из лодок оказалась не примкнутой, и мы погребли руками к центру пруда. Не помню, что мы творили в лодке, но я со всей компанией оказался в воде и пошёл ко дну. Опускался спиной вниз. Жёлтое солнце светило сквозь зеленоватую воду. Страшно не было.

Когда солнце начало зеленеть, а вода стала холодной, во мне что-то включилось, я всплыл, работая руками и ногами по-собачьи, и молча погрёб к берегу.

ПРУД

Центром жизни для малышни и подростков жарким летним днём в Иланске был пруд. Он был создан в конце 19 века в связи со строительством Сибирской железной дороги. Построены были паровозное и вагоноремонтное депо, теплоэлектростанция.

Паровозы нуждались в регулярной заправке водой. На речке Иланке была воздвигнута каменная плотина с пропускными деревянными затворами для сдерживания паводковых вод. В официальных бумагах пруд имел название Пульсометр. В народе его называли Бульзомент. Леса на востоке от Иланска сохраняли, поэтому речка более или менее справлялась с наполнением влагой водоема. Устремляясь на запад, она впадала в реку Кан.

Южный берег пруда, густо поросший кустарником, летом заполняли стаи скворцов, ставших на крыло. По утрам в лёгком тумане бесшумно скользила лодка с рыбаком, проверяющим корчажки или сеть. Мальчишки с удочками, расположившись

на срубе колодца водозабора, старались не упустить мгновенья утреннего клёва. Солнце ещё не встало из-за холмов, окружающих долину, но небо было светлым и уже алело на востоке. Клёв заканчивался, и мальчишки уходили домой со своим уловом.

Из ближайших переулков к воде тянулись колонны домашних гусей и уток. У затворов плотины, где вода гладко струилась по широким ступеням слива, женщины расстилали самотканые дорожки, стучали вальками - стирали.

В неглубоких заливчиках компания рыбаков бреднем черпала золотистых карасей под возгласы ребятни. Поднявшийся ветер гнал небольшие волны, дробно стучавшие в борта плоскодонок, и шелестел сухими панцирями, недавно вылетевшими из них стрекоз. Ближе к вечеру ветер стихал, рыбаки с удочками к вечерней зорьке возвращались на облюбованные места.

Уже в сумерках, когда опускалась прохлада, мальчишки, дотемна заигравшись в футбол, прибежали смыть пыль и пот. Они голышом вонзались в разогретые воды, и счастливее этих людей никого не было на белом свете

СТИХИ ПОКОРИЛИ РЕБЯТ

В Нижнеингашской центральной детской библиотеке прошла встреча юных читателей с поэтом Сергеем Прохоровым, который познакомил их со своей новой детской книжкой «Земное чудо».

Помимо писательского таланта поэт обладает даром замечательного рассказчика — на протяжении всей встречи ребята слушали его с неподдельным интересом. Стихи Сергея Тимофеевича покорили ребят простотой, искренностью, юмором. Дети буквально засыпали гостя вопросами. Их интересовало всё: где родился и учился, любимая книга в детстве, когда написал первое стихотворение, когда стал издавать свои книги, кто любимый поэт и многое другое.

Встреча пролетела, как одно мгновение. Ребята остались довольны, и каждый из них унёс на память частичку чего-то ценного и полезного.

Татьяна Ставер

Нижнеингашская детская библиотека

ШАГНИ В ДЕТСТВО

Сергей Тимофеевич!
Поздравляю вас с успешным
участием в конкурсе «Лучшая
книга 2018 года».
С пожеланием дальнейших
творческих успехов.
Председатель оргкомитета
Татьяна Окоменюк.

Берлин-Франкфурт

Предложение поучаствовать в Германском литературном конкурсе мне предложили неожиданно в конце прошлого года, познакомившись в интернете с моей первой детской книжкой «Корова Пластилинушка». Я не люблю участвовать ни в каких конкурсах. Но и отказывать не умею. Будь, что будет.

А 16 мая получил вот этот специальный диплом «За лучшую книгу для самых маленьких»

Пустячок, но приятно. Хотя получить положительную оценку литературной работе в номинации «Детская литература» - дело не совсем пустячное. Особенно в творчестве для самых маленьких.

Ребёнок, впервые взявший книжку, впервые начинающий читать по слогам, должен получить от этого удовольствие, интерес. А удивить, заинтересовать сегодня пяти, шести, семилетнего отпрыска, владеющего уже азами компьютерного пространства, какой-то там бумажной книжкой, ой как непросто. Не проникнув в психологию, в душу ребенка, не найдёшь тех слов, которые удивят, очаруют его, вызовут в нём интерес к слову, к чтению книжек. И писатель, взявшийся за детскую тематику, должен, наверное, стать тем, для кого и о ком собирается писать. Я пытаюсь это делать, даже впадаю в своё детство, и у меня иногда что-то получается.

Предлагаю новый стихи по мотивам русских народных сказок.

Сергей Прохоров

Современный Колобок

Жили-были дед да бабка
В небольшом селе. Однако
В одиночестве они
Коротали свои дни.
И решили дед с бабулей
Из муки слепить сынулю,
Испекли в печи ладком
И назвали Колобком.
И любили, и жалели,
И от счастья сладко млели.
Но сынок, устав от ласки,
Наострил от них салазки:
- Жить я с вами не хочу:
Больно стары, чересчур,-
Молвит юный колобок. -
Скучно с вами бок о бок:
Ни компьютера, ни тачки,

Умереть ни встать от спячки.
Радости от вас мне нет,
Я ж хочу увидеть свет,
Миром вдоволь надивиться -
Так что еду я в столицу.
Вы ж меня не скоро ждите,
Ну, а денежки мне шлите.
Ведь столица - не село.
Там, наверно, весело:
Рестораны, дискотеки...
Оторваться в коем веке.
Заведу друзей, подруг
И звездой стану вдруг.
Вслед мне шибко не ревите,
По сусекам поскребите,
Может, слепите пока
Мне взамен ещё сынка.

Колобок, вздохнув, простился
И в столицу покатился,
Чтоб, как в сказочке, в пути
Приключения найти.

2

Катит день он, катит два,
Впереди бежит молва:
Не песчинка, не клубок –
Мчит в столицу Колобок.
Что румяный и пригожий
(Съесть готов любой прохожий).
Да не каждому гурману
Колобок тот по карману.
Первым встретился Косой
Весь голодный и босой

В запорожском драндулете,
Будто в царевой карете:
-Здрате! Нам не по пути?
Может, сэр, Вас подвезти?
Колобок, взглянув брезгливо,
Все же вымолвил: - Счастливо!
Ну, даёшь, морковный мэр! -
Твой авто не мой размер.

Тут навстречу правит «Волга»,
На баранке лапы Волка,
Пасть во всю, зубов не счесть:

- Подвезти вас, ваша честь?
Колобок струхнувший трохи
Понял: с Волком шутки плохи,
Но испуг не показал:
- Я на поезд. На вокзал.-
Торопливо покатился,
Даже с Волком не простился.

Вскоре же на этот раз
Колобка нагнал КамАЗ.
Не видал таких он впредь,
За баранкою Медведь:
-Лезь в кабину, мелюзга,

Если жизнь не дорога.
-Что ты, Миша! Уж прости,
Нам с тобой не по пути.
И, свернувшийся в клубок,
Покатился Колобок
По лугам, полям, лесам
К новым встречам, чудесам.

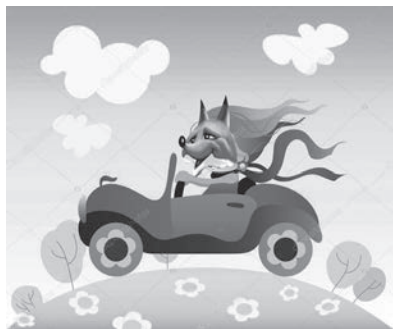
3

Снова катит день и два,
Впереди бежит молва:
Колобок отважный, смелый –
Всем, кто съесть хотел, сумел он

Слово нужное найти,
Вокруг пальца обвести.
Слыша эти голоса,

Призадумалась Лиса:
Как бы ей наверняка
Облапошить Колобка.
Покорить, увлечь собой,
Даже стать его женой.
От её хитрющих глаз
Ни один себя не спас.
И решая ту заботу,
Сев в роскошную Тойоту,
С мыслью: встречу, завлеку –
Заспешила к Колобку.

Колобок всему дивился
И к столице всё катился
Любопытен, и смазлив,
И доволен, и счастлив.
Добрым встречам очень радый,
Обходил легко преграды.
Привыкая к чудесам,
А навстречу вдруг Лиса.
Колобок заметил первым:
-Хороша собою, стерва!
А та вышла из Тойоты,

-Милый друг, ну, вы даёте!
Раскрасавец, а пешком,-
(Про себя давясь смешком).
- Сядь в машину, я прошу,
Ведь сама в Москву спешу.
И глазами (Ой, ловка!)
Манит в авто Колобка.

Катит день и катит два...
Наконец: -Ура! – Москва!
Златоглавая столица
Колобка обнять стремится
Бурной жизнью городской,
Шумной давкою людской.
Завертела, закружила,
Красотой обворожила,
Как родного, приняла,
Вот такие, брат, дела.

И, забыв родной порог,
Стал столичным Колобок.
Тут бы сказочке конец,
Но герой наш, вот стервец!
До чего же малый пряткий:
Деду с бабкой шлёт открытки:
«Высылайте деньги в срок.
Ваш любимый Колобок».

Но прошедший сто дорог
Не поддался Колобок
Чародейству хитрых глаз:
-Лучше жми лиса на газ,
Не теряя время даром,
Ну, а я уж пешкодралом.
Всю дороженьку осилю,
Подивлюсь на всю Россию.
А в столицу я успею,
Налюбуюсь ещё ею.

И, свернувшись вновь в клубок,
Покатился Колобок
По дорожной полосе,
Сделав ручкою Лисе.

МУЗЫКАЛЬНЫЙ ТЕРЕМОК

И представить, и поверить,
И подумать кто бы мог,
Что построят птицы, звери
Музыкальный теремок,

Где Медведь на саксофоне
И на флейте рыжий Лис,
Пёс дворовый на гармонии
Польку сделают на бис.

В музыкальном том угаре,
Уступая им едва,
Кот с мышонком на гитаре,
На ударнике Сова.
С мандолиной поросята,

С балалаечкою Волк...
Развесёлые зверята,
В инструментах знают толк...

Сей ансамбль инструментальный
(Кто подумать только мог)
Станет самым уникальным
МУЗЫКАЛЬНЫЙ ТЕРЕМОК.

ПРО НОВОЕ КОРЫТО

**«Бог с тобою, золотая рыбка!
Твоего мне откупа не надо;
Ступай себе в синее море,
Гуляй там себе на просторе».**

Сказка о рыбаке и рыбке А.Пушкин

- Про золотую рыбку – байки, -
Сказал дед бабке,
- А я знала.-
Дед ей играл на балалайке,
Она ему носки вязала.

- А может, старый,
к морю сходишь
И бросишь невод без корысти,
А золотую рыбку словишь -
Спроси про новое корыто.

ТЕПЛО ОТ МУЖЕСТВА

28 мая в Нижнем Ингаше в молодежном центре «Галактика» почитатели творчества Владимира Топилина, писателя из г. Минусинска пришли на встречу с ним, чтобы вживую пообщаться с обожаемым автором полюбопытных ими книг.

Владимир Топилин уже второй раз в Нижнем Ингаше и потому чувствовал себя здесь не гостем а другом. От первой встречи остались десятки книг, которые заочно сблизили писателя с читателем.

Невсякому литератору, взявшемуся за перо, удаётся так быстро найти своего читателя. Книги многих из них годами, десятилетиями лежат нетронутыми на пыльных книжных полках, дожидаясь своего судного часа. Владимир Топилин, как страстный охотник в тайге, нашел ту единственную тропинку к читателю, которая и привела его к народному признанию. Тропинка эта не найденная, не затоптанная, местами ещё неизведанная и потому

вызывает особый интерес.

«Топилинские волшебные истории держат читателя в таком напряжении, что трудно бывает оторваться от книги, пока не доберешься до последней страницы», - пишет в своей рецензии на творчество В.С.Топилина Екатерина Данкова. «Иной раз уже и глубокая ночь на дворе, а ты всё продолжаешь жить чей-то судьбой, описанной автором с глубоким сочувствием и любовью»

Истории писателя Топилина в большинстве своём невыдуманные, пережитые им самим. Потому-то нельзя равнодушно, без содрогания и сочувствия в душе читать их. Особенно его собственную трагическую историю «Таёжная кровь».

Короткометражный документальный фильм об этом, показанный на встрече, около получаса держал всех в напряжении

. И сама тайга, дышавшая своей таинственностью, и живые обитатели её, и человек, оказавшийся в беде, жили одним - стремлением выжить, преодолеть боль и страх - жили мужеством.

Но вот на экране замелькали титры создателей фильма, вспыхнул в зале свет и герой фильма, преодолевший, свалившуюся на него беду, улыбается залу. И идёт от него какое-то особенное тепло. Тепло бывалого, закаленного мужеством и целью преодоления человека. Рассказывая о себе, своих простых секретах творчества Владимир много и от души шутил и совсем не чувствовалось в нём озабоченности своей прикованности к инвалидной коляске. Лишь на время, когда слово брал организатор встреч писателя, его ангел-хранитель Владимир Васильевич Метелев, Топилин уходил глубоко в себя. Но ненадолго. Неожиданно вдруг снова оживлялся, вставлял весёлую реплику, добавлял речь рассказчика новыми фактами из жизни...

Среди разложенных на столике вещей обращала на себя внимание бескозырка. Писатель взял её с собой не случайно - 28 мая День пограничника. А это страница его молодости - Владимир служил в дальневосточных морских частях пограничных войск. И гордится этим. Потому особенно тёплой была встреча писателя с редактором журнала «Истоки», поэтом, писателем Сергеем Прохоровым, бывшим моряком-десантником.

Мало кто с этой встречи ушел без книг писателя. Но что все унесли с собой частичку мужества, цели, любви и тепла, исходившего из

героя встречи - это сто процентов.

Сергей Тинский

Редактор литературного журнала «Истоки» С.Т.Прохоров дарит В.С.Топилину номер издания.

Книги С.Т. Прохорова и Е.С.Данковой пополнят личную библиотеку писателя В.С.Топилина

Нижнеингайский сувенир от почитательницы Л.В.Захаровой

**Владимир
ТОПИЛИН**

Минусинск.

Красноярский край

Владимир Степанович Топилин родился 12 февраля 1967 года в п. Чибижек Курагинского района Красноярского края. Детство и юность прошли в прекрасном мире дикой тайги, которая начиналась за огородом. Окружение формировало любознательность и выносливость, которые и стали основой его характера. Свои впечатления он излагал в школьных тетрадях на уроках литературы, первых дневниках наблюдений за окружающим миром.

... Его имя стало известно за пределами края, Высоко оценил самобытный талант Владимира Топилина известный критик Александр Трапезников в «Литературной России».

Член Союза писателей России, автор около двух десятков книг.

ДЛИННАЯ «ЛЫЖНЯ» ЧИБИЖЕКА

Несколько слов, прежде чем сделать вместе с читателями первый шаг по лыжне...

Меня часто просят: напиши, что-нибудь обо мне. Близкие, родные, товарищи, знакомые, земляки. Если не говорят, то молча смотрят, а в глазах явно видна эта мысль. Некоторые с хитринкой подсказывают занимательный сюжет, в котором рассказчик занимает едва ли не главную роль. И я не против. Даже рад написать обо всех, лишь бы хватило сил и терпения. Впрочем, это дело поправимое: не в один день река весной вскрывается. Тем более что у меня все есть: бумага, ручка, желание, и время. Хочу рассказать о своих земляках, чибижекцах.

Мысль зародилась давно. Но как написать? Собрать все истории в одну большую повесть сложно и практически невозможно. Кто-то рассказывает мне обстоятельно, его «исповедь» можно «разложить» на пару сотен страниц. Другой целый вечер вспоминает одну и ту же байку. Ну, а третий, вспомнил анекдот, который невозможно забыть. И все это, по-моему мнению, достойно бумаги, пусть тиражом в несколько десятков экземпляров. Это – уже история, которая, без «пера» очень быстро забывается.

Память человеческая коротка, как лыжня, которую заметает снег. Мои рассказы будут небольшими, в несколько страниц, как яркие картинки из жизни таёжников. Может, кто-то из потомков пожелает узнать, как они жили, и перевернёт страницу за страницей... Мне осталось придумать название. Нет ничего проще – озаглавить двумя словами: «Чибижекские рассказы». Но хочу включить не только будние истории о земляках, жителях поселка, но и анекдоты из жизни, какие-то смешные истории, байки. Тогда могу дать название «Чибижекские байки»? Но в словаре Ожегова байка трактуется как «побасенка, выдумка»... Значит, не похожа эта байка на правду. А в моих эпизодах практически все сюжеты будут из жизни.

Думал долго, и, наконец-то, остановился на мысли объединить все рассказы названием «Длинная “лыжня” Чибижека». Объясняю. Длинная – потому что история поселка по документам начинается с 10 февраля 1833 года. А мне кажется – намного раньше. Скоро будет двести лет. А это немалый срок. Дальше слово «лыжня», которое взял в кавычки. Каждый рассказ – «шаг» какого-то героя или героев. Но в целом все эпизоды, «шаги», складываются в одну, общую «тропу», берущую свое начало со времен основания поселка и дошедшую до наших дней.

В рассказах есть смешные эпизоды и немножко грустные, способные вызвать слёзы, остроумные реплики, байки. Судьбы героев – разные и в чём-то похожие. Как на лыжне: спуск под гору – равнина – глубокий снег – крутой подъем – и опять спуск... И «лыжня» прокладывалась разными людьми, далеко не в лучшую «годину», часто при тяжелых моральных, экономических и природных условиях жизни. Но в целом это – история наших местных жителей поселка Чибижек. Осталось только постараться, чтобы «лыжню не завалило снегом».

И то, что вся «лыжня» именуется по названию старательского, золотопромышленного поселка Чибижек, думаю, правильно. В ней будут упоминаться названия многих населённых пунктов и городов: Подлысан, Шинда, Тартаяк, более знакомые – Артемовск, Курагино, Минусинск, Красноярск. Все истории будут «выходцами» из данной местности, а судьбы людские так или иначе связаны с историей этого края.

Как и первый издатель моих произведений Анатолий Петрович Статейнов, который считает, что «будет писать о своей малой Родине всегда», я тоже буду постоянно возвращаться к истокам своей земли, своему родному Чибижеку, к славной, непростой истории таёжных мест и к старожилам, людям, тем, кто эту историю делает.

Остается только заранее попросить у героев «лыжни» прощения за то, что может оказаться «крутой правдой», которую, увы, любят не все. И, всё же – в добрый путь! Приглашаю всех, кому интересно.

Шаг 1-й. Фляга

Сложно писать о том, что не знаешь. Иногда для полноты сюжета приходится добавлять свои мысли. Автор многое видел своими глазами сам и считает, что в данном случае кашу маслом не испортишь. И я как очевидец конкретный случай могу преподнести читателю более точно, чем главные герои эпизода. А поэтому, не спеша, вспоминая и уточняя некогда произошедшие события с живыми свидетелями, начнем.

Эта история произошла осенью, вначале октября 1986 года. Я, тогда еще служивый матрос флота Российского, протянувший лямку «духа», а потом «карася» до полутора лет, наконец-то дожид до десятидневного отпуска. Приехал домой, в Чибижек в то время, когда угрюмые горы пребывали в поре золотого листопада, а знаменитые Клады прикрылись горностаевой периной. И вовремя. Еще бы день-два, и мой отец Степан Гаврилович ушел в Тартаяк промышлять соболя до снежного ноября. Вполне возможно, что встреча сына с отцом произошла позже, через полтора года оставшейся службы. Но, видно, было так угодно судьбе, чтобы мы пожали друг другу руки, обнялись, выпили по чарке и провели несколько незабываемых дней в кругу родных и близких.

Встречи были красочными, бурными, как и всегда в нашем поселке. Но не долгими, «благодаря» первому и последнему Президенту СССР Михаилу Сергеевичу Горбачёву и его «сухому закону». Может, это и к лучшему, потому что Гавриловичу надо было срочно заходить на охоту. А осенью промысловнику дорог каждый день.

Охотничий участок Тартаяк находится от Чибижека в полусотне километров, которые надо преодолеть в три этапа. Первые девять километров можно проехать на машине или мотоцикле по разбитой транспортом, размытой водами таежной дороге до Перевала. Потом – три километра пешком, под гору, до горной красавицы реки Шинда. И последний этап, оставшиеся сорок километров, вверх по реке – на длинномерной, восьмиметровой самодельной лодке с подвесным мотором «Вихрь».

Отпуск мой заканчивался через несколько дней. Идти с отцом в тайгу до Тартаяка нет смысла. Но помочь зайти, занести котомки до берега Шинды – «святое дело», на что я согласился без колебаний.

В ту пору Гаврилыч работал в горноспасательной бригаде Артемовского рудника при шахте №6, в Чибижеке на должности респираторщика. И по совместительству – шофером на «бортовом» ГАЗ-3. Так что с преодолением первого этапа пути, до Перевала, проблем не было. Командир взвода спасателей Рупека Евгений Николаевич дал «добро на машину», лишь бы она стояла в гараже утром следующего дня. И мои обязанности заключалось в том, чтобы довезти отца до Перевала, помочь ему унести продукты до Шинды, пригнать машину назад и поставить ее в гараж. Все ясно и понятно. Так было не раз. Чего уж проще?

Время – обед. Наконец-то, собрались. Погрузили в кузов котомки с продуктами, привязали собак, ружье – за сиденье. Сами сели в кабину. Батя – за руль. Что, поехали? Оказалось – нет. Надо еще съездить на Безымянку, забрать Мещеряковых. Им тоже в тайгу. И, раз идет машина, надо помогать друзьям.

Мещеряковы – два брата. Старший – Николай, за ним – Леонид, или просто Леха. Несколько лет назад в тайгу, в Горелый ключ, с ними ходил их отец Василий Степаныч. Но последнее время дают о себе знать годы. Шахта никогда не проходит даром. А здоровье не купишь.

Третьим представителем охотничьей братии был Рогачев Владимир, если проще – Ганс (да не обидится на меня настоящий герой этого случая). Кто придумал ему это имя, для меня до сего дня загадка. Может, школьные товарищи или более старшие друзья. Но как метко! И «присохло» к нему это прозвище. Володька действительно похож на немецкого мотоциклиста времен Второй мировой войны, каких показывали в кино. Стоит только надеть серый китель, каску, и вот он – образ настоящего немца. Такой же профиль. С горбинкой нос. Тонкие губы. Постоянная улыбочка. Сухая, чуть сгорбленная фигура. Резкие движения. Голос тонкий, слегка сиплый, как у марала во время гона. Может, не случайно за

свою молодую жизнь он разбил семь мотоциклов «Планета».

Вернулись. Около дома Мещеряковых – «полный сбор». Братья и «Ганс» приготовили большие котомки. Собаки – на поводках у забора. В ограде суетятся женщины, жены братьев, дают последние наставления, где что лежит из продуктов. Ругают мужиков, что вот, машина пришла, а вы, такие сякие, языками не ворочаете.

Николай, не обращая на них внимания, босиком, первый подошел к машине, с десятилитровой канистрой, равнодушно бросил за спину женщинам:

– Молчите, сороки. Мужики в тайгу заходят! И уже Гаврилычу:

– Степан, куда поставить?

Гаврилыч с раскрасневшимся лицом проворно выскочил из кабины, заскочил в кузов, принял канистру:

– Это что, керосин?

– Да нет. Привет от Горбачева, – сухо усмехнулся Николай.

Я сразу понял, что братья Мещеряковы в связи с указом Михаила Сергеевича приготовились основательно. Леха, подавая объемистые котомки, завалился под машину. Ганс, протягивая сухую руку отцу, распушился как глухарь на току. А что говорить про моего отца: он три дня встречал сына...

Наконец-то загрузили котомки, подвязали по углам кузова собак. Потом, подсаживая друг друга, в кузов залезли братья. И сразу же выпили по стопке самогона (из фляжки отца) в честь захода в тайгу. Я сел за руль – поехали!

Провожал нас тоскливым взглядом отец братьев Мещеряковых Василий Степанович. Провожал сынов на охоту, а сам оставался дома. Серое лицо. Мутные, подслеповатые глаза. Сгорбленная, угловатая фигура. И блестки невольной «росы» из глаз...

Запел двигатель. «Газик» легко покатился по проселочной дороге. Я в кабине один. Все остальные – в кузове. Двадцать душ. Четыре человека и шестнадцать собак. Мужики – вдоль бортов, хитро посматривая на батину фляжку. Собаки – по углам кузова, принохиваясь к котомкам.

Придавливаю на «газ». Еду с такой скоростью, чтобы не задавить корову и вовремя остановиться перед каким-то пешеходом. Сидевшие в кузове, кого не увидят, колотят по кабине: стой! Надо «усугубить» в смысле пригубить по маленькой. Шутка ли: целый месяц не увидятся!

В поселке – все знакомые. Останавливаемся через каждые триста метров. Пока доехали на конец поселка, батина фляжка с самогоном опустела. Но не беда. Есть еще канистра с бражкой.

Я повернул вниз, поехал мимо шахты, на выезд из Чибижека. Ни раньше, ни позже, на шахте – пересменок. Люди идут, смотрят. Мужики в кузове запели «Когда я на почте служил ямщиком». Кто нас знает, а знают все, прощально машут руками: «Пошли... Чтобы вам ни одного соболя в котомку!» Возле клуба с работы идет Ауль Александр. В народе, среди нас, просто Шура. Шутка ли – проходчик! Звучит! Выбритый, отутюженный, но немного уставший. Новенький, бежевый плащ. Черные, атласные брюки. На ногах – лакированные туфельки. Шик, а не мужик! Мне по кабине постучали. Остановился. Ганс спросил:

– Шура, пить будешь?

Александр долго не раздумывал:

– Сухой закон, кто не будет?!..

– Ну, тогда садись в кузов, а то нам некогда.

Шура – один прыжок – и в кузове. Только плащ за гвоздик зацепился. Порвал. Дырка маленькая. Десять на десять сантиметров. Но хозяин синтепонового прикида думал недолго, равнодушно махнул рукой:

– Черт с ним. Новый куплю. А что у вас выпить..?

Ему тут же налили добрую кружку браги. Выпил. Гарилицы стукнул ладошкой по кабине: поехали!

– Куда? – Шура удивленно вскинул брови. – Я со смены, домой надо...

– Не переживай. До Прачки доедем, у Володи посидим. А оттуда придешь, – бухнул Ганс.

К этому моменту у Шуры по всей вероятности уже произошел прилив «чудодейственной сил», и он уже безразлично махнул

рукой.

Я придавил на «газ». Сейчас уже не вспомнить, кто первый подал идею заехать в гости к Володе. Может, Гаврилыч. Или Ганс. Но мне кажется, что всему виной щедрое гостеприимство хозяина заимки, от которого отказаться никак нельзя.

Володей его называют среди старшего поколения. Для молодых – Михалыч. А полностью – Мучта Владимир Михайлович. В Чибижеке личность знаменитая, можно сказать, неповторимая. Во-первых, надо отметить добродушный характер этого человека. Мне кажется, у него в жизни никогда не было врагов. Любому человеку не откажет. Кто-то предлагал написать плакат на дороге у его дома: «Не проезжайте мимо»! На что, я думаю, Владимир Михалыч не обиделся. Во-вторых, – внешность. Для своих шестидесяти лет и богатырском телосложении – вес около полутора центнеров. Михалыч – нерасторопен, покладист. Такова же и его речь, медлительная, нараспев. Мне кажется, что Михалыча можно сравнить с медведем, который съел на пасеке пуд меду (да простит меня дядя Володя за такое сравнение), и стал до такой степени сыт, доволен и равнодушен ко всему происходящему, что, если побежит Шинда на восток, он просто пожелает этому «светопреставлению» удачи. На каждое слово у Михалыча есть своя трактовка, своё название. Возможно, это эхо «старой жизни», память об Украине, откуда он родом. Попробую объяснить некоторые из них, которые буду приводить в этом рассказе. Например, кружка бражки у него – чарка. А бражка – чудесный напиток! (обязательно с восклицательным знаком). Мотоцикл – Карька. Жена Любовь Кузьмовна – казачка. И так далее. Так вот. Когда Михалыч приглашает кого-то в гости, говорит так: «Пойдем на чарочку!» И поэтому и «присохло» у всех на губах: «Поехали к Михалычу, на чарочку»!

Живет Владимир Михалыч со своей супругой на Прачке. Сказать точнее – по Прачечному ключу. Когда-то здесь был большой старательский поселок, много дворов, магазин золото скупки... Да, да уважаемый читатель, это то самое место, где в 1896 году ссыльные Белов и Тархан в шурфе нашли золотой

самородок весом в 32 килограмма. Немного, немало – два пуда. Муляж самородка находится в Минусинском краеведческом музее им. Мартыанова. Но это уже другая история.

От Чибижека до Пращки – два километра, может, чуть больше. Идти пешком – пятнадцать минут. Ехать на машине – пять. Вот почему Шура не отказался прокатиться с нами до Михалыча. Не сложно вернуться назад, в поселок. Тем более что «чудесный напиток» Михалыча «вышибает из ума» трезвого человека с третьей кружки.

Свернули с дороги, заехали. Осторожно, чтобы не зацепить мотоцикл хозяина, который он нежно зовет Карька, я подвернул к воротам ограды. Подвыпившая охотничья компания картошкой посыпалась из кузова на землю. На крыльцо резво выскочил хозяин заимки. Увидев «окрыленную саранчу», он недоуменно округлил глаза, зашевелил губами, и мне стало понятно, что такие гости ему сейчас некстати. И еще показалось, что Михалыч мысленно, про себя, нас просто «отправил дальше, в тайгу». Но, нам уважительно объяснил, что сегодня топит баню, а Кузьмовна пошла в магазин. В общем, дал понять, что нам здесь делать нечего. В доказательство своих слов накинул на дверь щеколду и пошел по огороду к бревенчатому сруб, из которого валил дым. Честная, подвыпившая компания что-то еще спрашивала, кричала Михалычу вслед, но он не обращая внимания, проворно уходил все дальше и дальше.

– Михалыч! Кружку дай! – кричал Ганс.

– Из ладошек попьешь, – не оборачиваясь, отвечал Михалыч.

– Дай воды напиться! – раскачиваясь из стороны в сторону, умолял Леха.

– До Перевала ручьев много! – был ответ.

Михалыч понимал, стоит только кого-то впустить в дом, как другой попросит покурить, а третий намекнет на «чарку чудесного напитка». По доброте душевной хозяин заимки не сможет сказать «нет», и, в конце концов, гости останутся до утра.

Но охотничья братия имела другие виды на ситуацию. Зная добродушный, безбидный характер Владимира Михайловича,

каждый из мужиков уже видел в своих руках литровую кружку. Отказаться от искушения было нелегко. Кто-то «легонько» толкнул дверь. Щеколда упала, путь в дом оказался свободен. Я был трезв, воспринимал ситуацию вторжения в чужие владения с недоумением и даже возмущением, пытался остановить толпу. Но где там!... Один лишь Шура Ауль, оказавшийся к этому моменту наиболее трезвым в сравнении с другими, с опаской посматривал через огород на баню и загробным голосом не переставал повторять:

– Постреляет. Как есть говорю, постреляет...

Тем не менее, все кто был в кузове, в том числе и я, последний в шумной ватаге, ввалились в кухню. В доме никого, только кот заскочил на шифоньер.

Сразу же, как вошли, все расселись по стульям около стола. Думали, сейчас придет хозяин и нальет по чарке. Но хозяин не показывался. По всей вероятности, Михалыч, надеясь на совесть незваных гостей, докуривал очередную сигаретку, ожидая, когда они уедут.

Но, как оказалось, совести у охотничьей братии не оказалось совсем. Это подтвердилось тем фактом, что Гаврилыч, точно знавший местонахождение «чудесного напитка», не дождавшись хозяина дома, сам полез за печку и выставил на середину кухни тяжелую емкость.

«Чудесного напитка» оказалось много. Четырехведерная алюминиевая фляга была заполнена под крышку.

– Вот сейчас, точно постреляет, – ухватившись за голову, простонал Шура.

– Надо в окно посматривать, – спохватился Ганс, выскочил в комнату зала, и вдруг радостно изрек: – А вот оно, ружье!

Курковая двустволка, как это всегда бывает у людей тайги, стояла самом на видном месте, у телевизора. Ганс схватил ружье, вынес на кухню. Гаврилыч отобрал у него «тулку», спрятал под диван:

– Пока будет искать, мы успеем по две кружки выпить.

Открыли флягу, «прогнали» кружку по кругу. Я отказался:

внутри меня что-то остро покалывало как предчувствие недоброго. Стараясь предотвратить события, робко предупредил:

– Батя! Время вечер, ехать надо, скоро стемнеет.

Мое предложение было воспринято как сигнал к действию. Шура меня поддержал, Ганс согласился, братья Мещеряковы дружно закивали головами. Гаврилыч подтвердил:

– Ну, по последней в этом доме! Когда теперь с Володей увидимся?

Я вышел на улицу, сел в машину. Михалича так и не было видно. Наверно, ожидая, когда мы уедем, хозяин заимки докуривал пятую сигаретку. С тоской посматривая на курившуюся баню, я залез в кабину, посигналил, потом завел двигатель «ГАЗика», надеясь, что все побыстрее выйдут.

И действительно, охотничья братия выскочила в ту же минуту. Первым, озираясь по сторонам, вылетел Шура. За ним, открывая настежь двери сеней, ковылял Ганс. Третьими, спотыкаясь и едва не падая, шли Николай и Леха. И – о, Боже! – тащили за ручки злополучную флягу с брагой. Последним, с хозяйской кружкой в руках вышел отец, закрыл за собой дверь и накинул щеколду.

Помню, я что-то говорил, пытался образумить своих спутников. Но фляга практически мгновенно оказалась в кузове машины. А с ней и вся охотничья братия. Как мне тогда показалось, очень даже быстро, не так, как это было на Безымянке, у дома Мещеряковых. Тогда Леху подсаживала его жена Валентина. Теперь же он первым присел у кабины, прикрыл флягу своей курткой без посторонней помощи. За ним сверкнул босыми пятками Николай. Ганс, как заяц, перемахнул с торца одним прыжком. Гаврилыча, предварительно приняв у него кружку, вытянули за руки. Последним через борт завалился Шура, как всегда робко протянул:

– Пожалуй, и я с вами до Перевала прокачусь...

Хлопнули по кабине:

– Давай, пошел!...

Делать нечего, хрустнул коробкой, осторожно поехал прочь от дома Михалыча. А у самого в голове рябчик порхает: «Что-то будет?»

Долго ли, коротко кидало грузовичок по разбитой дороге, но доехали до 57-го разреза. От Прачки – два километра. Гаврилыч стукнул по кабине:

– Стой! По кружке выпьем. На ходу плещется.

Я остановился, заглушил двигатель, жду, когда мои спутники очередной раз испробуют «чудесный напиток». Открыл дверку, смотрю. А они уже выставили флягу посреди кузова, расселись вокруг. Ну, почти как на картине, где запорожцы пишут письмо турецкому султану. Да еще рассуждают о вкусах бражки Михалыча:

– Нет, в прошлый раз крепче была.

– Дак, та – на березовом соку, а эта – на смородине!

– Да ничего, и эта пойдет...

Вдруг слышим сзади, за поворотом, мотоцикл тарыхтит. У всех возникла одна мысль: «Кто бы это мог быть?» И, хотя каждый надеялся на чудо, такового не произошло.

Владимир Михайлович выскочил из-за поворота со скоростью Катки Гнеденко, которая сперла в «Авроре» ведро с грибами, и теперь убежала от коромысла Куликова Витьки по зимней дороге в сторону кочегарки. Теперь, как мне показалось, Михалыч не был похож на добродушного медведя с пасеки. Возмущенное, даже гневное лицо хозяина фляги не предвещало ничего хорошего. Его глаза из-под прищуренных век выискивали виновника, чтобы поставить «печать». А кулак у него, надо честно сказать, был размером с трехлитровый чайник. И горе тому, кто попадет под его «пресс».

Бедный «Карька», а точнее «Юпитер-5», взвизгивал, кряхтел под своим хозяином, издавал какие-то харкающие звуки, как будто умолял сбавить обороты. Но Михалыч беспощадно давил на газ, как будто старался выместить свой гнев на своем новом друге.

Мотоцикл «Юпитер-5» стал его недавним товарищем, купил всего полгода назад. Лично я видел Михалыча в этот момент за рулем первый раз, и немало удивился. Новый, с коляской мотоцикл под своим хозяином робким осликом Му. Конечно же, ездить на мотоцикле Михалыч не умел. Как можно научиться

ездить на нём в шестьдесят лет, если человек ни разу не садился за руль велосипеда? Оказывается, можно. Главное – знать, где газ и тормоз. А на скорости можно ехать и на одной. Соответственно, дорожных правил Михалыч не соблюдал по простой причине: он их не читал! И, если где-то видел дорожный знак, то воспринимал его как столбик, о который свиньи могут почесать бока. И считал, что на проселочной дороге от Прачки до шахты своей все должны ему уступать место.

Позже, через несколько лет мужики рассказали мне такой эпизод. Ехал Михалыч на работу утром. Доехал до кочегарки. Сверху, под горку едет ЗИЛ, водовоз. Конечно же, шофер не знает, что Михалычу надо уступать дорогу, едет по своей стороне, чуть с краю. А Михалыч, как загипнотизированный! Если увидел встречный транспорт, считает, что надо ехать к нему. Шофер водовоза соответственно отреагировал, свернул ближе к обочине. И Михалыч – тоже. Мужик, стараясь избежать тарана, повернул к середине дороги. И Михалыч – тоже повернул. Наконец- то, едва не столкнувшись, остановились друг перед другом в паре метров. После чего Михалыч, приподнявшись с седла, помахал шоферу кулаком, возмущенно заорал:

– Ты что, не видишь, что я на пилораму еду?!..

...Завидев Владимира Михайловича, мужички замолчали, приуныли. Наверно, догадывались, о чем их спросит хозяин фляги. И, что у него лежит в коляске под брезентом. А он, не доезжая, десятка метров, выключил зажигание, подкатился на своем Карьке под борт машины так, что мотоцикл, нервно, паралитически влягивая колесами, пытался спеть свою прощальную песню.

– Где ружжо?! – взревел Михалыч голосом абрека, у которого ночью украли жену.

– Там оно, Михалыч, дома! – засуетился на полусогнутых Ганс.

– Я его под диван положил! – приложив руку к сердцу, подтвердил Гаврилыч.

– Зачем брали?!

– Так оно... это, того... на видном месте стояло... – стали

наперебой оправдываться братья Мещеряковы.

– Вдруг, кто возьмет? – просипел Ганс.

– Так кто, окромя вас, пакостей, возьмет-то?! – сняв с созревшей лысины фуражку, вытирая платочком пот, округлил глаза Михалыч.

Мужики, пытаясь оправдаться, что-то заговорили наперебой. Шура Ауль робко предложил Михалычу выпить бражки. Но хозяин фляги проигнорировал. Последний раз, посмотрев на все глубоко презрительным взглядом, поднял за рога своего «Карьку» и в один оборот развернул его в обратном направлении. Затем, щелкнул ключами зажигания, пнул стартер и лихо оседлал своего выгнувшегося «ослика». Мотоцикл взревел от боли, досады и обиды, но послушаться хозяина не посмел. Зашуршали колеса, Владимир Михалыч погнал домой.

– Ну, вот теперь гони! – с тревогой в голосе проговорил мне отец.

– А по кружке? – выдохнул Леха.

– Эх, я и забыл! Мне же завтра с утра на смену, – как бы невзначай бросил Шура.

– Теперь, мы с тобой – одной крови, – просипел Ганс. – На-ка вот, лучше замахни кружечку...

Долго ли, коротко ехали, не помню. Всех нас подгоняло предположение возможного преследования, ярко представлялись картинки, что будет, когда Михалыч хватится фляги. Кочки, канавы, колдобины, ямы вдребезги разбитой дороги показались затыжным перевалом на Пыхтун. Есть такой затыжной перевал в Сисим, когда давишь на газ, машина воеет, но не едет.

Но первый этап пути все же преодолели. Выехали на середину Перевала, до «Гаража». В этом месте все наши местные мужики оставляют мотоциклы и даже машины. Дальше, до Шинды, вместо дороги – две колеи, вымытые водами канавы глубиной по метру и более. Оставшиеся три километра проехать можно только на вездеходе или пройти пешком.

Остановились. Я развернул «ГАЗик», мужики стали вытаскивать из кузова котомки, отпустили собак. В последнюю

очередь сняли флягу, мои спутники «усугубили» по половине кружке. Поднялось настроение, все заговорили, стали обсуждать, как пронести до Шинды флягу с чудесным напитком. В общем, мужички мои, почувствовав безнаказанность, уже предвкушали яркие краски праздника, в честь захода в тайгу.

Но! Рано радовались. Опять же, эхо работающего мотоцикла, как цокот копыт бегущего ишачка, слышали далеко. На мгновение насторожились: «Кто бы это мог ехать? Может, кто из рыбаков?» По потемневшим лицам мужиков стало понятно: знают, кто это едет.

Так же, как и в первый раз, Михалыч появился из-под горки неожиданно, быстро. Его бедный «Карька», преодолевая крутой подъем, от натуги визжал недорезанным поросенком. Сзади клубился густой, сиреневый дым, как будто к нам ехал не человек на мотоцикле, а маневренный тепловоз выталкивал на горку тридцать вагонов. Резиновые копыта шуршали с пробуксовкой, выбрасывая далеко назад мелкие и большие камни. По всей вероятности, в достижении своей цели – догнать – Михалыч не жалел своего трехногого друга, давил на «газ» до отказа, извергая при этом грозные проклятия таким голосом, что соседних кедров сыпались хвоинки. Да и вид хозяина заимки несколько изменился. Некогда добродушное лицо приобрело серые краски болотистого зыбуна, готового проглотить всех, кто покусился на его частную собственность. Теперь с его лба не надо было вытирать пот. Встречный ветерок обдувал гладкую голову, не давая каплям скатываться на лицо. По всей вероятности, фуражку Михалыч потерял по дороге, и не заметил. Обшлага распахнутой курточки развивались на ветру. Из-за спины торчала суровая двустволка.

Несвоевременное появление хозяина фляги Гаврилыч хотел перевести в шутку:

– О! Змей Горыныч летит!..

Но шутка его не была воспринята как должное. Да и воспринимать ее, кроме меня было некому. Николай сверкал босыми пятками в густых зарослях тальника. Леха, взвалив на свои плечи объемистую котомку, проворно подпрыгивал по

дороге в направлении Шинды. Шура, прикрывшись грязным плащом, лежал за колодиной в кустах. Ганс свернулся клубочком за задними колесами машины. Я тоже, «не рыжий», подумывал: «А не рвануть ли мне по проторенной Николаем тропинке»? И только Гаврилыч, уже не в состоянии передвигать ноги, обречено скрестив на груди руки, с мольбой в глазах взирал на разгневанного преследователя. Может быть, чувство солидарности и шанс защитить отца в тяжелую минуту, остановило меня от бегства.

А Михалыч подкатился на несколько метров, выключил ключ зажигания, вместе с «Карькой» конвульсивно подергался в стиле твист, остановился, заучено сдернул из-за спины ружье. Пальцы – на курках. Вроде приготовился стрелять. Кто знает, что у него в голове?

Гаврилыч пал на колени. Лицо – как у невинного младенца. Хоть и критическая минута, но все одно, невозможно не рассмеяться. Рванул на груди рубаху:

– Стреляй в грудь горноспасателя! Рупека с нами!..

Михалыч опешил от такой наглости, удивленно вскинул брови, покраснел:

– Кто? Ты, Степка, спаситель? – и вдруг захохотал громко, заразительно так, как всегда, при глубоком застолье, в кругу хороших друзей.

– Скажи-ка, дружок! Скоко раз в шахте був?

И... положил ружье на колени! Сразу видно: стрелять не будет. Может, холодным ветерком злость выдуло. Или комичное поведение Гаврилыча рассмешило добродушного человека. Но мне, так сразу показалось, что Михалыч и так никогда стрелять бы не стал. Тем более в человека. Не таков его характер. Просто поугатать ружьем хотел.

А Гаврилыч, почувствовав оттепель в душе друга, и того больше заливает, раскачивается из стороны в сторону, наигранно стонет:

– Ну, сам ты пойми, Владимир Михайлович. Ну, как нам к тебе в гости не зайти? Чуть с похмелья не померли: все нутро горит ясным огнем, как на пожаре, сердце останавливается. Руки, как у

парализованного, трясутся. У Ганса вон пена изо рта идет. Леху припадки бьют. Прости ты нас, Михалыч, в последний раз!

– Но ты мне про Гансика не говори, – наконец-то, нараспев, в своем репертуаре заговорил Михалыч. А сам тем временем полез в карман, достал сигаретку, подкурил. Все облегченно вздохнули: оттаял. – У него каждый день пена ротом идет. А Леху, вижу я, как припадки бьют. Вон, посмотри-ка, какой выюк в гору попер! У меня Карька стоко не увезет.

Все потихонечку стали возвращаться из своих укрытий. Николай первый, попал в опалу хозяина фляги:

– Микола! Пашто босой? Лыжи хуть што-ли на ноги одень. В заветерках, вон снег лежить.

– Ничего, Михалыч! Я привычный. В единении с природой надо быть мудрым!..

– Шурик! А ты что это? Хошь бы фуфайченку приодел. А такомо новый плащык на портянку похож... – донимает Михалыч. И уже Гансу: – Ну а ты, кренделевый? Неужто тебя так мой расчудесный напиток согнул?

Досталось всем. Даже мне:

– А ты ко што, боец красноморец? Зачем же с ентими дурачками связался? Приехал бы один, посидели, поговорили. А с ними какой толк? У них все на уме: лясы точить, да брагу глыкать. И, завидев, что возвращается Леха, поучительно выкрикнул:

– Брось котомку-то, дурачек! Все одно назад тащить...

Ситуация нормализовалась. Михалыч опять превратился в добродушного медведя–увальня. Докурил вторую папироску, развернул «Карьку» и, перед тем как уехать, хлопнул могучей ладошкой по сиденью:

– Хлягу верните!...

– Как есть дать, принесем! – радостно просипел Ганс. – Даже с рыбой!

– Молчи, дурак, – осадил его Леха. – Самим бы поймать...

Сел Михалыч на мотоцикл, мы его подтолкнули под горку, и поехал домой. На радостях, что все окончилось благополучно, все опять пустили по кругу кружку. Даже я, успокаивая нервы,

сделал пару глотков.

А время не терпит. На западе солнышко завалилось в тучи – будет снег. Недалекие Клады заметало кумаром: торопись человек, скоро ночь.

Глянул я на часы: половина пятого. До темноты осталось два часа. Успеть бы, спуститься под Перевал на Каратавку, к Шинде. Там, дело будет веселее. Там, с обеих сторон, по берегам реки – избушки. Только вот, дойдут ли мои спутники? Непонятно. Помоему, обрадовавшись удачному финалу с похищением фляги, мужики расслабились, приняли еще по одной чарочке «чудесного напитка» и пристраиваются провести ночь здесь, у колес машины. «Забил я в колокола»:

– Давайте-ка, пошли на речку. Все равно идти надо. А здесь что? Холодно, снег пойдет.

Вроде поняли. Стали собираться. Главное – фляга. Из рюкзака выгрузили продукты в машину, все равно завтра возвращаться, все продукты в один раз не унести, поставили флягу. А рюкзак – на плечи Шуры Ауля. Гаврилыч так и сказал:

– Все равно ты налегке! Не идти же тебе пустому!

Как сейчас помню незабываемую картину: Шура – в туфлях, теперь уже грязном, потрепанном плаще, согнувшись в позу бегущего странника, несет на перевал в рюкзаке флягу, которая у него болтается на спине из стороны в сторону.

Братья Мещеряковы и Ганс водрузили на себя «конские» поклажи, только лямки трещат. У Гаврилыча за спиной торба, в одной руке посох, в другой кружка. Мне достались сразу две котомки: одна на спину, другая на грудь. Да ещё собрал у всех ружья, а их четыре, чтобы не потеряли. После чего, сделал глубокий вздох, пошли друг за другом. Я вышел последним, чтобы, так сказать, «проконтролировать», все ли «поднялись» с места, чтобы потом не возвращаться к машине лишний раз.

Вышли все. Первым – босой, с огромной, конской котомкой, поверх которой были привязаны сапоги, Николай. За ним с такой же объёмной поклажей – Леха. Третьим, опасно покачиваясь из стороны в сторону, выписывая кренделя длинными ногами, –

Ганс. Потом, выгибая спину под игривой флягой, приседая гусем, – Шура. Пятый, показывая Шуре дорогу, – Гаврилыч. Последний, соответственно, – я.

Очень быстро всех обогнал. Что тянуться за «убогими»? Последний раз, перед перевалом посмотрел назад: вроде бы, идут все. Облегченно вздохнув, дай Бог ноги, зашлепотил вниз, под гору, на Каратавку.

Этот этап пути для меня прошел менее интересно. Что такого, переставляя ноги, да посматривай, где лучше обойти непроходимые лужи. Как говорит мой отец, в девятнадцать лет не знаешь, «где сердце бьется». Груз на плечах в сорок килограмм все равно, что две пуховые подушки. Лишь бы лямки не порвались.

На берег Шинды, на Каратавку, спустился минут через сорок. Вечер давал о себе знать. Заметно потемнело. Из свинцового неба закапал редкий, но крупный дождь, который очень скоро превратился в мокрый снег. Я подошел к Лехиному сейфу (железная, двухкубовая емкость под замком, куда рыбаки-охотники складывают всевозможные вещи, включая лодочные моторы от «шаловливых ручонок» на время своего отсутствия), приставил за него ружья, котомки, и, не отдыхая, пошел назад, навстречу идущим. Надо помочь мужикам, принести их груз, да проследить, как самому трезвому, чтобы берег речки достигли все из нашей «честной компании».

Не спеша, поднимаюсь, восстанавливаю силы. Настроение хорошее, посвистываю какой-то мотивчик песенки и подбадриваю собак. Надо сказать, что «лохматая банда» из десяти или двенадцати собачьих душ бежала со мной. Когда пришел на Каратавку, они успели «навести порядок», подрались с какими-то чужими собаками и теперь, подняв хвосты, окружив меня спереди и сзади, нехотя бежали обратно. Каждая из них словно говорила безвинными глазами: «Ну, зачем нам, хозяин, идти назад? Пошли лучше в тайгу!» А мне-то как хотелось «померить косогоры» в поисках «синекрылой птицы удачи»... Но оставалось еще полтора года службы где-то там, в далеких волнах Тихого океана.

Иду. Я и собаки. Всматриваюсь вперед. Вот-вот должны

появятся мужики. Дошел до «Первого перекура». Нет никого. Что за дела? По моим расчетам братья Мещеряковы должны меня догнать. Но никого нет. Вот уже и «Второй перекур»... Начал волноваться: «Случилось что?»

А поздний вечер диктует свои права. Стемнело. Под сенью могучих кедров едва видно дорогу. Снег валит, как будто лиса курицу теребит. Хорошо то, что лужи блестят матовым зеркалом. И вот – вершина Перевала! Ну, это уже никуда не годится: так никого и не встретил. Где мужики?

Делать нечего. Надо идти до машины. Прошел около сотни метров вниз. Вдруг – стоп! Посреди дороги что-то стоит. Подошел ближе – фляга! Вокруг – никого. Что за дела? Стал вокруг топтаться, спичками светить. В стороне, на обочине что-то блеснуло. То ли банка из-под консервов или пустая бутылка. Нагнулся, парит. Приложил ладонь, да это же лысина Гаврилыча!.. Спит батя, в ус не дует. Самого снегом завалило, только голова протаяла. Рядом, прижавшись к спине отца, завернувшись в плащ, сопит Шура. Начал расталкивать: где остальные? Шура долго мычал, потом, наконец-то пришел в себя, не знаю, говорит, никого не видел. Посветил спичками вокруг, к своей радости нашел пенек гнилой. Развел костер рядом с ними. Пошёл остальных искать.

Заторопился к машине. Как бы ни замерзли мужики. Проскакал тридцать шагов, глядь: в канаве что-то чернеет. Нагнулся, Леха под котомкой лежит. Стал тормошить, этот очнулся быстрее, спросил, кто я, понял, попросил лямки расстегнуть. Говорит, что споткнулся, упал, а назад, из-под баула вылезти не смог. Так и уснул в луже. Поднял я его:

– Видишь, костер?

– Вижу.

– Иди к нему, я потом котомку принесу.

Вроде пошел Леха. Я дальше, вниз. Почти бегу. Опять что-то чернеет. Разгреб снег – Николай. Этот – вообще босиком. Дрожит, замерз, бедолага. Спросил только, до утра скоро ли? Какой там, до утра! Время половина восьмого вечера. Поднял его, показал на огонек на горе.

– Дойдешь? – говорю.

– Дойду.

Он покрепче оказался, взвалил свою котомку, медленно побрел на костер.

Сложнее всего оказалось найти Ганса. Как я ни кричал, он так и не откликнулся. Добежал до машины – нет никого. Поискал вокруг, бесполезно. Я – назад, к костру. Прибежал, а Ганс уже там, пляшет вокруг костра, как пещерный человек. Оказалось, что он завалился не в канаву на дорогу, а за обочину, в кусты. Но поднялся сам, когда я с Николаем разговаривал, и дошел сам.

Успокоился я: когда все вместе, и сапоги не дымятся. Присел передохнуть, а сам уже намекаю:

– Что, мужики, может, спустимся к машине, доедем до поселка, переночуем, а завтра, пораньше утром назад?!

Где там! Никто и слышать об этом не хочет.

– Возвращаться – дурная примета, – лопочет Леха, потягивая из кружки чудесный напиток.

– Нам и здесь неплохо, – смеется Гаврилыч.

– А меня жена, Танюха из дома выгнала, – сипит Ганс.

– Мне только утром на работу, – качает головой Шура.

Николай равнодушно шевелит пальцами ног, спрашивает, где у него сапоги.

Дал ему его сапоги. Думал, он их на ноги оденет, хоть немного согреется. А он, резинки – под голову, чтобы мягче было, а пятки – в костер. Так теплее. Покачал я головой, да делать нечего. Пошел в темноту, пеньки сшибать для костра.

Местные хорошо знают, что на том месте, где «расположились» мужики на ночлег, хороших дров сразу не найти. Когда-то леспромхоз вывез всю деловую древесину. На месте вырубок разросся густой березняк да тальник. Найти хорошую сушинку – проблема. Да и как это сделать без топора и фонарика? Вот и пришлось мне бродить по чертополоху, на ощупь выискивая гнилые, трухлявые пеньки. Хорошо, что Шура помогал. Вдвоем веселее.

Ночь прошла без каких-то приключений. Думал, что к утру

**Иван
РАКИТЯНСКИЙ**
Красноярский край

Ракитянский Иван Петрович родился в 1925 году в деревне Кашинка Нижнеингашского района Красноярского края. Закончил техникум советской торговли, институт народного хозяйства, педагогический институт. Участник Великой Отечественной войны, награждён орденами и медалями СССР.

Стихи начал писать ещё в юношеские годы,. Основная тема его поэзии – война и события на фронте, которые он пережил.

ПЕРВАЯ АТАКА

Что было – то было:
Сначала знобило...
И зубы стучали,
Но это вначале.
Когда мы лежали,
И что уж лукавить -
С надеждою ждали
Команды «Отставить!».
А пули свистели,
А мысли сверлили:
«А вдруг расхотели?
А вдруг отменили?».
Но ротный орёт:
«Подымайся, ребята!» .
И поле плывет...
А в ногах твоих вата...
Команда «Подняться!».
И некуда деться.
Здесь надо вертеться,
И ты завертелся,

И ты закружился,
И с ротою слился,
И в ней растворился,
Остался на месте,
Когда ты поднялся
С ребятами вместе.
И с ними всем скопом
Единым порывом
В атаку потопал
Навстречу разрываю.
Бросками
Растянутой ротной цепочкой
От камня, до камня,
От кочки, до кочки,
По глинистой жиже
К немецким окопам
Земля над тобою
Вставала стеною.
Был воздух тугою
Взрывною волною.
Взрывался металл,
И осколки визжали.
И ты увидал,
Как враги побежали.
И в их ненавистную
Чёрную спину
Ты выпустил диска
Почти половину
И с криком «ура»!
В их окопные ямы
Ты прыгал с бугра
Со своими друзьями...
Бежал, что есть ног...
Сквозь хода - переходы
Кричал «Хенде Хох!»

Под блиндажные своды!
Гранатой «врезал»,
Сёк огнём автомата...
И ротный сказал;
«Закрепляйся, ребята!».

ПОРТРЕТ СЫНА

Фотография, угол помятый,
След неровный от карандаша
Бескозырка, тельняшка, граната,
На груди автомат ППШ.
Ветер ленты и гюйс развивает,
А моряк, симпатичный на вид,
Улыбается всем и не знает,
Что в бою будет завтра убит.
«Здравствуй, мама! Ты видишь, живой я.
Жди и верь – не убьют моряка.
Посылаю тебе перед боем
Своё фото. Целую, пока!
Вот и всё. Двадцать слов на портрете.
«Жди и верь - не убьют моряка».
За окном разгулявшийся ветер,
В доме старая мать и тоска.
И портрет моряка молодого
В чёрной рамке на белой стене.
В сорок первом ушёл он из дома,
В сорок третьем погиб на войне.
Вот ещё один день на закате.
Мать устало ложится в кровать.
А моряк молодой над кроватью
Улыбается, глядя на мать.

ПРИВАЛ

Упаду измождённый
На винтовку щекой,
Ах, как сладок законный
Разрешённый покой.
К деревянному ложу
Лбом горячим прильну.
Ничего нет дороже –
Моментально усну.
Ни единой мыслишки
О грядущей войне
Орудийные вспышки
Где-то там, в стороне...
Старшина наш на грядке
Тоже плюхнулся в грязь
И лежит в плащ-палатке
Как какой-нибудь князь.
Опираюсь спиною
О его сапоги
Ночь висит надо мною.
И не видно ни зги.
Дождь к востоку повёрнутый
Выбивает озноб,
По пилотке развёрнутой
Сеет мягкую дробь.
Вот и дождик не чую,
Распластавшись ничком,
Всё куда-то лечу я
Босиком, босиком
Убегаю с уроков
С ребятнею на пруд.
Нам отпущено сразу
Целых десять минут.
В борозде, в огородах

Расстилаю шинель,
Рву для нашей коровы
Повитель, повитель...
И опять убегаю
С ребятнею на пруд.
Мне отпущено, знаю,
Ровно десять минут
Мне отпущен законный
Разрешённый покой!
Кто там, в плащ облачённый
Тычет в спину рукой?
Кто там, с яростным шёпотом
“Ну, кончай ночевать”,
Отряхнувшись от дрёмоты,
Нам командует : «Встать!»

ПРОБЕЖАТЬ БЫ ПОЛЕ ПОСКОРЕЕ

Пробежать бы поле поскорее:
Не с блинами вражина нас ждёт.
Батарея, моя батарея,
Где обещанный твой артналёт?!
Пулемёты долбят, зверея,
Холодок сосущий в груди...
Подави же ты их скорее,
Стодвадцатка, не подведи...
Наконец, через нас пролетая.
Понеслись снаряды к врагу,
Дай им жару, моя родная,
Я сейчас тебе помогу.
А теперь за пехотой дело:
Эй, славяне, кончай ночевать!

От земли отрывают тело
Не хотящее умирать.
Я иду, с каждым шагом смелея,
Батарея, моя батарея,
Чтоб мы делали без тебя.

ФРОНТОВИЧКА

Ты встретить её улыбкой брата,
Ведь, полной крови мук, невзгод,
Она дорогою солдата
Идёт с тобою третий год.
И никогда она не скажет,
Что трудно ей, что страшно ей,
Тебя спокойно перевяжет,
Хоть грохот боя всё сильнеей.
В огне и под железным градом,
Под свистом бешеным свинца
Она всегда с тобою рядом
В шинели серенькой бойца.

ОДНОПОЛЧАНЕ

Живу я жадно, словно бы за всех,
Кто там остался, у смертельных вех,
Я слышу, как трезвонят соловьи,
Про чьи-то объяснения в любви.
Я слышу крик ребёнка за спиной. –
(О, как он звонок, этот крик земной!)
И шелест листьев трепетной лозы,
И эхо несмолкаемой грозы.
Под утро сон сковал. А сон – как боль.

И в этом сне грохочет давний бой,
И вновь горит и плавится броня,
И мёртвые выходят из огня.

РОВИК У ЛАФЕТА

О, этот ровик у лафета.
Он сколько раз меня спасал!
Запомню я, как до рассвета
Противник спешно отступал.
Свою пехоту за опушкой
Мы незаметно обошли
Противотанковую пушку
К сырой лощине повезли.
Над нами «рамы» закружили,
Мы в землю – не земля, а грязь,
И танки выползли чужие,
И контратака началась.
Вот загремела перепалка,
Сближались выхлопы огней.
Опять спасла меня канавка
От верной гибели моей.

НЕ УМИРАЙТЕ, СТАРИКИ

Не умирайте, старики,
Без вас слабеет наша память,
И оскверняют наше знамя
Пройдох циничные полки
Пустырь, оставленный войной,
Засеял ими наше поле,
И разрослись они на воле,
Погибших подменив собой!

За грош отрекшись от идей,
Они нас ненавидят люто
И разворачивают круто
Страну, давая живых людей.
Но, чтобы овладеть страной,
Чтоб люди прошлое забыли,
Им надо, чтобы вы не жили,
Не стало б памяти живой!
Вот почему по всей стране
В аптеках дороги лекарства,
И меньше стало нас рождаться,
Чем умирать по всей стране!
Не умирайте, старики,
Без вас не выживает племя,
Не всходит брошенное семя
Без мудрой старческой руки.
Пока вы живы, жив наш край.
Он в трудовых воспрянет буднях.
И внук ваш превращён не будет
В жующую тупую тварь.
Нельзя ещё вам уходить!
Не заржавели серп и молот,
Ещё пустырь тот не прополот,
И некем вас нам заменить.
Ну, продержитесь, старики!..

БУДЬ ЗДОРОВ, ВЕТЕРАН!

Повезло – не погиб,
И не сгинул в аду.
Он пришёл без ноги
В сорок третьем году
В восемнадцать спешил
Встать за землю свою

И свинцом был прошит
В самом первом бою.
Не успел заслужить
Он чины, ордена,
Но оставила жить,
Пощадила война.
Пацаны говорят:
«Почему, старина,
Ты не носишь наград?
Где твои ордена?»
Он, по сути, не жил
Ни в аду, ни в раю,
Просто он поспешил
В самом первом бою
Только этот ответ
Не устроил гонцов:
“Ты наверное, дед,
Был неважным бойцом!”
Нынче юным светло,
Нынче юным уют.
Ну, а сколько легло
В самом первом бою?
Ну, а сколько легло
После боя от ран?
Не погиб – повезло.
Будь здоров, ветеран!

СЕЙЧАС БЫ ВОДКИ ГРАММ ПО ДВЕСТИ

Сейчас бы водки грамм по двести
И в сон упасть ничком, до дна.
Мы третьи сутки по Полесью
Идём без отдыха и сна.
Сегодня на сыром рассвете,

Пройдя через огонь пальбы,
Мы с боем захватили эти
Две обгорелые трубы.
В изнеможенье на привале,
Копаясь в выжженной земле,
Солдаты губы обжигали
Картошкой, спекшейся в золе.
Ещё есть время до рассвета,
Чтоб затянуться раз – другой
Одной трофейной сигаретой,
Сейчас особо дорогой.
Она одна, и нужен опыт,
Чтоб поделить на всех её.
Давай курнём – ведь снова топать
Через ершистое жнивье.
И видеть, как ракеты вьются,
Сгорая выше облаков.
И мы, как зернышки на блюде,
Пять русских тёртых мужиков.
И не вчера ли поле это
Нас привело во вражий тыл.
Давай покурим до рассвета,
Чтоб сам рассвет трофейным был.

СПАСИБО РУССКОМУ СОЛДАТУ

Победа! Зазвенело клином
У всей планеты на устах!
И над поверженным Берлином
Победно реет алый стяг.
Четыре года к этой дате
Через огонь, снега, туман
Шёл наш народ и шли солдаты
Через военный ураган.

Пришел войне конец треклятой,
Ушёл гром пушек, страха тень.
Пришёл на землю славной датой
Победный майский, тёплый день.
Спасибо русскому солдату,
Что мир принёс и этим горд!
И эту памятную дату
В своих сердцах таит народ.
А павшим - память честь и слава
В сердцах отныне и вовек!
Их помнит русская держава!
Их помнит каждый человек!
Из поколения в поколение
Несите гордо русский флаг!
Пусть сердце бьётся от волнения!
“Спасибо! Слава!” - на устах.

РОДИНА

Ты каждым стебельком мне дорога,
Излучиной реки, кедровой лапой,
Дымком костра и вкусом пирога,
И шелестом весенних первых капель...
Горами горя, реками вины,
Озёр слезами, обелиском славы,
Где памятью твоей сохранены
Сыны твои по долгу и по праву.

Валерий КАЗАЧКОВ

г.Канск

Сергей ПРОХОРОВ

ХВОСТ

или бесовская поделка

У Нюрки Кузюкиной нежданно-негаданно вырос ...хвост.

Так некстати – в канун бракосочетания. Она обнаружила его среди ночи, когда закинув спросонку руку за спину, чтобы почесать зазудившийся копчик, наткнулась на пушистый, вздрогнувший от прикосновения новообразовавшийся орган...

Машинально, ещё не веря этому странному явлению, скорее по первородному инстинкту, попробовала пошевелить им и с ужасом ощутила всей задней (и не только) частью своего молодого пылкого тела непривычное, щекотливое прикосновение.

По спине, обгоняя друг друга, поползли мурашки и Нюрка, представив завтрашний день свадьбы, впала в обморок.

Очнулась от звона посуды.

Укутавшись простыней, обалдевшая Нюрка поспешила на кухню, где уже орудовала её мама – Аграфена Игоревна

– Пospала бы ещё! Али не терпится в подвенечное платье? – ласково встретила дочку Аграфена Игоревна. Но увидев испуганное лицо Нюрки, озадаченно спросила:

– Что с тобой, доченька?

– Мамочка, я пропала! – И, развернув простыню, повернулась к матери задом.

– Божечки! – Только и успела произнести Аграфена Игоревна, и тут же без чувств рухнула на пол вместе с кастрюлей. Дико заорал кот, судорожно стряхивая с лапок суповой кипяток, беспорядочно растекающийся по полу вместе с кусками мяса, картофельными и луковыми дольками...

На кухню неожиданно заглянул Нюркин папа Егор Иванович..

– Завтракать скоро буде-е...? И тут же лишился дара речи, увидев представшую перед ним картину маслом: на полу в неприличной позе лежала, как бездыханная, супружница Егора Ивановича Аграфена Игоревна. А над ней, причитая: «Мамочка, ми-и-ла-а-я!», распласталась в неприличном виде, проще – в чём мать родила, дочка Нюрка - невеста и без пяти минут мужняя жена. А по белоснежной спине Нюрки извивался, как бы прикрывая наготу, пушистый рыжий хвост.

– Ах, вот вы где все! Пора в ЗАГС! – ворвался на кухню Нюркин жених Костик.

– А что у вас ту-у-т...? – И застыл рядом с будущим тестем, окаменев от увиденного...

А свадьбу всё-таки сыграли.

Придя в чувства, решили – чему быть, того не миновать. Даже обвенчались в церкви, в надежде изгнать бесовскую проделку. Со временем привыкли к хвосту и даже стали не замечать его. И хвост от ненужности сам отвалился. Правда, копчик ещё долго зудился, пробуждая неприятное воспоминание.

НОСКИ

У Федора Зачухина давно закончились свежие носки. Последний раз он менял их полтора года назад, когда мылся в бане. Их ему случайно постирала его горячо нелюбимая покойная супруга Онисья. Может, потому ещё Зачухин и не снимал почерневшие от времени носки, что носил ими по ней траур, - не дай, Бог оживёт!

Носки издавали тонкий, необъяснимый запах окаменевшего пота и неприятно поскрипывали при ходьбе. Встречные прохожие расступались перед Зачухиным за полтора километра.

Из автобуса, куда он заскакивал на ходу, пассажиры стремительно соскакивали, не дожидаясь следующей остановки. На почте, куда Зачухин ходил получить очередную пенсию, огромная очередь пенсионеров дружно выскакивала подышать свежим воздухом. Почтовый работник, не дожидаясь росписи клиента, совала ему, не считая, пачку ассигнаций и захлопывала оконце. В художественной галерее, куда однажды нечаянно, от нечего делать, заглянул Зачухин, Иван Грозный выронил из рук убиенного им сына Алексея.

В переполненном кинотеатре Зачухин досматривал новые популярные киноленты Эльдара Рязанова в гордом одиночестве.

Всё это не волновало, а точнее, не разочаровывало Зачухина. Он чувствовал даже свою выгоду. Особенно в местной городской поликлинике, где в очередях помереть легче. А перед ним даже безногие инвалиды разбежались, как очумелые параолимпийцы. Да и в материальном отношении - какая-никакая выгода. Пара носков – 50 рэ. В году 48 недель, если, конечно, каждую неделю мыться. И на стиральном порошке экономить, если стирать раз в три года. За 10 лет можно скопить на плазменный телевизор.

И, главное, никто не пристаёт. Даже бывшие закодычные приятели-собутыльники разбежались. Им, алкашам, видите ли, нос воротит. А ему, Фёдке Зачухину, ничего: уже приняхался,

ХРАПУКИ

Игорь Васильевич Звонкопукалов и Василий Игоревич Храпавицкий не были закадычными друзьями, но зато были закоренелыми соседями, то есть всю сознательную жизнь жили рядышком, бок о бок... Каждый из них занимался своим собственным делом на своей собственной территории: Игорь Васильевич пилил, строгал, рубил, Василий Игоревич колол, копал, сажил... А вечерами, после сытного ужина они сходились на нейтральной полосе – у скамейки, поставленной между домами и, пожав друг другу руки, устраивались поудобнее в межсоседском деревянном кресле и вели душевную беседу о погоде, урожае, домашних мелочах и незаметно, уже по привычке впадали в сонливое забытье, продолжая каждый заниматься своим любимым семейным хобби:

- Хрррррр.

-Пук, пук.

- Хрррррр.

-Пук, пук.

Проходящие мимо жители села сочувственно вздыхали:

- Ишь, бедолаги, утрудились! Но как дружно, шельмы, выводят!

- Это у них родовое, фамильное.

СНЕЖНЫЙ ЧЕЛОВЕК

Фёдору Ивановичу Безжонкину, старому холостяку и бывшему бабнику, в последнее время стали сниться кошмарные сны.

Вот и сегодня приснилось ему, что он Снежный человек и живёт в ледяной избе с ледяной печкой, в которой горят ледяные дрова ледяным огнём, а на ледяной плите варятся ледяные борщ и каша. И, главное, ему ничуть не холодно. Совершенно. Попробовал ледяного борща - вкусно и горячо, аж пар изо рта. Достал из ледяного буфета ледяной водочки, плеснул в ледяной стаканчик, опрокинул. В горле и дальше по кишкам огнём разлилось спиртное, слегка шарахнуло и по мозгам...

После третьей опрокинутой стопки Фёдор Иванович прошёлся, поскрипывая ледяным полом по ледяной квартире. В ледяной спальне присел на ледяную кровать, поскрипел ледяными пружинами. Задумался. Глянул на себя в ледяное зеркало.

- Бррр. Вот рожа, так рожа. Старею. Бабу, что ли, завести? Вдвоём-то веселее будет. Где ж я последний-то раз бабу видел? Ах, да, на школьном дворе! Там детки Снежную бабу лепили. Большая и толстая. Пойду, посватаюсь.

Зашёл на школьный двор, подошёл к Снежной бабе. Подумал: «Вроде, ничего, даже в шляпе».

- Здорово, баба! Пойдём со мной жить! Что тебе тут на дворе? Ребят развлекать? Меня будешь развлекать. Я большой и горячий, и дом у меня настоящий ледяной, и кровать...

- Пошёл бы ты, бесстыдник, отсюда, куда подальше. Постыдился бы, старый развратник, деток! - Возмутилась Снежная баба.

- Фу, ты! Чертовщина какая-то, - очнулся от сна Фёдор Иванович. - Приснится же такое... Надо всё-таки жениться, а то сны кошмарные замучают..

Ироническая проза

**Екатерина
АЛЕКСЕЕВА**

Нижний Ингаш, Красноярский край

Екатерина Ивановна Алексеева - педагог. Всю жизнь отдала школе. Преподавала русский язык, литературу, руководила коллективом Поканаевской средней школы.

Сейчас на пенсии. Активно участвует во всех литературных мероприятиях района.

ГРОБОВАЯ ИСТОРИЯ

(Быль)

Девяностые годы. Горькие, бартерные, а порой и комичные.

Особенно тяжко пришлось тем, у кого не было «шила», чтобы обменять его на «мыло». В глубоком таёжном посёлке без какого-либо производства особенно было трудно школе.

Поселковой администрации повезло: ещё со времён Краслга осталась хорошая пилорама. Обменяли. На... предсмертный тракторишко, Тракторок (светлое будущее посёлка) на нескончаемом ремонте.

А как же школе быть? Менять, продавать нечего. Если школьные токарные станки, молотки да небольшенькую циркулярку, так самим всё это нужно (трудовое обучение, заложенное ещё при социализме) - учить детей надо было, программу выполнять.

Нужен ремонт, хотя бы косметический, подготовка отопительной системы, водокачку подлатать надо - на всё деньги нужны, где их взять?

Из управления дан приказ: мышкуйте, ищите спонсоров, организуйте предпринимательство, одним словом, учитесь добывать деньги.

Как? Этот вопрос не давал покоя. И вот придумали директор школы с завхозом Ласточкиным - делать гробы.

Народ мрёт. Кто от перепоя (спиртоносы выживали, не ленились), кто от безнадёги, безденежья и тупика, кто от обострившихся болячек. Гробов в посёлке нет, нечем напилить кругляка, нет пиlorамы. Тракторочек заржавел, да и не по профилю - гробы делать. Вот тут-то и пригодилась школьная циркулярочка.

Пошли заказы. Дорого за домовину не брали, но денег скопили, провели очень даже нормальный ремонт, чем удивили комиссию по приёму школы. Конечно, директору пришлось сознаться, откуда деньги, за что получила ироничные усмешки коллег по цеху и угрозу главного руководителя.

Так, может быть, и дожили бы до светлого капитализма, да пришло в голову уважаемому денежному пенсионеру гроб себе заказать. Чтобы ещё при жизни быть спокойным: деньги в надёжном кутке, телеграммы родным написаны (их только отправить) и гроб, акуратненький, стоит.

И вот в одно весеннее утро влетает в кабинет директора расстроенный завхоз Ласточкин:

- Устал, не могу, одолел уважаемый пенсионер! Гроб ему нужен при жизни. Разговаривайте с ним сами, боюсь, не выдержу и своей лексикой школу опозорю. Выручайте, да и пиломатериала почти не осталось.

Директор была дамой с юмором: сначала рассмеялась, затем предложила завхозу послать пенсионера к ней. Разговор директора с заказчиком прошёл впустую. Подумала, подумала бедолага и приказала Ласточкину:

- Гроб делать, и никаких уговоров!

Взялись за работу под строгим контролем заказчика:

- Вот здесь щёлочка – законопатить!

- А вот здесь щербинка - убрать!

- А здесь нажаточкой подтереть – глаже будет!

- А здесь бы уголки закруглить.

Все недочёты ликвидировали мастера - грободелы.

Пришло время расчёта за гроб.

- И сколько?

- 200 рэ.

-?! Дороговато!

- Так гроб как игрушечка! - Возмутился завхоз. На что последовало: «Отказываюсь. Умру, так сестра покойной жены настоящим умельцам закажет домовину».

Остолбенели грободелы: лучший стройматериал истрачен, лето на носу, ремонт нужен, а тут деньги уплыли. Ушёл крепкий мужчина, не извинившись, и директора перестал замечать.

Горько. Стоит домовина в столярке и никому не нужна. Лопнуло терпение работников смотреть на своё изделие, и решили они перенести его в школьную мастерскую. Уже началась весенняя полевая практика, и занятий в мастерской не было.

Стоит гроб, ждёт хозяина.

А тут поселковые озорники - предприниматели решили слазить, пошарить в кладовую мастерской, там можно было раздобыть кое-какой металлолом.

Вечером собрались у школы, высматривают, как лучше в кладовую проникнуть. Нашли лаз, забрались и – остолбенели - гроб! Бежали

озорники, кто куда, сразу пропал интерес к школьному имуществу.

Гроб через два месяца был продан, а уважаемый заказчик умер года через три. Вся родня съехалась: уважаемые, хорошо одетые люди, тактичные и умные. Пришли в школу гроб заказывать. А гроб-то делать не из чего. Как хоронить? И по-мусульмански не похоронишь - христианин.

Школьные гробовщики упёрлись:

- Делали гроб? Делали!

- Сам заказал, сам и отказался.

- Досок нет!

Смотрит директор на дочь и сына покойного и не знает, что делать. Опомнилась, дала команду Ласточкину:

- Материал найти! Просьбу выполнить.

Хотел послушаться завхоз, но исполнительным и покладистым человеком был. Где были взяты доски, только Богу известно. Сделали гроб. Старались.

Похоронили уважаемого человека, а школьные мастера за вырученные деньги помянули его крепенько. В школьный сейф деньги не попали.

И хорошо.

Жизнь изменилась, и школе не надо ломать голову, как выжить.

Переболело всё. Только где-то в душе и грусть, и горечь, и смех.

В НОМЕРЕ:

КУЛЬТУРА

«О родине негромко говорю». Лилия Енцова	3
«Начали с Сергея Михалкова». «Поздравляем с победой!» . Нижнегашская Центральная библиотека.....	6
У «Истоков». Лариса Захарова.....	13
Сергей Тинский. «Тепло от мужества».....	239

ПОЭЗИЯ

Николай Ерёмин. Стихи.....	40
Сергей Прохоров. «Арифметика любви». Стихи.....	61
Сергей Носов. «Плавники этой осени рыбы». Стихи.....	70
Оксана Шевченко. Стихи.....	77
Виктор Воловик. Стихи.....	103
Даниил Плахин. Стихи.....	133
Татьяна Солодкова. Стихи.....	138
Валерий Басыров. Стихи.....	175
Равиль Валеев. Стихи.....	179
Ольга Голубева. Стихи.....	187
Лаоиса Афанасьева. Стихи.....	192
Владимир Миронов-Крымский. Стихи.....	196
Виктория Анфимова. Стихи.....	204
Иван Ракитянский. Стихи.....	264

ПРОЗА

Екатерина Данкова. «Родова».....	10
Владислав Кураш. «На передовой». Рассказ.....	50
Фёдор Ошенев. «Впервые на посту». Рассказ.....	107
Елена Кириллова. «Берёзы, дубы, пальмы».....	124

Александр Ралот. «Звезда по имени Лукас».....	161
Алексей Курганов.«Моцарт и Солярый».....	167
Дмитрий Воронин. «Поздняя месть».....	208
Виктор Корицкий. Воспоминания.....	216
Николай Леушев.«Лодка». Рассказ.....	216
Владимир Топилин. «Длинная «лыжня» Чиббжека».....	242

ПУБЛИЦИСТИКА

Владимир Лядев.«И тогда Дон онемел от ужаса...».....	83
Анатолий Казаков. Братск. Николаевна.Денис Майданов.....	142

ЛИТЕРАТУРА

Сергей Прохоров. «Бабушкины розги»	156
--	-----

ТВОРЧЕСТВО - ДЕТАМ

Стихи покорили ребят. Татьяна Ставер.....	231
Сергей Прохоров. «Современный Колобок».....	233

ИЗ РЕДАКЦИОННОЙ ПОЧТЫ

Валерий Казачков. Стихи.....	276
------------------------------	-----

ВЕСЁЛЫМ ПЕРОМ

Сергей Прохоров. «Хвост» и другие весёлые миниатюры.....	276
--	-----

ИРОНИЧЕСКАЯ ПРОЗА

Екатерина Алексеева. «Гробовая история».....	282
--	-----

**Некоммерческое объединение творческих сил
«Литературно-художественный и публицистический журнал
«Истоки»**

*На 1-й стр. обложки «Презентация книг».. На 4-й стр. картина
художника Петра Михейчика «Сенокосная пора»*

**Основатель и главный редактор -
С.Т. Прохоров**

**Редколлегия:
Н.Н. Ерёмин, Л.А. Енцова, Е.С. Данкова**

Корректор Л.А. Енцова.

**Адрес редакции: 663850, Нижний Ингаш,
ул. Ленина, 20 «А», кв. 1.**

**Телефон рабочий: 8-391-71-21-3-45;
сотовый: 8-983-160-35-06**

E-mail: proh194216@yandex.ru

Сайт журнала: <http://istoc.3dn.ru>

**Рукописи не возвращаются и
не рецензируются.
При перепечатке материалов ссылка
на «Истоки» обязательна.**

**Отпечатано с готового оригинал-макета
Формат А4**

**Изготовлено в типографии
«ЛИТЕРА-ПРИНТ»
Красноярск, ул. Гладкова, 6.
Телефон: 950-340**

Сенокосная пора.
Худ. Пётр Михейчик